

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 7

Минск
2014

Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции

Сборник научных трудов

Выпуск 7

Минск
2014

УДК 340(06)+351.74/.76
ББК 34
П78

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»*

*Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука,
практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь,
рекомендованных ВАК для опубликования результатов диссертационных исследований
по юридическим наукам.*

Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенден-
П78 ции : сб. науч. тр. / редкол. : В. М. Хомич [и др.] ; Науч.-практ. центр проблем
укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Бела-
русь.— Минск, 2014. — Вып. 7. — 233 с.

**УДК 340(06)+351.74/.76
ББК 34**

© Государственное учреждение «Научно-практический
центр проблем укрепления законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2014
© Оформление. Учреждение образования «Белорусский
государственный университет физической культуры»,
2014

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА СБОРНИКА
НАУЧНЫХ ТРУДОВ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА
ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Конюк Александр Владимирович – Генеральный прокурор Республики Беларусь, государственный советник юстиции 2 класса

Бибило Валентина Николаевна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор

Василевич Григорий Алексеевич – заведующий кафедрой конституционного права юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор

Данилевич Анатолий Александрович – заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук, профессор

Мartiнович Изабелла Ивановна – профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета Белорусского государственного университета, Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор

Семашко Елена Валентиновна – заведующий кафедрой административного права Института управленческих кадров Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Функ Ян Иосифович – Председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шостак Михаил Александрович – профессор кафедры уголовного процесса Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь, Заслуженный юрист Республики Беларусь, кандидат юридических наук

Эсмантович Ирина Игоревна – декан юридического факультета Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, кандидат исторических наук, доцент

Редакционная коллегия

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», Заслуженный юрист Республики Беларусь, доктор юридических наук, профессор – председатель

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – заместитель председателя

Артюшенко Василий Александрович – начальник отдела проблем эффективности прокурорского надзора, совершенствования правоприменительной практики и законодательства ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Гучок Александр Евгеньевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Сащко Павел Иванович – начальник отдела криминологического прогнозирования основных тенденций, динамики и структуры организованной преступности и коррупции ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сидоренко Дарья Олеговна – ведущий специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» – технический редактор

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и криминологической экспертизы проектов правовых актов ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент – ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНОЛОГИИ

Аккулев А.Ш.

Отдельные проблемные вопросы воспитательной работы в местах лишения свободы Республики Казахстан 8

Афонченко Т. П.

К вопросу совершенствования общеправовых мер воздействия на осужденного в постпенальный период 15

Белокопытов В.В., Филиппенков В.М.

Рецидив преступлений как детерминант преступности 24

Бурый В.Е.

Причины совершения осужденными побегов из мест лишения свободы: криминологическая характеристика 33

Стаценко В.Г.

Сравнительный анализ состояния преступности в Республике Беларусь и Российской Федерации 39

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Бабий Н.А.

Содержание состава преступления и учение о соучастии: тезисы 47

Данисевич А.Н.

Некоторые вопросы совершенствования законодательства об уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность 56

Илий С.К.

Правовые средства предупреждения коррупции в Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития 63

Сащико П.И.

О некоторых проблемах разработки антикоррупционных стандартов 72

Сидоренко Т.А.

Актуальные вопросы предупреждения незаконного оборота, том числе контрабанды, антиквариата 79

Сороговец Д.В.

Уголовная ответственность за нарушение порядка открытия
счетов за пределами Республики Беларусь 86

Хомич В.М., Гладкий П.А.

Субъект уклонения от уплаты сумм налогов, сборов 90

Швед Н.А.

Наказуемость несанкционированного доступа
к компьютерной информации 98

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Карабанова Е.Н.

Уголовно-правовое противодействие «откатам» в России 105

Козьяков И.Н.

Место негласных следственных (розыскных) действий в уголовном
процессе Украины 110

Сенько А.С.

Процессуальные аспекты реализации института освобождения
от уголовной ответственности с привлечением лица к административной
ответственности 118

Солтанович А.В., Хиревич М.Л.

Гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном
судопроизводстве 124

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Дмитренко Д.И.

Введение в теорию голографического исследования материальной
структуры преступления 130

Талалаев В.А.

Структура и содержание криминалистической характеристики хищений
предметов вооружения, совершенных военнослужащими 136

Третьяков Г.М.

К вопросу о криминалистической характеристике рейдерского
захвата как механизма передела собственности 143

Чуприна Е.П.

Особенности предъявления для опознания живых лиц 150

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ
С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ**

Гречанюк Р.В.

Использование международного опыта для создания
специально уполномоченного субъекта в сфере
противодействия коррупции 159

Цуприк А.Н.

Регламентация экономического риска по уголовному
законодательству зарубежных стран
(на примере Польши и Болгарии) 165

Шакель Н.В.

Лоббизм как инструмент противодействия коррупции: зарубежный
опыт 170

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО
ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА
ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ**

Хомич В.М., Русецкий О.В.

Криминологический анализ тяжкой и особо тяжкой преступности
в Республике Беларусь 177

Солтанович А.В.

Осуществление прокурорского надзора за законностью
отказа в возбуждении уголовного дела 207

Хомич В.М., Белокопытов В.В.

О правовой природе и функциональной сущности частного протеста
в системе уголовного судопроизводства 224

НАШИ АВТОРЫ 230

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ 233

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аккулев А.Ш.

Как известно, законодатель Казахстана не дает нормативного определения понятия воспитательной работы применительно к осужденным. В литературе же ее определяют как совокупность мероприятий, обеспечивающих нравственное, правовое воспитание осужденных, повышение их культурного уровня, сознательности и дисциплины, ставящих цель оказать позитивное воздействие на сознание, поведение, взгляды и привычки осужденных, на формирование у них общественно полезных качеств и навыков [1, с. 34].

Как пишут авторы комментария к УИК Республики Казахстан (далее – УИК РК) под редакцией Н.А. Власова, А.С. Михлина, А.Б. Скакова, воспитательная работа – это работа, направленная на формирование у осужденных элементарных навыков социально одобряемого поведения, уважения к личности человека, обществу, господствующим в нем нормам, правилам поведения и традициям человеческого общежития, труду, его результатам, закону, формирование правопослушного поведения [2, с. 21]. По сути своей аналогичное определение дают и авторы другого комментария к УИК РК под редакцией Д.С. Чукмаитова [3, с. 17].

Ст. 105 УИК, не давая определения воспитательной работы, вместе с тем указывает, что она должна быть направлена на исправление осужденных, находящихся в местах лишения свободы, на формирование у них стремления к занятию общественно полезной деятельностью, добросовестного отношения к труду, соблюдению требований законов и других принятых в обществе правил поведения, повышению и дальнейшему развитию знаний у осужденных, их образовательного и культурного уровней. При этом прописывает, что такую работу следует проводить дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания, условий содержания, индивидуальных особенностей личности и обстоятельств совершенных преступлений.

Детально направления, формы и методы воспитательной работы указаны в «Правилах проведения воспитательной работы с осужденными к лишению свободы», утвержденной приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 30 марта 2012 г. № 184 (далее – приказ ПВР). Так, согласно п. 14 данного приказа, основными направлениями, по которым проводится воспитательная работа в ИУ, являются: нравственное, социально-правовое, эстетическое, трудовое, физическое, психологическое воспитание, а также другие его виды, способствующие достижению цели исправления осужденных.

Не раскрывая детально все аспекты воспитательного воздействия, хотели бы обратить особое внимание на ключевые, с нашей точки зрения, организа-

ционные аспекты, усиление которых, как мы считаем, могло бы оказать более позитивное воспитательное воздействие на осужденных, в частности на некоторых вопросах воспитательного воздействия и психологического сопровождения при отрядном содержании осужденных.

На сегодня, в соответствии с п. 34 приказа ПВР, отряд осужденных ИУ тюрьмы и следственного изолятора являются основным организационным звеном в структуре исправительных учреждений, обеспечивающим управление воспитательным процессом и создание оптимальных условий отбывания осужденными уголовного наказания.

Как известно, еще в первой половине прошлого века известный педагог А.С. Макаренко ввел отрядную систему в качестве основы воспитательного воздействия в колониях для несовершеннолетних правонарушителей, сумев внедрить основную педагогическую идею, согласно которой воспитание осуществлялось в коллективе, для коллектива и посредством коллектива [4, с. 381]. Отрядная система была введена в исправительно-трудовых учреждениях СССР в 1957 г. [5, с. 17]. При ее внедрении опирались на опыт А.С. Макаренко. Вместе с тем следует подчеркнуть, что отрядная система впервые была закреплена в СССР нормативно только в 1971 г. Положением о начальнике отряда осужденных, согласно которому он является непосредственным воспитателем осужденных, входящих в состав отряда. В Казахстане специального отдельного нормативного акта, регламентирующего полномочия начальника отряда, сегодня нет.

Фактически используемая с первой половины прошлого века отрядная система и в настоящее время, являясь центром деятельности исправительного учреждения, сохраняет свою актуальность. Несмотря на взятый Казахстаном курс на построение тюрем с камерным содержанием осужденных (2 человека в камере), отрядная форма содержания осужденных еще долгое время будет доминировать в силу сложности поставленной задачи.

В свое время, раскрывая положительную суть отрядной системы содержания осужденных, ученые высоко оценивали воспитательные возможности этой системы. Так, по мнению Ю.М. Ткачевского, отрядная система была направлена на улучшение трудового воспитания осужденных, организацию воспитательной работы, общеобразовательного и профессионально-технического обучения [6, с. 229–230]. А.В. Шамис высказывал суждение, что отрядное звено как организационная форма воспитательного воздействия в целом оправдало себя на практике. Начальник отряда является основным должностным лицом в исправительном учреждении, в чьи функциональные обязанности входит постоянное проведение воспитательных мероприятий среди осужденных [7, с. 136]. Как отмечает В.И. Селиверстов, отряд способствует становлению и закреплению положительных качеств личности осужденного, самодисциплины, инициативы, ответственности за свое поведение, умение подчинять личные интересы общественным [8, с. 200]. Подчеркивая значимость отряда, в воспитательном процессе А.И. Зубков писал, что центром системной воспитательной работы с осужденными, как показал дли-

тельный опыт, является отряд; именно отрядное звено способствует эффективности воспитательного процесса в исправительных учреждениях [9, с. 382]. По мнению Л.Б. Смирнова, отряд способствует формированию коллективизма, воспитанию добросовестного отношения к труду, дисциплинированности, ибо на участках отряды осуществляют контроль за их порядком и благоустройством [5, с. 17].

В целом, признавая позитивные возможности отрядной системы, хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты, которые ставили и ставят под большое сомнение эти самые возможности на практике в деле оказания позитивного воспитательного воздействия на осужденных.

Как нам представляется, отрядная система в пенитенциарных учреждениях стран СНГ, будучи детищем уголовной и уголовно-исполнительной политики, проводимой в свое время Советским Союзом, не оставляла особого выбора, заставляя только лишь каким-то образом приспособиться к ней, пытаться вычленив что-то полезное из того, что есть. Жесткость уголовной политики, чрезмерно широкое применение лишения свободы, крайняя недостаточность финансовых средств, на практике фактическое отрицание прав у осужденных, жесткий ориентир на получение прибыли от трудового их использования привело к необходимости строительства в первой половине, середине прошлого века большого числа исправительных учреждений барачного типа. В которых оптимальной организационной формой содержания осужденных и являлась отрядная система, по образу своему подражавшая армейской. Такая форма позволяла большие массы осужденных, содержащихся в одном учреждении, делить на более-менее управляемые относительно небольшие по численности подразделения по 70–100 человек, ориентируясь, как правило, на количество койко-мест в одном спальном помещении и на тех производственных задачах, которые ставились перед отрядом. Только в начале 70-х гг. XX в. стали нормативно внедрять институт начальников отрядов, определив их полномочия, а также структуру, содержание отряда, что подчеркивает вынужденность приспособления к существующим реалиям.

В этом смысле верно поступил законодатель, предпринявший попытку максимально возможно эффективно использовать сложившуюся отрядную систему в целях организации должного исправительного процесса. Причем в качестве несомненного положительного аспекта, следует отметить не только в целом «идейную», но и «материальную», если можно так выразиться, однородность общества того времени, когда идеология «денег» не довлела над обществом как сегодня в сочетании с широким охватом осужденных трудом и позволяла, при правильной организации, вычленив те положительные моменты, о которых указывают ученые.

Вместе с тем существовала и отрицательная сторона, которая выражалась в чрезмерной политической идеологизации всего общества и процесса отбывания наказания, в том числе несоответствие насаждаемой идеи, целей существующим реалиям. Усугубленное давлением исторически сложившейся отрицательной ментальностью мест лишения свободы, первозначимостью выполнения произ-

водственных задач превращало воспитательную работу в исполнение формализованных мер, не позволявших оказывать какое-либо глубинное положительное воздействие на личность осужденного на системном уровне.

Поэтому сам принцип отрядного содержания осужденных и сегодня остается основным краеугольным камнем, не позволяющим организовать надлежащий воспитательный процесс на системном уровне и с соблюдением принципа индивидуализации наказания. Начиная с исторически устоявшихся сложных взаимоотношений между администрацией и осужденными, наличием в них криминальной субкультуры и так называемых воровских традиций, скученностью большого числа осужденных в ограниченном замкнутом пространстве и заканчивая в целом слабой профессиональной подготовленностью сотрудников администрации, ее низкой социальной защищенностью, преобладанием принципа давления, а не сотрудничества, делают отрядный принцип содержания основным фактором, нивелирующим весь воспитательный процесс. В такой ситуации говорить об осуществлении серьезной, системной, педагогической работы не приходится.

В этой связи нам представляется важным, объективно оценив сложившуюся ситуацию с отрядным принципом содержания осужденных, не имея реальной возможности пока оказаться от нее, попытаться таким образом подправить организационные аспекты, чтобы насколько возможно усилить позитивное воздействие имеющейся системы на личность осужденного.

Так, на наш взгляд, прежде всего, следует кардинально пересмотреть роль и место начальника отряда. Сегодня начальник отряда – это должность для начинающего сотрудника (звание «лейтенант» – «капитан»), на них назначают, как правило, молодых только принятых на работу сотрудников, зачастую не обладающих не только опытом работы в исправительных учреждениях, но и не имеющих достаточного жизненного опыта. Например, по информации предоставленной КУИС средний возраст начальника отряда составляет – 23,5 года, и стаж службы до – 3 лет, имеющих в подавляющем своем большинстве среднее специальное и высшее юридическое образование. При этом Павлодарский юридический колледж КУИС ежегодно выпускает порядка 90 молодых специалистов в возрасте 19–20 лет, которые назначаются начальниками отрядов. Средний возраст же осужденного, содержащегося в местах лишения свободы, составляет порядка 28 лет, средний срок лишения свободы – 8,5 лет, и около 95 % всех осужденных – это лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления.

Нередки случаи, когда начальники отрядов не только не контролируют ситуацию в отряде, но вообще боятся своего отряда, порой попадают под влияние «смотрящих» отряда и т. п.

Между тем, согласно требованию приказа ПВР, основные организационные формы воспитательной работы с осужденными реализуются в отряде (п. 29 приказа ПВР). Начальник отряда организует и отвечает за проведение воспитательной работы с осужденными и для этой цели привлекает сотрудников других служб, из числа которых формируется совет воспитателей отря-

да (п. 35 приказа ПВР). Как видно, вся ответственность, организация воспитательной работы ложится на начальника отряда, который не имеет к тому же помощников (заместителей) и при сложившейся ситуации, просто не в состоянии должным образом обеспечить исполнение данной работы.

В связи с чем, как мы полагаем, уже давно назрела необходимость поднятия престижа должности начальника отряда, и существенного повышения его профессионального уровня. Для чего, как нам представляется, следует эту должность комплектовать лицами, имеющими высшее педагогическое, психологическое образование, не моложе 25 лет, проработавших в органах уголовно-исполнительной системы не менее 3-х лет, установив сетку званий «капитан» – «подполковник», а также большую, чем у иных должностных лиц исправительного учреждения заработную плату. В настоящее время, начальник отряда это не только самая не престижная, беспокойная, но и самая формализованная должность в исправительном учреждении. Сегодня главное, чтобы у отряда был начальник (порой один офицер становится начальником двух, а то и трех отрядов), с которого можно было бы и спросить и который правильно вел всю необходимую документацию. Формальность отношения к должности начальника отряда подчеркивается еще и тем, что на него одного возлагают всю воспитательную работу среди 60–100 человек, которых в принципе нельзя отнести к правопослушным гражданам.

Возникают вопросы также и по организации деятельности совета отряда (далее – СВО). На наш взгляд, есть настоятельная потребность в качественном повышении эффективности и объективности деятельности СВО. Во-первых, СВО формируется исключительно из сотрудников ИУ, т. е. из лиц, в некотором смысле заинтересованных и находящихся под давлением так называемого корпоративного духа наличие и значение которого нельзя ни в коем случае игнорировать. Не секрет, что начальник учреждения, а зачастую и заместители по режимной и оперативной работе это «цари и боги» для своих подчиненных и их мнение является преобладающим. В связи с чем для организации более объективной работы СВО в него следует включать по согласованию представителей специально созданных государством во всех регионах общественных наблюдательных комиссий, иных общественных организаций и представителей основных религиозных конфессий. Во-вторых, в существующем виде СВО состоит из работников учреждения, которые естественно озабочены больше исполнением своих прямых обязанностей, требующих каждодневного внимания и исполнения, и, не отвечая за сам непосредственный воспитательный процесс в отряде, они в лучшем случае присутствуют на заседании СВО, зачастую даже не пытаясь разобраться в степени исправления того или иного осужденного. Не секрет, что порой сами заседания СВО даже формально не проводятся должным образом, собираются необходимые подписи, делаются записи и этим ограничивается.

Такое нивелирование значимости СВО недопустимо, поскольку это подтачивает всю систему оценок, у осужденных появляется устойчивое неверие в объективность решений СВО, безразличие к его деятельности, все переходит

в плоскость сугубо личных отношений между начальником отряда и осужденным: когда осужденный считается «хорошим», исправившимся, если ему удастся наладить отношения с начальником отряда и не испортить их с руководством учреждения. Такое состояние исключает системность, так как все зависит от морально-нравственных установок должностных лиц, которые, к сожалению, не всегда выдерживают критики. Например, в 2011 г. было уволено по отрицательным мотивам 105 сотрудников, в 2012 г. – 71; в отношении 27 сотрудников в 2001 г. были возбуждены уголовные дела в связи с совершением коррупционных преступлений, в 2012 г. – 22 дела; всего было наказано сотрудников в 2011 г. 3959, в 2012 г. – 3681 [10]. И это только видимая часть того, что удалось выявить.

Между тем, СВО выносит свои рекомендации о степени исправления осужденного, на основании которого принимаются юридически значимые решения в отношении осужденного, существенным образом расширяющие или сужающие его права. Так, согласно п. 39 приказа ПВР члены СВО участвуют в обсуждении характеристик на осужденных при подготовке материалов об УДО или о замене неотбытой части наказания на более мягкое наказание, об изменении вида исправительного учреждения и о переводе на другие условия отбывания наказания, а также при выезде осужденных за пределы исправительного учреждения. Как видно, это довольно серьезные вопросы, положительное решение которых зачастую и служит основным мотивом «исправления» для осужденного.

Кроме того, формулировка самих степеней исправления («доказал свое исправление», «твердо встал на путь исправления», «встал на путь исправления», «не встал на путь исправления»), вызывает серьезные вопросы. Поскольку нет законодательного их определения, они не согласуются с положениями УИК РК, нет четких законодательно установленных критериев, при которых устанавливается та или иная степень исправления. Все это только лишь усугубляет и без того зачастую формализованную деятельность СВО.

Рассматривая деятельность СВО нельзя не отметить то, что вышеуказанные решения в отношении осужденных по рекомендации СВО принимаются Комиссиями исправительных учреждений (пп. 51, 60 приказа ПВР). Вместе с тем законодательно не установлено, что это за Комиссия, ее полномочия и состав, не понятно существуют ли такие комиссии вообще. Следовало бы в приказе ПВР обозначить эти вопросы и, если таковые Комиссии не существуют, то создать их в каждом учреждении. На наш взгляд, необходимо в состав этой комиссии в обязательном порядке включить представителей местных органов, прокуратуры, общественных наблюдательных комиссий, иных неправительственных организаций и религиозных конфессий. Такое широкое представительство в составе комиссии местных органов власти и общественности позволит интегрировать местное сообщество в жизнедеятельность исправительного учреждения и вывести работу комиссии за рамки исправительного учреждения не только физически, но, что важно, и ментально. Это придаст ее работе и решениям значимость, сами осужденные воспримут ее

деятельность в ином свете и, что важно, такая организация работы Комиссии ИУ автоматически придаст позитивный импульс деятельности СВО.

Следующим проблемным вопросом, оказывающим отрицательное воздействие на воспитательный процесс осужденных, на наш взгляд, является далекая от желаемого деятельность психологической службы исправительных учреждений, внедренная в 2004 г. Сегодня в каждом исправительном учреждении на постоянной основе работает только один штатный психолог – офицер и один или два психолога – гражданских, так называемых вольнонаемных, в зависимости от лимита учреждения, с мизерной заработной платой.

В соответствии с п. 2 ст. 106 УИК РК воспитательная работа с осужденными организуется на основе психолого-педагогических методов. П. 14 приказа ПВР прямо предусматривает такую форму воспитания как психологическое воздействие. Следует отметить, что приказ ПВР достаточно подробно регламентирует полномочия и сферу деятельности психологов (п. 47 приказа ПВР).

Вместе с тем хотелось бы отметить, что один-два психолога в одном исправительном учреждении (со средней численностью 500 осужденных) физически не могут должным образом организовать психологическую поддержку всем осужденным. Тем более, что участие психолога в воспитательном процессе путем психологического обследования осужденного возможно только при поступлении специальной заявки от начальника отряда. Обязательное же участие психологов предусмотрено только при разрешении вопросов распределения осужденных по отрядам, представления осужденных к УДО, изменения вида ИУ, предоставления права передвижения без конвоя или сопровождения, изменения условий отбывания наказания, разрешения выезда за пределы ИУ (п. 107 приказа ПВР). Крайне недостаточная штатная численность психологов и ограниченность сферы их влияния, как нам представляется, не дают положительного эффекта. О чем ярко свидетельствует в целом стабильно высокая динамика суицидов в местах лишения свободы за 2000–2012 гг. Так, в 2000 г. было 33 случая суицида, в 2001 г. – 44, в 2002 г. – 24, в 2003 г. – 51, в 2004 г. – 32, в 2005 г. – 43, в 2006 г. – 31, в 2007 г. – 47, в 2008 г. – 56, в 2009 г. – 60, в 2010 г. – 36, в 2011 г. – 58, в 2012 г. – 41 [10].

Как видно, какой-либо положительной динамики с введением института психологов не наблюдается, при этом общая численность лиц, содержащихся в местах лишения свободы, с определенной долей колебания, но все же уменьшается.

Смертность от самоубийств – это яркий показатель деятельности, прежде всего, психологических служб. Конечно, нельзя всю ответственность за самоубийства перекладывать на психологов, это результаты деятельности всех служб, их недостаточного взаимодействия. Самостоятельно психолог не справится с медицинскими проблемами, условиями режима, трудоустройства и т. п. Но в большинстве своем суицид – это крайний акт, который заранее не распознали, не увидели психологи. Это психологический кризис, могущий возникнуть внезапно (под влиянием сильного аффекта), но чаще эта внутренняя душевная напряженность накапливается постепенно, сочетая в себе раз-

народные негативные эмоции, которые психолог и должен своевременно выявлять. Это возможно только при планомерной, последовательной работе с постоянным охватом всех осужденных.

В связи с вышеизложенным, представляется целесообразным образование в исправительных учреждениях специальной психологической службы со штатной численностью психологов, равной численности отрядов, т. е. на каждый отряд должен быть закреплен как минимум один психолог. Кроме того задачи, функции, полномочия психологов должны быть расширены закреплены в УИК, а не в подзаконном нормативном акте. Это существенным образом повысит значимость этой сферы деятельности и статус психологов.

Список цитированных источников

1. Перминов, О.Г. Уголовно-исполнительное право: учеб. пособие для вузов / О.Г. Перминов. – М.: Былина, 1999. – 240 с.
2. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Республики Казахстан / под ред. Н.А. Власова, А.С. Михлина, А.Б. Скакова. – Алматы: Баспа, 1999. – 808 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / под общ. ред. Д.С. Чукмаитова, – Астана, 2007. – 443 с.
4. Макаренко, А.С. Соч. Т. 5. – М.: Педагогика, 1985, – 347 с. // Интернет ресурс. – Режим доступа: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/7813/7874/>. – Дата доступа: 02.03 2014.
5. Смирнов, Л.Б. Уголовно-исполнительное право: курс лекций. – СПб., 2002. – 232 с.
6. Советское исправительно-трудовое право / под ред. Н.А. Стручкова, Ю.М. Ткачевского. – М.: Юрид. литература, 1983. – 351 с.
7. Шамис, А.В. Основные средства воздействия на осужденных и механизм их реализации: моногр. / А.В. Шамис. – Домодедово: РИПК МВД России, 1996. – 179 с.
8. Уголовно-исполнительное право / под ред. И.В. Шмарова. – М.: БЕК, 1996. – 616 с.
9. Уголовно-исполнительное право России: учеб. / под ред. А.И.Зубкова. – М.: Инфра- М, Норма, 1997. – 614 с.
10. Приложение 1 к приказу КУИС МЮ РК от 24 июня 2008 г. № 55-ОД.

Дата поступления статьи – 06.09.2014.

Статья посвящена рассмотрению проблемных вопросов воспитательного воздействия на осужденных в исправительных учреждениях Казахстана

Article is devoted to consideration of problem questions of educational influence on condemned in correctional facilities of Kazakhstan.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЩЕПРАВОВЫХ МЕР ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОСУЖДЕННОГО В ПОСТПЕНАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

Афонченко Т.П.

Осуждение порождает общеправовые последствия для освобожденного от наказания в том случае, если это прямо указано в законе. Смысл общеправовых последствий состоит в том, что лица, имеющие судимость, ограничива-

ются в отдельных гражданских правах [1, с. 30]. Правовая природа подобных ограничительных механизмов не может быть признана уголовно-правовой, хотя, безусловно, указанные вопросы крайне важны в плане обеспечения законности и обоснованности мер ограничения, связанных с институтом судимости. Однако они находятся вне сферы действия уголовной ответственности. Главное назначение общеправовых ограничений – обеспечить профилактику правонарушений со стороны лица, совершавшего преступления ранее. Комплекс подобных профилактических мер должен быть адекватен требованиям целесообразности.

В условиях глобализации потенциальных вызовов развитию человечества проблема профилактики правонарушений, в том числе преступлений как наиболее опасной формы проявления социально опасного поведения, является одной из наиболее актуальных на современном этапе развития любого, в том числе белорусского государства. Обязанности государства по защите основных прав, свобод и интересов личности и общества, в том числе от преступных посягательств, закреплены в Конституции Республики Беларусь и ряде других нормативных правовых актов. Проблемы предупреждения преступности на теоретическом и практическом уровнях в той или иной степени являлись предметом исследования и разрешения на всех исторических этапах развития государственности, и вместе с тем до настоящего времени нет единого взгляда на то, применимо ли, например, понятие «профилактика» к предупреждению преступности как явления [2]. Так, Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов используют термин «профилактика» в смысле предупредительного воздействия на девиантное поведение как негативное социальное явление в целом, а не в отношении его эпизодических проявлений [3, с. 10–25]. С криминологической точки зрения предупреждение преступности представляет собой сложный комплекс разнообразных мер упреждающего воздействия [4, с. 338]. Применительно к данной деятельности в литературе употребим также термин «социальный контроль над преступностью», который включает в себя как борьбу с преступностью, так профилактику преступности [5, с. 34–36].

В Республике Беларусь легальное закрепление термина содержится в Законе Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений». Согласно ст. 1 Закона: «Профилактика правонарушений – деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с ... актами законодательства». В свою очередь, общая профилактика правонарушений – это деятельность субъектов профилактики правонарушений по выявлению причин правонарушений и условий, способствующих их совершению, и принятию мер по их устранению, воздействию на социальные процессы и явления в целях недопущения противоправного поведения граждан, а индивидуальная профилактика правонарушений – деятельность субъектов профилактики правонарушений по оказанию корректирующего воздействия на гражданина Республики Беларусь, иностранного гражданина и лицо без гражданства в целях недопущения совершения правонарушений [6]. Указан-

ный нормативный акт на системном уровне закрепил основные направления профилактической работы и фактически не имеет аналогов на постсоветском пространстве. Так, например, в Российской Федерации осуществление профилактической работы регулируются на уровне отдельных административно-территориальных единиц. В качестве примеров можно привести Закон г. Москвы «О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве» 2008 г. [7], Закон Санкт-Петербурга «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» 2007 г. [8] и др.

Представляет интерес сравнительный анализ используемой терминологии и закрепление системы учреждений и органов, осуществляющих профилактическую деятельность. Так, единая система профилактики правонарушений в г. Москве – совокупность государственных учреждений, органов местного самоуправления внутригородских муниципальных образований, некоммерческих организаций и граждан, осуществляющих взаимосвязанные социальные, правовые, организационные, педагогические и иные меры, направленные на предупреждение правонарушений и устранение причин и условий, способствующих их совершению (ст. 1 Закона). При этом ст. 6 этого же Закона предусматривает создание специализированных учреждений системы профилактики, руководство которыми осуществляется Правительством Москвы. Закон Санкт-Петербурга определяет профилактику правонарушений как систему социальных, правовых и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Согласно законодательству Республики Беларусь, профилактика правонарушений – деятельность по применению мер общей и (или) индивидуальной профилактики правонарушений субъектами профилактики правонарушений в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» и другими актами законодательства (ст. 1 Закона). Перечень субъектов профилактики правонарушений приводится в ст. 5 Закона, в которой указаны органы внутренних дел Республики Беларусь; органы прокуратуры, государственной безопасности, пограничной службы, Комитета государственного контроля Республики Беларусь; таможенные органы Республики Беларусь и органы государственной охраны; органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь; Вооруженные Силы Республики Беларусь, внутренние войска Министерства внутренних дел Республики Беларусь, иные государственные воинские формирования и военизированные организации; местные исполнительные и распорядительные органы. В число субъектов профилактики включены также Министерство здравоохранения Республики Беларусь, структурные подразделения областных исполнительных комитетов, Минского городского исполнительного комитета, осуществляющие государственно-властные полномочия в сфере здравоохранения, органы управления здравоохранением других республиканских органов государственного управления, иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, и подчиненных им госу-

дарственных организаций здравоохранения; государственные организации здравоохранения; Министерство образования Республики Беларусь, структурные подразделения областных исполнительных комитетов, Минского городского исполнительного комитета, городских, районных исполнительных комитетов, местных администраций районов в городах, осуществляющие государственно-властные полномочия в сфере образования; учреждения образования; Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь, структурные подразделения областных исполнительных комитетов, Минского городского исполнительного комитета, городских, районных исполнительных комитетов, осуществляющие государственно-властные полномочия в сфере труда, занятости и социальной защиты, структурные подразделения местных администраций районов в городах, осуществляющие государственно-властные полномочия в сфере социальной защиты; учреждения социального обслуживания; Министерство юстиции Республики Беларусь, структурные подразделения областных исполнительных комитетов, Минского городского исполнительного комитета, осуществляющие государственно-властные полномочия в сфере юстиции; Государственная инспекция охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь; юридические лица, на которые возложены функции редакций государственных средств массовой информации; советы общественных пунктов охраны правопорядка; добровольные дружины; общественные объединения и иные организации.

Несмотря на достаточно широкий перечень субъектов профилактики правонарушений, нельзя не отметить, что в тексте Закона законодатель сделал акцент на реализацию профилактических функций, в первую очередь, государственными учреждениями и организациями. Очевидно, что поддержание законности и правопорядка, в том числе путем осуществления профилактических мероприятий – это одно из основополагающих направлений деятельности государства в лице институциональных механизмов соответствующих государственных органов и учреждений. В то же время системность подразумевает охват подобным видом деятельности всех без исключения субъектов, в том числе организаций независимо от форм собственности, религиозными конфессиями и другими институтами гражданского общества. Безусловно, обеспечить в подобном случае последовательность и эффективность проведения профилактических мероприятий достаточно сложно. В то же время повышение уровня правосознания граждан, преодоление негативных последствий девиантного и антисоциального поведения вполне доступны, например и для негосударственных учреждений. Что касается деятельности религиозных организаций, то данное направление также обладает огромным потенциалом и примеры серьезных проектов по интеграции в общество людей, освобождающихся из мест лишения, в партнерстве с Православной епархией в Республике Беларусь уже есть [9, с. 4].

Отметим, что закрепленная действующим законодательством система профилактики правонарушений в литературе получила наименование двухуровневой, поскольку содержит меры так называемой общей и индивидуальной про-

филактики, осуществление которых возложено соответственно либо на систему органов власти и управления, учреждения и организации, либо на подразделения специализированных структур, как правило, вовлеченных в правоохранительную деятельность [3]. Более широкое вовлечение в подобную деятельность коммерческих и общественных организаций, а также граждан, занимающих активную жизненную позицию, позволило бы стимулировать развитие трехуровневой системы профилактики. При построении каждого из уровней с известной долей допущения в основу дифференциации может быть положена точка зрения А.И. Долговой на классификацию мер предупреждения в зависимости от их масштаба [4, с. 340]. Первый уровень мер – общегосударственные, относящиеся к большим социальным группам (или меры общей профилактики); второй уровень – меры предупреждения, относящиеся к отдельным микрогруппам (осуществляемые отдельными организациями, объединениями, в том числе негосударственными, а также гражданами по месту жительства); третий уровень – меры индивидуальной профилактики.

По мнению К.Т. Айтбаева, практика противодействия преступности в большинстве зарубежных стран основана на двух направлениях предупреждения преступности: социальном и ситуативном [10, с. 31]. Социальное направление охватывает меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетних лиц, других категорий населения, являющихся наиболее уязвимыми с точки зрения возможного совершения преступлений – лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, наркоманов, токсикоманов, безработных, а также лиц, имеющих психические отклонения. Однако основной упор делается на совершенствовании форм работы местных общин, образуемых по месту жительства населения. При этом роль местных общин в реализации задач по предупреждению преступности из года в год становится все более значимой. Это обусловлено активной работой, проводимой среди всего населения, повышением уровня массового правосознания, усилением роли и авторитета закона во всех сферах общественной и государственной деятельности, взаимовлиянием сфер борьбы с преступностью с другими областями социальной деятельности. Ситуативное направление заключается в создании условий, позволяющих предотвратить совершение преступлений или не допустить возможности реализации преступных намерений. Это относится к формированию соответствующей правовой базы, организационных основ, экономических, информационных, технических и методических механизмов противодействия совершению преступлений. В отличие от социального направления ситуативное предполагает работу государственных структур, и, в первую очередь, органов полиции и юстиции. К.Т. Айтбаев справедливо отмечает, что как социальное, так и ситуативное направление борьбы с преступностью позволили развить активность населения в сфере противодействия преступным проявлениям, установить приоритет предупреждения преступности в деятельности органов полиции и юстиции, улучшить взаимодействие органов правопорядка с местными общинами [10, с. 33].

В рассматриваемом аспекте заслуживает внимания опыт Германии. Обратим внимание, что полиции Германии отведена достаточно узкая сфера деятельности – противодействие преступности и обеспечение безопасности дорожного движения. Профилактическая работа, выходящая за рамки этих направлений, передана на муниципальный уровень. По общему правилу, полиция действует, если не справляются муниципальные службы, исходя из приоритета невмешательства в частную жизнь граждан. Иными словами, полномочия полиции в сфере профилактики правонарушений ограничены и в основном сводятся к взаимодействию с коммунальными службами. По мнению Ю.В. Давыдова, при таком подходе обществу оказывается более значительный объем доверия. Кроме того, подобный опыт организации профилактической работы имеет несомненную ценность в следующих аспектах: возможность диверсификации полицейской профилактической функции; четкость концепции системы профилактики, отражающей актуальные проблемы, связанные с состоянием преступности и обеспечением безопасности граждан; гибкость структуры, изменяемой по мере появления новых проблем; организационная завершенность системы, выраженной в создании такого звена, как советы по профилактике преступлений в округах города, имеющие задачей объединение всех профилактических усилий на местах; последовательная постановка отдельной цели – повышение безопасности и усиление чувства защищенности граждан; нацеленность на новизну подходов, которые проявляются, в частности, в создании функциональных групп, работающих по проблемам обеспечения безопасности в спорте, домашнего насилия, градостроительной профилактики, формирования «гражданского мужества». Каждый субъект выполняет строго определенные функции, а координирует всю деятельность полиция, которая вправе давать поручения (заказ) другим органам [11, с. 102–104].

Изучение отечественного законодательства, действующего в сфере правового регулирования местного управления и самоуправления, показывает, что потенциал созданных на местном уровне структур в плоскости оказания помощи в ресоциализации, а также в наблюдении за поведением социопативно проявивших себя индивидов фактически не используется. Так, согласно положениям Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», полномочия по охране общественного порядка (совместно с правоохранительными органами), осуществлению деятельности по профилактике правонарушений и участию в борьбе с коррупцией, противодействию экстремизму, в том числе терроризму, закреплены лишь за исполнительными и распорядительными органами на уровне местных администраций (ст.ст. 41, 45) [12]. Советы депутатов, исполнительные комитеты областного, базового, первичного уровней, а также структуры, относящиеся к иным формам местного самоуправления (органы территориального общественного самоуправления), в подобную деятельность в настоящее время вообще не вовлечены. Представляется, что возможность оказания положительного воздействия на лиц, допускающих девиантное поведение, несколько недооценивается. Очевидно, что закрепление за органами местного самоуправления широких полномочий в сфере профилактики правонарушений

нецелесообразно, поскольку может привести к формализму. В то же время внедрение рычагов воздействия на правонарушителя со стороны общественных формирований, в том числе по месту жительства, на наш взгляд, способно принести определенные положительные результаты. В ряде случаев не кто иной, как соседи, наблюдают длительный дегенеративный процесс, завершающийся совершением преступления. Значительная нагрузка на представителей правоохранительных органов, в частности участкового инспектора милиции, не всегда дает возможность вовремя выявить и предпринять соответствующие меры, способные пресечь негативный процесс, что называется «в зародыше», на начальной его стадии, когда сознание того, что окружающим подобное асоциальное поведение небезразлично и может спровоцировать определенные меры общественного воздействия, способно остановить потенциального правонарушителя. С учетом того, что вмешательство в противоправное поведение и активная жизненная позиция являются не обязанностью отдельного гражданина общества, а его правом, представляется нелогичным устанавливать в сфере местного самоуправления какие-либо императивные обязанности в плане воздействия на правонарушителей. Тем не менее, закрепить механизм реализации указанного права для тех, кто желает им воспользоваться, является весьма важным. На наш взгляд, в качестве подобных мер воздействия на местном уровне могут выступать представление в правоохранительные органы о применении мер административного взыскания к правонарушителю (например, на основании протокола собрания граждан по месту жительства по вопросу нарушения общественного порядка и признания правонарушителем своей вины), общественное порицание девиантного поведения, незаслуженно преданное забвению в силу формального отношения к последнему в советский период развития белорусской государственности.

В условиях современного информационного пространства придание общественному порицанию публичности позволит превентивно психологически воздействовать на правонарушителя, сведения о делинквентности которого приобретут общедоступный статус, а также снизит виктимность потенциальных жертв в силу осведомленности о предшествующем асоциальном поведении лица. В перспективе создание на основе выводов приговора суда электронных общедоступных баз данных о лицах, совершивших определенные категории преступлений, в течение определенного периода времени в зависимости от тяжести правонарушения способно оказать аналогичный эффект в масштабах государства и общества в целом, повышая уровень ответственности каждого за свое поведение. Доводы о тайне частной жизни как элементе неприкосновенности личности навряд ли можно признать корректными в плоскости гарантий обеспечения государством общественной безопасности и права каждого на достоверную информацию, которые также закреплены в Конституции Республики Беларусь (ст.ст. 23, 34). Кроме того, чрезмерная «увлеченность» процессом обеспечения прав индивида отодвигает на второй план идею об изначально добровольном исполнении каждым возложенных на него гражданских обязанностей: соблюдение Конституции Республики Бела-

речь, ее законов, уважение национальных традиций, а также достоинства, прав, свобод, законных интересов других лиц (ст.ст. 52, 53 Конституции). Согласно Закону Республики Беларусь «О коммерческой тайне» не могут составлять указанную тайну сведения о нарушениях законодательства и фактах привлечения к ответственности за совершение этих нарушений (ст. 6) [13]. Логично возникает вопрос, можно ли признать тайной частной жизни соответствующую действительности информацию о совершении преступлений отдельным индивиду, потенциально представляющим угрозу для окружающих ввиду тяжести совершенного преступления, рецидивных проявлений и т. п.? Представляется, что в условиях информированности о наличии подобной потенциальной опасности угроза причинения вреда существенно снижается.

Таким образом, на основе вышеизложенного представляется целесообразным сформулировать следующие предложения. В рамках процесса создания трехуровневой системы профилактики правонарушений следует расширить круг субъектов, участвующих в данной деятельности, предусмотрев в законодательстве о профилактике правонарушений возможность осуществления последней также негосударственными, в том числе коммерческими и религиозными организациями и гражданами. В целях совершенствования механизма общественного воздействия на правонарушителя соответствующие коррективы представляется целесообразным внести в Закон Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь», закрепив за органами местного самоуправления различного уровня полномочия по воздействию на лиц, допускающих девиантное поведение, в форме подготовки представлений в правоохранительные органы о применении мер административного взыскания (на основании протокола собрания по месту жительства), а также общественного порицания, в том числе публичного, с использованием на платной основе общедоступных электронных баз данных о лицах, совершивших правонарушения.

Список цитированных источников

1. Иногамов, Ш.Х. Наказание отбыто. Как жить дальше? / Ш.Х. Иногамов. – М.: Юрид. литература, 1990. – 176 с.
2. Чернышев, В.И. Место профилактики преступности в системе социального управления / В.И. Чернышев // Юрист онлайн. Электронный юридический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shkolny.com/mesto-profilaktiki-prestupnosti-v-sisteme-sotsialnogo-upravleniya>. – Дата доступа: 01.06.2014.
3. Блувштейн, Ю.Д. Профилактика преступлений / Ю.Д. Блувштейн, М.И. Зырин, В.В. Романов. – Минск: Университетское, 1986. – 287 с.
4. Криминология: учеб. для юрид. вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 1999. – 784 с.
5. Сутурин, М.А. Профилактика преступности: модель региональной программы / М.А. Сутурин // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 1. – С. 34-36.
6. Об основах деятельности по профилактике правонарушений: Закон Республики Беларусь № 122-З, 4 янв. 2014 г. // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014.

7. О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве: Закон г. Москвы № 14, 19 марта 2008 г. // Консультант Плюс: Российская Федерация. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

8. О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге № 230-42: принят законодательным собранием Санкт-Петербурга 16 мая 2007 г. // Консультант Плюс: Российская Федерация. Технология Проф [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. – Дата доступа: 07.06.2014.

9. Возвращение в социум // Советская Белоруссия. – 2014. – № 104 (24485). – С. 4.

10. Айтбаев, К.Т. Применение зарубежного опыта предупреждения преступности в Республике Казахстан / К.Т. Айтбаев // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 10 (53). – С. 28–36.

11. Давыдов, Ю.В. Организация работы муниципальных служб и полиции по профилактике преступлений в Германии / Ю.В. Давыдов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 102–104.

12. О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь: Закон Республики Беларусь, 4 января 2010 г., № 108-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11000108&p2>. – Дата доступа: 01.07.2014.

13. О коммерческой тайне: Закон Республики Беларусь, 5 января 2013 г., № 16-З // Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H11300016>. – Дата доступа: 01.07.2014.

Дата поступления статьи – 14.09.2014.

В статье дается сравнительный анализ правового регулирования механизма мер общего правового воздействия на правонарушителей в постпенальный период в Республике Беларусь и за рубежом. Приводится краткий обзор национальных нормативных правовых актов, принятых и действующих в данной области. Анализ нормативных актов осуществлен в контексте современной научно-теоретической доктрины профилактики правонарушений. Автором отмечены некоторые проблемы в действующем законодательстве, сформулированы пути их устранения в целях совершенствования действующего законодательства.

The article presents a comparative analysis of legal regulation of mechanism of action of the general legal impact on offenders during postpenal period in the Republic of Belarus and abroad. A brief review of national legal acts adopted and operating in this field is given. Analysis of regulations is made in terms of modern scientific and theoretical doctrine of crime prevention. The author highlights some problems in the current legislation, formulates ways to overcome them in order to improve the current legislation

РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ДЕТЕРМИНАНТ ПРЕСТУПНОСТИ

Белокопытов В.В., Филиппенков В.М.

Слово «рецидив» (от лат. *recidivus* – 'возвращающийся') означает возврат, повторение какого-либо явления после кажущегося его исчезновения. Согласно ст. 43 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за умышленное преступление.

В нашей стране в 2013 г. практически половина (47 %) преступлений совершено лицами, имеющими судимость. Еще более высок уровень рецидивной преступности в отдельных регионах страны (в Минской области – 56 %, Смолевичском и Столбцовском районах – 68 %).

Чаще всего при рецидиве совершаются корыстно-насильственные и корыстные преступления, в том числе разбойные нападения (67 %), грабежи (58 %), кражи (57 %), вымогательства (53 %), угоны транспортных средств (47 %). Достаточно высок уровень рецидивной преступности при совершении особо опасных насильственных преступлений, в том числе убийств (36 %), умышленных причинений тяжких телесных повреждений (30 %), изнасилований (30 %) [1].

Среди лиц, повторно осужденных за совершение преступления, доля женщин относительно невысока и составляет 11 % [1]. Вместе с тем в контингенте рецидивистов криминогенные качества у женщин выражены сильнее, чем у рецидивистов-мужчин: по алкоголизации, многократности судимостей, утрате социально полезных связей, бездомности, нравственной деградации.

Среди лиц, совершивших преступные деяния при рецидиве, наиболее высокая криминальная активность наблюдается в возрастной группе 30 лет и старше, доля которых в общем количестве правонарушителей составляет 58 %. Криминальная активность возрастной группы 18–29 лет (41 %) [1] объясняется тем, что до 30 лет человек находится в периоде наибольшей социальной активности, стремится к самоопределению и самореализации, желая занять свою нишу в жизни. Эмоциональность, импульсивность, склонность к принятию радикальных решений также способствует их противоправному поведению.

Большинство рецидивистов впервые становятся на путь преступлений в несовершеннолетнем возрасте или в первые годы после наступления совершеннолетия. Существует зависимость между возрастным началом преступной карьеры и последующим рецидивом: чем раньше несовершеннолетний становится на путь преступлений, тем интенсивнее и опаснее его рецидив впоследствии [2 (абз. 27, 29)].

По данным исследователей, около 70 % рецидивистов совершили свое первое преступление в возрасте до 18 лет. Чем старше возраст человека, который впервые совершает преступление, тем меньше вероятность рецидива.

Из числа лиц, совершивших насильственные преступления в 2013 г., каждый третий ранее совершал преступные деяния [1]. Данное обстоятельство свидетельствует прежде всего о том, что мощным источником, формирующим насильственную преступность, является тюремная мораль, складывающаяся в местах лишения свободы, негативное влияние на осужденных криминальных авторитетов, а также факторы, связанные с недостатками ресоциализации осужденных, низкой эффективностью постпенитенциарной профилактики преступлений, проводимой сотрудниками органов внутренних дел, в том числе работниками уголовно-исполнительной системы.

Известно, что значительное влияние на личность преступника оказывает его семейное положение. Семья обычно и чаще всего играет роль сдерживающего фактора, препятствующего противоправному поведению, кроме того, от семьи исходит моральная, а нередко и материальная поддержка.

Для рецидивистов характерно отсутствие или разрушение семейных связей, примитивные, уродливые взаимоотношения между членами семьи, вступление в брак с лицами, также имеющими асоциальные взгляды и привычки. Распад семьи у рецидивистов происходит интенсивнее, чем у лиц, впервые совершивших преступление, и усиливается по мере роста числа осуждений. Материалами специальной переписи осужденных зафиксировано, что около 80 % рецидивистов, осужденных за насильственные преступления, не состояли в браке.

Значительный удельный вес лиц, не состоящих в браке, объясняется тем, что рецидивисты провели в учреждениях уголовно-исполнительной системы достаточно длительный период, что обусловило утрату перспективы в жизни и, главным образом, социально полезных связей, деморализацию нравственных свойств и качеств личности. Распад семьи отрицательно сказывается на отношении осужденных к наказанию, что затрудняет возможность их исправления, оказывает негативное воздействие на их поведение.

Важной социальной характеристикой личности являются сведения о трудовой деятельности и об отношении к труду, которые позволяют судить о степени исправления осужденного, вероятности совершения нового преступного деяния. Можно констатировать весьма неблагоприятную тенденцию последних лет – снижение числа работающих и увеличение числа лиц без постоянного источника дохода среди рецидивистов. По сравнению с преступниками, совершившими преступление в первый раз, типичной чертой рецидивистов является дальнейшее ослабление или полное прекращение трудовой активности [2 (абз. 34–41)]. Около 70 % рецидивистов, по данным за 2013 г., составляют лица, которые до осуждения не занимались общественно полезной деятельностью [1].

С увеличением числа судимостей сокращается число трудоспособных и растет доля ограниченно годных к труду, а также инвалидов.

Исследования показали, что практически каждый второй рецидивист, совершивший насильственное преступление, находился в состоянии алкогольного опьянения.

Личность рецидивиста в большей степени, чем впервые осужденного, характеризует устойчивый комплекс отрицательных свойств, черт, признаков, отражающих однородность и узость ценностных ориентаций, специфика ее социальных ролей, ожиданий и личностных установок. В содержании антиобщественной ориентации личности рецидивиста можно выделить:

- пренебрежение интересами общества;
- игнорирование труда как единственно приемлемой формы жизнедеятельности индивида;
- неумение контролировать свое поведение, неуважительное, безразличное отношение к интересам других людей;
- наличие ложных потребностей (употребление алкоголя, наркотиков);
- иные безнравственные побуждения, привычки, интересы.

Наличие данных признаков не только свидетельствует о деградации личности этой категории преступников, но и является тревожным сигналом их предрасположенности к антиобщественному образу жизни. Для них характерна невосприимчивость к воспитательному воздействию общества, в том числе и правоохранительных органов.

Многолетняя преступная деятельность, отождествление себя с преступной субкультурой – все это накладывает отпечаток на поведение рецидивиста не только в момент совершения преступления, но и после осуждения. В механизме преступного поведения рецидивисты выступают в роли «активных творцов». Они более настойчивы в поиске и создании условий для совершения преступлений, менее тяготеют к совершению преступлений в соучастии [2 (абз. 46–54)].

Часто на путь преступников-рецидивистов встают во многих отношениях незаурядные личности, с сильным характером, обладающие организаторскими способностями, притягивающие своими качествами к себе людей. Однако психологическая атмосфера, складывающаяся вокруг рецидивистов, характерна тем, что личность его сеет вокруг себя страх, который буквально подавляет и полностью лишает человеческого достоинства людей со слабым характером.

Рецидивная преступность является одной из наиболее опасных разновидностей преступности. Ее повышенная общественная опасность обусловлена тем, что совершение преступления неоднократно свидетельствует о нежелании лица прекращать преступную деятельность, несмотря на принятые в отношении его уголовно-правовые меры.

Социальный вред рецидивной преступности очевиден. Она не только осложняет криминогенную обстановку в стране, но и формирует и распространяет криминальную субкультуру, противопоставляющую себя обществу, его ценностям и нормам. Преступники-рецидивисты своим примером оказывают вредное влияние на неустойчивых людей, особенно из числа молодежи, вовлекая их в преступную деятельность.

Среди «рецидивоопасных» преступлений особо выделяются преступные деяния корыстной направленности. В первую очередь это, как уже отмеча-

лось выше, кражи, грабежи, разбои, вымогательство, угоны транспортных средств. Невысок уровень рецидива в преступлениях против порядка осуществления экономической деятельности, а также в преступных деяниях, совершаемых по неосторожности. Анализ структуры рецидивной преступности с учетом вида и размера последовавшего наказания свидетельствует, что уровень рецидива выше среди осужденных к лишению свободы на короткий (до одного года) или особо длительный (свыше десяти лет) сроки.

Следует отметить, что рецидивная преступность имеет причины и условия, которые характерны для преступности в целом. Вместе с тем имеется определенная специфика: социальная среда, формируя у ранее судимых лиц стойкую систему антиобщественных взглядов, порождает совершение ими новых преступлений.

Можно выделить ряд причин, способствующих совершению преступлений ранее судимыми лицами:

во-первых, это определенная среда обитания и факторы, которые привели к совершению преступления в первый раз и продолжают действовать на освобожденного после отбывания срока;

во-вторых, это недостаточная профилактическая работа правоохранительных и иных органов по предотвращению рецидивных преступлений;

в-третьих, трудная социальная адаптация бывших осужденных к реалиям сегодняшнего дня, отягощенная бытовыми, жилищными, медицинскими и иными проблемами [3 (абз. 18–23)].

Лица, допустившие рецидив преступлений, обладают преступным опытом, определенными навыками и нередко отработанными способами совершения преступлений. Чтобы избежать наказания, они, как правило, тщательно готовятся к совершению преступлений.

Лицо, допустившее рецидив преступлений, представляет реальную опасность для общества: оно является носителем преступной субкультуры, проявляет устойчивость преступного поведения, психологически отрицает нормы права и даже общепринятые человеческие ценности.

Для преступной субкультуры характерны:

– наличие понятий – определенного набора слов и словосочетаний с особым смыслом, полностью понятного только преступникам и узкому кругу специалистов, сталкивающихся с ними в процессе служебной деятельности;

– беспрекословное исполнение указаний так называемых воров в законе, смотрящих, отсутствие чувства сострадания к людям, нежелание трудиться и стремление жить на средства, добытые преступным путем;

– одобрение таких негативных явлений, как азартные игры, алкоголизм, наркомания;

– отрицание общепринятых норм человеческой морали и нравственности, унижение и оскорбление законопослушных граждан.

Для лиц, допустивших рецидив преступлений, характерен сознательный отказ от собственного исправления, уклонение от формы поведения, которую требует общество. Укоренившееся в них отсутствие интереса к обучению и

общественно полезному труду, дисциплинированности оказывает негативное влияние на будущее поведение. В нем заметно противопоставление своих узколичных интересов интересам общества, коллектива и законопослушных граждан. Противопоставление может выражаться и в открытой агрессии к окружающим. В поведении этих лиц преобладает, с одной стороны, желание показать свое превосходство, а с другой – стремление остаться в стороне, выгородить себя в случае справедливых обвинений.

Среди лиц, допустивших рецидив преступлений, есть отдельные представители, которые в идеале хотят отойти от преступного мира, исправиться, подтверждают свое стремление актами поведения, но большинство из них в силу трудности процесса исправления и длительности периода духовного возрождения не предпринимают для этого никаких усилий.

В зависимости от степени общественной опасности личности и ее криминальной активности выделяются следующие типы лиц, допустивших рецидив преступлений:

- антисоциальные активные (особо опасный рецидив) – лица, судимые многократно. Совершенные преступления и общее жизненное поведение позволяют сделать вывод об активном противостоянии обществу и общепринятым ценностям, правопорядку, идее верховенства закона. Для представителей данного типа характерно раннее начало преступной деятельности. Им присущи антиобщественное поведение, грубое нарушение общепринятых норм морали и нравственности, отказ от общественно полезного труда, наличие только отрицательных связей, незначительные перерывы в преступной деятельности, проявление инициативы в создании преступной ситуации. В период отбывания наказания они активно противостоят требованиям режима содержания. Среди них много профессиональных преступников;

- асоциальные пассивные (опасный рецидив) – в течение длительного времени ведут паразитический образ жизни, нередко не имеют определенного места жительства. Характеризуются общим негативным отношением к обществу, правопорядку, отсутствием положительных социальных связей, отказом от общественно полезного труда, злоупотреблением алкоголем и склонностью к наркотикам. Способны адаптироваться к условиям отбывания наказания. Это лица, многократно совершавшие преступления;

- неустойчивые – преобладают отрицательные социальные связи, часто вступают в контакт с людьми, поведение которых колеблется между социально приемлемым и антисоциальным, у них наблюдается общая склонность к совершению административных правонарушений и преступлений. Обычным для этой категории преступников является наличие двух или трех судимостей. Характерна декларативная поддержка социально одобряемых ценностей, но поведение часто зависит от конкретной ситуации (совершают кражи плохо охраняемого имущества, грабежи и разбои в отношении лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения).

Преступления, совершенные рецидивистами, нередко отличаются большей подготовленностью, попытками уничтожить доказательства и важные следы,

желанием направить следствие по ложному пути, выработкой мер противодействия правоохранительным органам, приобщением к преступной деятельности несовершеннолетних в качестве непосредственных исполнителей.

Еще одной особенностью поведения лиц, допустивших рецидив преступления, является явное нежелание помогать правоохранительным органам в начале производства предварительного расследования, когда могут отсутствовать достаточные доказательства, указывающие на виновность. Они идут на всевозможные хитрости, чтобы запутать правоохранительные органы. Однако если в уголовном деле появляются неоспоримые факты, подтверждающие виновность, поведение преступников данной категории быстро меняется. В данном случае важно отличить действительно раскаяние в совершенном преступлении от вынужденного изменения тактики поведения с целью избежать заслуженного наказания.

Почти всем рецидивистам свойственна недооценка своей вины в совершении преступлений, так называемый комплекс тернового венца, искупление своим страданием якобы чужих грехов. Они охотно жалеют себя, не прочь посетовать на свои жизненные неудачи, считая, что в их преступной доле виновато общество, потерпевшие, правосудие и лишь в последнюю очередь – они сами.

Многие из них отличаются жестокостью, крайней степенью аморальности, примитивным мышлением. Запросы их ограничиваются в основном удовлетворением физиологических потребностей, тягой к грубым развлечениям.

У рецидивиста в значительной степени утрачено чувство страха перед наказанием. Поэтому на него можно воздействовать только тем, что условия, в которых он будет отбывать наказание в исправительном учреждении очередной раз, окажутся значительно тяжелее, чем в предыдущий. И он должен это отчетливо представлять.

У большинства рецидивистов имеются устойчивые отклонения в нравственной сфере, выражающиеся в отсутствии положительных установок. Опираясь на выводы исследователей, можно утверждать, что более чем половине осужденных рецидивистов свойственны такие черты характера, как эгоизм, возбудимость, неуравновешенность, горячность, негативное отношение к общественным интересам, нежелание в отдельных случаях и неспособность предвидеть последствия собственных поступков.

Деформированные взгляды на жизнь, инфантильность в оценке социально-экономических и политических событий, стремление к наживе, завышенный уровень самооценки и притязаний, преклонение перед грубой физической силой имеют около 60 % субъектов рецидива, а бедность языка и мышления наблюдается примерно у 40 % рецидивистов.

Потребность в общении реализуется у рецидивистов путем интенсивных контактов со знакомыми по местам отбывания наказания, бывшими соучастниками, т. е. представителями той среды, для которой характерно преобладание узколичностных интересов, искажение моральных ценностей, систематическое ведение антиобщественного образа жизни.

УК различает три вида рецидива: простой (обычный) рецидив, опасный рецидив, особо опасный рецидив. Однако ни в учебной, ни в специальной литературе не определено, как расценивать рецидив преступлений. Одни авторы характеризуют рецидив как обстоятельство, отягчающее наказание, относящееся к объективным свойствам деяния, другие – как обстоятельство, влияющее на общественную опасность личности виновного, третьи утверждают, что при наличии рецидива заметно возрастает общественная опасность и деяния, и личности виновного [4 (абз. 37, 49)].

Вместе с тем признание законодателем факта совершения преступления лицом, ранее совершавшем преступление, обстоятельством, отягчающим ответственность (п. 1 ч. 1 ст. 64 УК), объективно переносит акцент с деяния на деятеля, поскольку прежнее преступление и судимость за него характеризуют личностные особенности преступника.

Для констатации рецидива необходимо, чтобы на момент совершения умышленного преступления виновное лицо имело судимость за любое умышленное преступление. При этом не имеет значения, в какой форме была реализована уголовная ответственность за предыдущее умышленное преступление (пп. 1–4 ст. 46 УК). Это может быть как осуждение с применением назначенного наказания, так и осуждение без назначения наказания. Главное, что состоялось осуждение виновного, создавшее правовое состояние судимости (ч. 1 ст. 44 и ч. 1 ст. 45 УК).

Следует заметить, что рецидив преступлений устанавливается не во всех случаях наличия судимости у лица. В соответствии с ч. 4 ст. 43 УК судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет, либо судимости, снятые или погашенные в установленном законом порядке, не учитываются при признании рецидива преступлений, т. е. те ситуации, при которых, по мысли законодателя, не должна проявляться антисоциальная направленность личности преступника. Поэтому даже при наличии судимости повторное совершение преступления в указанных случаях не влечет усиления наказания.

В УК 1999 г. в отличие от УК 1960 г. речь идет не о рецидивисте, а о рецидиве преступлений, что в большей степени отвечает принципу равенства перед уголовным законом. Рецидив преступлений является условием назначения более строгого наказания на основании и в пределах, предусмотренных ст. 65 УК.

Таким образом, криминологическим основанием повышенной ответственности является антисоциальная направленность преступника-рецидивиста.

Уголовное законодательство, дав определение рецидива и его видов и определив пределы допустимого ужесточения наказания при опасном и особо опасном рецидиве, сделало существенный шаг в правовой регламентации этого опасного проявления преступности. Однако проблема уголовно-правовых последствий совершения преступления при рецидиве этим не исчерпывается. Строгие правила назначения наказания при рецидиве (опасном и особо опас-

ном), которые неизменно ведут к ужесточению наказания, с криминологической точки зрения не всегда оправданы.

Поскольку рецидив преступлений влечет более строгое наказание на основании и в пределах, установленных ч. 5 ст. 43 УК, суд обязан во всей полноте исследовать порядок и условия, необходимые для принятия соответствующего решения.

Правильное разрешение всех рассмотренных вопросов о рецидиве преступлений – непереносимое условие назначения лицу законного, обоснованного и справедливого наказания по правилам ст. 65 УК. Согласно этим правилам суд, несмотря на вид рецидива, установленный в действиях виновного, в первую очередь в соответствии с ч. 1 ст. 65 УК обязан учесть количество, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенного преступления [5].

При назначении наказания за рецидив преступлений следует учитывать фактор отдаленности нового преступного деяния от предыдущего, которому в криминологии придается существенное значение. Так, он мог бы учитываться в качестве существенного условия для применения ч. 3 ст. 65 УК, т. е. назначения наказания ниже низшего предела, установленного ч. 2 этой статьи.

В судебной практике пока нет единства в понимании того, применяются ли правила ст.ст. 43 и 65 УК, если статья (часть статьи) Особенной части УК содержит указание на судимость лица, совершившего преступление, как на квалифицирующий признак. Одни суды при осуждении за такие преступления признавали наличие в действиях виновных рецидива преступлений и назначали наказание по правилам ч. 2 ст. 65 УК, другие в аналогичных ситуациях не находили в действиях виновных рецидива.

По мнению судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь [5], если статья Особенной части УК содержит указание на судимость лица, совершившего преступление как на квалифицирующий признак, то наказание должно назначаться как при рецидиве преступлений (ч. 2 ст. 65 УК).

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26.03.2002 № 1 «О назначении судами уголовного наказания» для правильного решения вопроса о назначении наказания при рецидиве преступлений (ст. 65 УК) судам необходимо исследовать материалы, свидетельствующие о наличии у виновного соответствующего вида рецидива преступлений (ст. 43 УК), исходя из непогашенных или неснятых судимостей за умышленные преступления. При этом следует руководствоваться правилами погашения и снятия судимости, установленными соответственно ст.ст. 97 и 98 УК.

По смыслу ст. 43 УК рецидив имеет место и в тех случаях, когда умышленное преступление, за которое лицо осуждается по последнему приговору либо осуждалось ранее, является неоконченным, а равно независимо от того, являлось ли лицо исполнителем или соучастником любого из этих преступлений.

Таким образом, действующее уголовное законодательство формально не связывает с рецидивистом понятие множественности преступлений, представляя его в большей степени в качестве составной части учения о личности преступника или субъекте преступления. Нормативным закреплением рецидивиста в качестве специального субъекта преступления законодатель официально признал идею, согласно которой основанием усиления ответственности за повторную после осуждения преступную деятельность является не сам по себе факт совершения преступления, а особенности личности виновного.

Усиление ответственности и наступление соответствующих негативных правовых последствий для лиц, допустивших рецидив преступлений, вытекает из повышенной общественной опасности личности преступника. Данное лицо должно нести повышенную ответственность за новое преступление в связи с тем, что совершило это деяние, несмотря на примененное к нему ранее наказание, и не желает делать выводов из факта предшествующего осуждения, сохранило и даже умножило свою общественную опасность.

При вынесении наказаний указанной категории лиц, безусловно, должны учитываться обстоятельства, характеризующие личность преступника, в том числе те, которые позволяют судить о повышенной степени его общественной опасности.

Всего в 2013 г. за совершение преступлений при рецидиве (включая опасный и особо опасный рецидив) осуждено 18,3 тыс. лиц, что составляет 47,5 % от общего числа осужденных. Следует также отметить, что 8 тыс. лиц осуждено за преступления, совершенные в период отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, а 1 тыс. – будучи условно-досрочно освобожденными либо освобожденными по амнистии и другим основаниям. Кроме того, 6,5 тыс. лиц совершили преступление в первый год после отбытия наказания [6], что свидетельствует о невысокой эффективности работы правоохранительных, судебных и других государственных органов в деятельности по исправлению и перевоспитанию осужденных

Список цитированных источников

1. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений: форма № 453 / Информ. центр МВД Респ. Беларусь.
2. Вожжов, А.В. Особенности личности рецидивистов, совершающих насильственные преступления / Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.
3. Гармаш, А. Предупредить легче, чем вылечить. Профилактика рецидивной преступности среди бывших заключенных / Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.
4. Коротких, Н.Н. Рецидивист как специальный субъект преступления / Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.
5. Обзор Верховного Суда Республики Беларусь от 01.01.2002 «О практике назначения судами наказания при рецидиве преступлений и при повторности преступлений, не образующих совокупности (ст.ст. 65 и 71 УК)».
6. Сведения о числе привлеченных к уголовной ответственности и мерах уголовного наказания: форма № 10 / Верховный Суд Респ. Беларусь.

Дата поступления статьи – 19.08.2014.

В статье приводится криминологическая характеристика особой категории преступников – рецидивистов. Исследуются особенности их личности, связанные с семейным положением, трудовой занятостью, психическим состоянием, преступным опытом, подверженностью влиянию преступных традиций и обычаев.

Авторами анализируется категория «рецидивист» с точки зрения особенностей специального субъекта преступления и правовые последствия установления признаков специального субъекта при рецидиве преступлений.

Выясняются основания применения наказаний к лицам, совершившим преступления повторно и меры усиления уголовной ответственности при рецидиве преступлений.

The article provides criminological characteristics of special category of offenders – recidivists. Characteristics of their personality associated with marital status, employment, mental condition, criminal experience, exposure to the influence of criminal traditions and customs are examined.

The authors analyzed the category of "recidivist" from the point of view of the special features of the subject of crime and legal implications of establishing the characteristics of the special subject with recidivism.

The bases of penalty application to persons who have committed crimes repeatedly and measures of criminal liability under the criminal recidivism are determined.

ПРИЧИНЫ СОВЕРШЕНИЯ ОСУЖДЕННЫМИ ПОБЕГОВ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Бурый В.Е.

Одним из необходимых условий определения средств борьбы с побегами является установление обстоятельств, детерминирующих этот вид преступлений. Специфичность побегов как вида преступного поведения определяется и специфичностью его детерминант.

Данная проблема с позиции научного исследования должным образом, к сожалению, не изучалась. Вместе с тем отдельные вопросы в этой части изучали такие ученые-правоведы и правоприменители, как Г.А. Аванесов и С.Е. Вицин, П.Л. Барабанов, В.Н. Кудрявцев, С.И. Медведев, А.Н. Пастушеня, В.Д. Пирожков, В.А. Понкратов, В.И. Соколовский, В.Б. Шабанов и др. [1, с. 20–23; 2; 3, с. 45–46; 4; 5, с. 183–187; 6–8; 9, с. 105–111].

Систему детерминант, обуславливающих совершение побегов, целесообразно разделить на две группы: объективные и субъективные. Среди детерминант, формирующихся в сфере деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), прежде всего необходимо выделить те, которые носят организационный характер. Нами выделены наиболее распространенные из них.

Во-первых, это недостатки в изучении личности осужденных при решении вопроса о предоставлении им права передвижения без конвоя. Как следствие,

более половины побегов совершаются осужденными, пользующимися правом передвижения без конвоя. Способами их совершения являются самовольное уклонение от маршрута передвижения с целью уклониться от отбывания наказания в виде лишения свободы или незаконное оставление места отбывания наказания. Указанная проблема в большей степени характерна для исправительных колоний и/или исправительных учреждений открытого типа.

К сожалению, проблемы с трудоустройством осужденных нередко вынуждают администрацию исправительных учреждений (далее – ИУ) предоставлять право передвижения без конвоя, исходя только из производственной необходимости или профессиональной квалификации осужденных, игнорируя их личностные характеристики. Принято считать, что такого рода ситуации обусловлены упущениями со стороны представителей администрации ИУ. Согласиться с такими выводами трудно. Институт передвижения без конвоя был создан в уголовно-исполнительном праве для решения производственно-хозяйственных задач, стоящих перед пенитенциарной системой. Предоставляя осужденному право передвижения без конвоя, администрация идет на обоснованный риск. Такой риск сохраняется всегда в случае предоставления осужденному права передвижения без конвоя. Вместе с тем приоритет производственных и хозяйственных интересов в деятельности ИУ ведет к тому, что интересы соблюдения режима отбывания наказания и ресоциализации осужденных отходят на второй план, что противоречит социальному назначению учреждений УИС и их основным функциям.

Во-вторых, ненадлежащее несение службы войсковыми нарядами контролеров и администрации ИУ (прежде всего, сотрудниками режимных отделов). Это обстоятельство можно условно назвать традиционным. Все осужденные, совершающие побег, пересекают линию охраны. Такой линией в ИУ является основное ограждение, которое полностью находится в ведении режимного отдела ИУ (в состав которого входят и специалисты по обслуживанию инженерно-технических средств охраны в учреждении). На практике имеют место и случаи попустительства и безответственного исполнения своих должностных обязанностей со стороны сотрудников ИУ и войскового наряда контролеров.

В-третьих, слабая организация надзора за осужденными со стороны администрации ИУ характерна для всех структурных подразделений этого учреждения. Изучением фактов побегов (попыток побегов) из МЛС, отмечается, что преобладают побеги с территории промышленной зоны, производственных объектов (45–50 %) и жилых зон ИУ (25 %).

Основной проблемой является то, что при организации надзора и контроля за осужденными задействовано большое количество сотрудников, представляющих разные структурные подразделения ИУ. В этой ситуации срабатывает психологический механизм замещения, при котором одна из участвующих в надзоре за осужденными служб надеется на добросовестность другой, что в результате приводит к отсутствию контроля.

В-четвертых, недостатки в оборудовании и эксплуатации инженерно-технических средств охраны. Это объясняется несколькими самостоятельными причинами, среди них:

а) ненадлежащее состояние инженерно-технических средств охраны, обуславливающее отсутствие надежного заслона на пути осужденных, совершающих побег;

б) непринятие мер по очистке 15-метровой полосы местности, прилегающей к внутренней запретной зоне, что затрудняет обследование внутренней территории на предмет обнаружения подкопов, а также признаков их приготовления;

в) недостаточная плотность противопобеговых заграждений во внешних запретных зонах объектов ИУ, что не обеспечивает гарантированного задержания лиц, совершающих побег, в пределах запретной зоны;

г) неоправданные отклонения от требований технической документации при проведении капитального ремонта инженерно-технических средств охраны;

д) слабая освещенность территорий запретных зон и 15-метровых полос;

е) нерегулярный осмотр мест, уязвимых в побеговом отношении (подземных коммуникаций либо вероятного ведения подкопов и т. д.).

В-пятых, недостаточная осведомленность администрации МЛС о преступных замыслах осужденных. Отсутствие информации часто связано с ненадлежащей работой оперативных отделов ИУ. Это обусловлено предоставленным только им правом использования сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности в борьбе с преступностью, применение которых позволяет оперативным работникам располагать большей возможностью получения необходимой информации, ее обобщения и анализа. Информация, получаемая сотрудниками оперативных подразделений, в основном касается нарушений порядка и условий отбывания осужденными наказания, несмотря на то, что специальный аппарат в первую очередь должен быть нацелен на предотвращение и раскрытие преступлений, а также установление местонахождения лиц, находящихся в розыске.

В-шестых, низкий уровень профилактической и предупредительной работы в ИУ. Прежде всего, это относится к недостаткам в организации индивидуально-профилактической работы с лицами, стоящими на профилактическом учете как склонные к совершению побега, нападению, захвату заложников, в том числе лидеры отрицательной направленности. Как показывает правоприменительная практика, до 60 % осужденных, совершивших побег (в том числе групповые) из ИУ, не стояли на профилактических учетах как склонные к совершению данного преступления.

Изучением материалов расследования дел по фактам совершения осужденными побегов из МЛС (или попыток побегов), отмечается, что каждому конкретному побегу может способствовать не одно, а несколько условий, действующих в различном их сочетании.

О субъективных причинах побегов можно судить по мотивам их совершения. Иными словами, мотив позволяет вскрыть причину совершения побега и

условия, способствующие его совершению. Наиболее распространенными мотивами совершения побегов из МЛС следует признать следующие.

Во-первых, нежелание отбывать уголовное наказание в виде лишения свободы (ограничения свободы). Необходимо иметь в виду, что лишение свободы – самый суровый вид уголовного наказания (за исключением смертной казни). Карательные элементы в нем представлены наиболее широко, и в этом плане большинство осужденных не желают отбывать данное наказание. Именно поэтому лишение свободы реализуется принудительно, т. е. вопреки воле и желанию осужденных. Оно сопровождается особыми мерами охраны, изоляции, надзора и принуждения. В связи с этим следует отметить, что исходная точка криминогенной мотивации побега – нежелание отбывать наказание в виде лишения свободы, – будет существовать, пока существует данное уголовное наказание.

Во-вторых, желание увидеть семью, родных и близких. Подобная мотивация, как правило, формируется у той категории осужденных, которые имеют довольно прочные связи с семьей. У них возникает стремление оказать помощь своим близким за пределами ИУ любой ценой. Для них неважно, что они ставят в опасность жизнь и здоровье лиц, препятствующих побегу, равно как и последствия последующей уголовной ответственности за это преступление.

В-третьих, желание побыть на свободе. Существует разновидность негативной реакции осужденного на факт помещения его в условия изоляции. Как правило, такая мотивация присуща лицам, которые довольно длительное время находятся в местах лишения свободы или остро переживают факт изоляции. Побег, совершаемый при указанной мотивации, в основном носит ситуативный характер и совершается без предварительной подготовки. В большинстве случаев беглецы не стремятся избежать наказания полностью. В практике нередки ситуации, когда осужденные самостоятельно возвращались к месту отбывания наказания или обращались в правоохранительные органы.

В-четвертых, конфликтные отношения с другими осужденными. Эта мотивация преступного поведения может быть обусловлена несколькими видами конфликтов, в результате которых осужденный терпит притеснения со стороны других участников конфликта. Таким образом, мотивировать побег может стремление осужденного избежать расправы над собой. При отбывании наказания в виде лишения свободы осужденный, в отношении которого имеет место угроза безопасности, не может самостоятельно обеспечить последнюю, так как он не имеет возможности покинуть камеру, отряд, секцию, бригаду. Он вынужден постоянно находиться с теми, от кого исходит угроза. Причинами покушений на личную безопасность могут быть и личные неприязненные отношения, соперничество за материальные и духовные ценности, долги азартных игр. Чаще всего к администрации с просьбой об обеспечении личной безопасности обращаются лица, допускающие нарушения режима содержания и подвергавшиеся дисциплинарным взысканиям. Несвоевременная реакция администрации на подобное заявление также способствует принятию осужденным решения совершить побег.

В данном случае речь может идти о реализации осужденным защитной функции с целью обезопасить себя, не подвергать риску стать жертвой криминального воздействия со стороны других осужденных. С позиции уголовного права при этом возникают серьезные вопросы. Однако с точки зрения криминологического понимания причин и условий, способствующих совершению преступления, указанная проблема адресуется прежде всего тем службам (отделам), которые прямо предназначены для предупреждения такого рода преступлений. Действующее уголовно-исполнительное законодательство предусматривает в качестве профилактической меры – обеспечение личной безопасности осужденных (ст. 11 УИК Республики Беларусь).

В-пятых, желание перевестись в другое исправительное учреждение. Действующее уголовно-исполнительное законодательство четко определяет случаи, при которых осужденный может быть переведен в другое ИУ (ст. 69 УИК).

В-шестых, стремление реализовать агрессивные намерения по отношению к отдельным лицам, находящимся вне мест лишения свободы. К ним могут относиться: лица из числа преступных связей (характерно для лиц, входивших в преступные группы); лица, совместно совершавшие преступления, но по каким-либо причинам оставшиеся на свободе; свидетели и потерпевшие (как правило, те, кто, по мнению осужденного, был неискренен на следствии и в суде); работники правоохранительных и других органов, которые, по мнению осужденного, допустили необъективность в решении вопроса о привлечении его к уголовной ответственности и наказанию; родственники осужденного в тех случаях, когда их поведение воспринимается как ущемляющее интересы осужденного (супружеская измена, лишение права наследования и т. д.).

В-седьмых, сезонные настроения. Отдельные факторы, провоцирующие побег, создающие условия для его осуществления, могут находиться вне сферы влияния сотрудников исправительных учреждений: усиление побеговых настроений летом (осужденные рассчитывают на более благоприятные объективные возможности побега – сокрытие следов, питание и т. д.); рост и падение указанных настроений в период социально-политических событий, принятия правовых актов (постановления об объявлении амнистии, указы о помиловании и т. п.). Рассмотренные факторы следует учитывать при профилактике побегов.

Таким образом, исходя из вышеизложенного следует отметить, что побег из мест лишения свободы детерминируются как объективными обстоятельствами, связанными с недостатками в деятельности исправительных учреждений (эти недостатки носят постоянный характер, они хорошо известны и изучены осужденными, которые используют их при выборе способа, времени и места совершения побега), так и специфическими субъективными причинами (представляя собой реакцию осужденных на правовой статус осужденного, приобретенный по приговору суда; нарушение судом принципа справедливости и гуманизма при назначении меры наказания; сложившуюся систему отношений с осужденными и администрацией ИУ по месту отбывания нака-

зания, родственниками, другими гражданами, в том числе преступными элементами, находящимися вне МЛС).

Список цитированных источников

1. Аванесов, Г.А. Прогнозирование и организация борьбы с преступностью / Г.А. Аванесов, С.Е. Вицин. – М.: Знание, 1972. – 32 с.
2. Барабанов, П.Л. Организация индивидуальной профилактики побегов из исправительных учреждений и следственных изоляторов / П.Л. Барабанов, В.А. Понкратов // Преступление и наказание. – 2004. – № 1. – С. 3–6.
3. Кудрявцев, В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 128 с.
4. Медведев, С.И. Расследование побегов из мест лишения свободы: лекция / С.И. Медведев. – Уфа: УфВШ МВД СССР, 1991. – 45 с.
5. Пастушеня, А.Н. Криминогенная сущность личности преступника: методология познания и психологическая концепция: моногр. / А.Н. Пастушеня. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 1998. – 207 с.
6. Пирожков, В.Д. Психологические аспекты побегов / В.Д. Пирожков // Исправительно-трудовые учреждения // Бюл. ВНИИ МВД СССР. – 1982. – № 18. – С. 50–54.
7. Понкратов, В.А. Организация общей профилактики предупреждения побегов из исправительных учреждений / В.А. Понкратов // Преступление и наказание. – 2003. – № 1. – С. 34–36.
8. Соколовский, В.И. Расследование побегов из исправительно-трудовых колоний: пособие / В.И. Соколовский. – Л.: ВПУ МВД СССР, 1983. – 78 с.
9. Шабанов, В.Б. Организационные и правовые проблемы предупреждения и раскрытия преступлений в исправительных учреждениях: моногр. / В.Б. Шабанов. – Минск: Акад. МВД Респ. Беларусь, 2001. – 223 с.

Дата поступления статьи – 05.09.2014.

Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 № 672 утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. Одной из задач данной Концепции является повышение эффективности предупреждения и профилактики преступности, в том числе в местах лишения свободы. В связи с этим актуальность изучения причин побегов, совершивших осужденными из мест лишения свободы, с позиций пенитенциарной криминологии не вызывает сомнений, поскольку эти действия вызывают не только значительный социальный резонанс, но и уголовно наказуемы (ст. 413 Уголовного кодекса Республики Беларусь).

The Decree № 672 of the President of the Republic of Belarus from 23.12.2010 has approved the Concept of improving the system of criminal liability measures and the order of its execution. One of the objectives of this Concept is to increase the effectiveness of crime prevention, including in prisons. In this context, the topicality of studying the causes of escapes by prisoners from the institutions of confinement is doubtless from the standpoint of the penitentiary criminology, since these actions are causing not only significant for social resonance, but are also criminally punishable (Article 413 of the Criminal Code of the Republic of Belarus).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Стаценко В.Г.

Сравнительные статистические данные [1] показывают, что Республика Беларусь с 1994 г. и до 2012 г. среди стран СНГ устойчиво занимала 2-е место после Российской Федерации по показателю уровня преступности (в расчете на 100 тыс. населения). В 2012 г. ситуация впервые за много лет изменилась – по уровню преступности Беларусь опустилась в списке стран СНГ на 4-е место, пропустив вперед Украину, РФ и Казахстан, а в 2013 г. – еще и Молдову. Российская Федерация, впервые за всю постсоветскую историю, уступила сомнительную пальму первенства Казахстану.

Таблица 1 – Динамика уровня преступности среди государств – участников СНГ [2]

Годы \ Государство	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Российская Федерация	2706	2521	2260	2110	1852	1683	1609	1539
Республика Беларусь	1967	1860	1637	1591	1485	1391	1079	1022
Республика Украина	915	878	844	954	1102	1138	-	1237
Республика Казахстан	923	827	814	764	808	1249	1713	2113
Республика Молдова	691	681	698	720	938	987	1029	1031
Кыргызская Республика	605	557	559	556	684	580	548	481
Республика Армения	303	261	287	442	475	507	481	564
Азербайджанская Республика	221	218	251	255	254	265	236	238
Республика Таджикистан	160	171	160	167	193	219	215	226

С начала 60-х гг. XX в. и до 2006 г. включительно в РФ и в Беларуси проявляла себя тенденция постоянного и устойчивого роста преступности. Так, в РФ в 2006 г. было зарегистрировано наибольшее за время статистического наблюдения число преступлений – 3855 тыс. против 2526 тыс. в 2002 г. (за 4 года оно увеличилось в 1,5 раза, а по сравнению с 1990 г. – в 2,1 раза). В Республике Беларусь пик регистрируемой преступности был достигнут в 2005 г., когда было зафиксировано 192,5 тыс. преступлений.

В 2006–2013 гг. количественные показатели свидетельствуют о новой тенденции в динамике преступности: отличительной ее особенностью стало существенное снижение показателей объема и уровня преступности.

Анализ официальных статистических данных за этот период свидетельствует о неоднозначности криминальной ситуации в РФ и Республике Беларусь.

Очевидна, с одной стороны, устойчивая тенденция сокращения объема и уровня преступности в обеих странах, начиная с 2006 г.

Таблица 2 – Динамика объема и уровня преступности в России и Республике Беларусь за 2006–2013 гг.[3]

Год	Объем преступности (в тыс.)		Уровень преступности (на 100 тыс. населения)	
	РФ	Республика Беларусь	РФ	Республика Беларусь
2006	3 855,0	191,5	2 695	1 967
2007	3 582,5	180,4	2 521	1 887
2008	3 209,9	158,5	2 261	1 664
2009	2 994,8	151,3	2 110	1 591
2010	2 628,8	140,9	1 852	1 485
2011	2 404,8	132,1	1 683	1 394
2012	2 302,2	102,1	1 609	1 079
2013	2 206,2	96,7	1 539	1 021

Таким образом, число зарегистрированных преступлений (объем) устойчиво снижается за последние 7 лет: в РФ – до 2206,2 тыс. преступлений в 2013 г., что на 4,2 % меньше, чем в предшествующем 2012 г., и на 43 % меньше, чем в 2006 г., когда оно было наибольшим; в Республике Беларусь – до 96,7 тыс. преступлений в 2013 г. (сокращение по сравнению с 2012 г. на 5,3 %, а в сравнении с 2005 г. – практически в два раза).

Та же динамика характерна и для показателя уровня преступности (число преступлений в расчете на 100 тыс. населения). Уровень (коэффициент) преступности в России достиг наивысшей отметки в 2006 г., когда было зарегистрировано 2695 преступлений в расчете на 100 тыс. человек постоянного населения. Начиная с 2007 г., он устойчиво снижается, опустившись до 1539 на 100 тыс. человек в 2013 г. (на 4,4 % меньше, чем в 2012 г.). В Республике Беларусь пик уровня преступности (1969) был достигнут в 2005 г., затем началось его постепенное и относительно равномерное (до 2011 г. включительно) снижение, в 2012 г. произошло резкое сокращение (на 23 % по отношению к предыдущему году), в 2013 г. этот показатель понизился уже незначительно. Уровень преступности 2013 г. (1021) ниже пикового уровня 2005 г. почти в 2 раза.

Следует отметить, что качественные показатели преступности в течение последних лет изменились не столь существенно, как количественные. Так, тяжкие и особо тяжкие преступления составляли в структуре преступности Республики Беларусь в 2007 г. 8,7 %; в 2012 г. их доля сократилась до 8,3 %, а в 2013 г. вновь возросла, составив 9,6 %. Тенденция медленного сокращения

доли тяжких и особо тяжких преступлений характерна и для Российской Федерации – в 2006 г. удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных, составил 27,9 %; в 2011 г. снизился до 25,3 %, а в 2013 г. составил 24,4 %, понизившись в сравнении с 2012 г. на 5,6 %.

Представляет интерес сравнительный анализ уровня отдельных видов преступлений, регистрируемых в России и Беларуси.

Таблица 3. Динамика коэффициентов преступности в России и Республике Беларусь за 2006–2013 гг. по некоторым видам преступлений (в расчете на 100 тыс. населения)

Год	Убийство		Изнасилование		Причинение тяжкого вреда здоровью		Кража	
	РФ	Бел.	РФ	Бел.	РФ	Бел.	РФ	Бел.
2006	19	10	6	4	36,0	21	1174,3	1087
2007	16	8,5	5	3,5	33	20	1101,9	1080
2008	14	7	4,5	3	32	18	934,0	919
2009	12	6	4	2	30,5	16	837,6	851
2010	11	5	3,5	1,5	28	15	775,6	776
2011	10	4,5	3	1,5	27	13	726	777
2012	9	4	3	1	26	10	704	593
2013	9	4	2,5	1,5	25	10,5	650	489

Число убийств и покушений на убийство в РФ более чем удвоилось в первой половине 1990-х: в 1994 г. их было зарегистрировано 32,3 тыс. против 15,6 тыс. в 1990 г. и 9,2 тыс. в 1987 г. В 1999–2005 гг. число ежегодно регистрируемых убийств и покушений на убийство превышало 30 тыс. (больше всего – 33,6 тыс. – в 2001 г.) и лишь начиная с 2006 г. оно стало быстро снижаться. В 2013 г. число зарегистрированных убийств и покушений на убийство составило 12,4 тыс., что на 6,8 % ниже, чем в 2012 г., и ниже значений показателя за весь период, начиная с 1989 г.

В Беларуси 15 последних лет наблюдается устойчивая тенденция к снижению регистрируемых убийств. Пик убийств был зафиксирован в стране в 1998 г. (1228), после этого началось устойчивое снижение их регистрации (2002 г. – 1156, 2005 г. – 1023, 2010 г. – 468, 2012 г. – 385). В 2013 г., однако, этот показатель вновь повысился (до 410). Впрочем, коэффициент убийств в стране при этом остался на уровне 2012 г. – 4 убийства на 100 000 населения. Этот показатель существенно (в 2 раза) ниже уровня убийств, зафиксированного в 2013 г. в Российской Федерации, но при этом практически равен уровню убийств в США.

Следует отметить, что убийства, являющиеся преступлениями против жизни и здоровья человека, относятся к категории наименее латентных преступлений и характеризуются относительно стабильной динамикой. Поэтому, по мнению исследователей, их можно считать важнейшими индикаторами криминальной ситуации на конкретной территории, изменение временных показателей по которым позволяет судить о состоянии преступности в целом в стране и наоборот [4].

Число случаев *умышленного причинения тяжкого вреда здоровью* в последние годы также сокращалось, и к 2010 г. оно опустилось в Российской Федерации ниже уровня 1990 г. В 2011–2013 гг. оно продолжало снижаться, особенно значительно в 2013 г., составив 34,8 тыс. (на 6,2 % меньше, чем в 2012 г.).

В Беларуси – максимальное значение объема данного вида преступлений было зафиксировано в 2004 г. – 2372 случая. С 2005 г. началось постепенное сокращение их объема и уровня. Особенно существенно снижение этих показателей было зафиксировано в 2010–2013 гг. – с 1381 до 1005 зарегистрированных преступлений, т. е. на 27 %. Следует, правда, отметить, что в 2013 г. снижение многих показателей преступности существенно замедлилось или даже прекратилось. Это, в частности, относится и к преступлениям, связанным с умышленным причинением тяжких телесных повреждений, – в 2013 г. их объем в республике сохранился на уровне 2012 г. (1005 случаев).

Устойчиво сокращалось число зарегистрированных *изнасилований и покушений на изнасилование*.

В России оно уменьшилось более чем вдвое по сравнению с началом 90-х гг. – с 15 тыс. в 1990 г. до 8–9 тыс. в 2000–2006 гг. и до 4,2 тыс. в 2013 г. (на 6,7 % меньше, чем в 2012 г.).

В Беларуси динамика данного вида преступлений в конце 90-х и после 2000 г. нестабильная, начиная с 2006 г. и до 2012 г. – устойчивая тенденция снижения. Высшая точка регистрации изнасилований – 1998 г., когда было зафиксировано 596 преступлений. В 2005 г. объем этих преступлений составил 483, в 2010 г. – 143, в 2012 г. – 96. В 2013 г., однако, официальная статистика фиксирует рост данных преступлений – 140 (+47 % к 2012 г.).

Как и прежде, значительную часть зарегистрированных преступлений составляют *кражи*, на долю которых в 2013 г. и в России и в Беларуси приходится более 40 % преступлений.

В РФ их доля в начале 90-х гг. составляла около 50 % всех зарегистрированных преступлений, к 1992 г. поднялась почти до 60 %, а затем, постепенно снижаясь, достигла минимального значения – 36,7 % – в 2002 г. В последующие годы удельный вес краж в общем числе зарегистрированных преступлений вновь несколько увеличился. На протяжении последних десяти лет он колебался в пределах от 40 % до 44 %, а в 2013 г. составил 41,8 %.

В Беларуси наивысший объем краж был зафиксирован в 2006 г. – 104 161 преступление. Последующие годы шел процесс плавного снижения объема краж (2008 г. – 87387; 2010 г. – 73 590; 2012 г. – 56400). В 2013 г. было зарегистрировано 46356 краж (–18 % к объему 2012 г.).

Показательно, что, как и в РФ, удельный вес краж в числе всех преступлений в Беларуси после 2000 г. увеличивался, достигая (2007 г.) 57 %, но к 2013 г. снизился до 48 %.

Стоит также отметить тот факт, что уровень краж в Беларуси и России на протяжении 2009–2011 гг. практически совпадал, однако в 2012–2013 гг.

вновь, как и в нулевых годах, произошло расхождение, поскольку этот показатель в Беларуси стал уменьшаться большими темпами.

Растет в обеих странах, хотя и с некоторыми отклонениями от тренда, доля преступлений, *связанных с незаконным оборотом наркотиков*.

Так, если в РФ в 1990–1991 гг. она составляла 0,9 % от общего числа зарегистрированных преступлений, то в 2000 г. – 8,3 %. После умеренного спада в последующие пять лет (до 4,9 % в 2005 г.) доля преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, вновь стала расти, увеличившись до 10,5 % в 2013 г.

В Беларуси число регистрируемых преступлений, связанных с наркотиками, на протяжении последних 10 лет практически оставалось на одном уровне, составляя порядка 50 случаев на 100 тыс. населения или около 3 % от общего числа зарегистрированных преступлений. В 2013 г., однако, ситуация ухудшилась. Общее число преступлений в этой сфере увеличилось по сравнению с 2012 г. на 19 %, а число фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров с целью сбыта – на 48,7 %. В общем числе зарегистрированных преступлений доля преступлений, связанных с наркотиками, увеличилась до 5 %.

Следует отметить, впрочем, что данный вид преступности обладает весьма высоким уровнем латентности, поэтому приведенные выше данные далеко не в полной мере характеризуют реальную ситуацию в рассматриваемой сфере.

По ряду показателей структура преступности претерпела изменения в худшую сторону: активно проявляет себя коррупция, незаконный оборот наркотических средств, экономическая преступность и ее разновидности в финансовой и банковской сферах, в предпринимательской деятельности, легализация преступных доходов. Набирает обороты новый вид преступлений – компьютерные преступления. Значительная часть преступлений остаются латентными либо регистрируются, но не раскрываются.

В связи с общим снижением преступности и в РФ, и в Республике Беларусь уменьшалось, соответственно, и число выявленных лиц, совершивших преступление.

В числе выявленных лиц, совершивших преступления, существенную долю составляют женщины.

Пик женской преступности приходился на 1996–1997 гг., когда уровень безработицы достиг максимальных размеров. Так, в Республике Беларусь удельный вес женской преступности достиг своего максимума в 1997 г. – 20,6 %.

Если сравнивать среднегодовые показатели, в течение 2007–2013 гг. женщины составляли в среднем 15 % среди всех выявленных лиц и в Республике Беларусь и в РФ (2013 г. РФ – 15,4 %; Беларуси – 15,7 %).

Поскольку этот показатель практически не меняется в течение последнего десятилетия, его можно считать относительно «нормальным» для РФ и Беларуси, точнее, закономерным для современного состояния общества. Следует

отметить в тоже время, что по данному показателю Республика Беларусь лидирует среди стран СНГ [5], опережая Россию (2-е место).

Значительное число преступлений совершается лицами, ранее судимыми за преступления. При этом число таких лиц в Республике Беларусь с 2007 по 2010 г. росло и только с 2011 г. начинает уменьшаться. В абсолютных цифрах снижение произошло почти на треть: с 31 189 в 2010 г. до 21 200 – в 2013 г. Впрочем, доля лиц, имеющих судимость в числе всех лиц, совершивших преступления, за эти годы не только не уменьшилась, а, напротив, несколько увеличилась (с 42 % до 42,5 %).

По данным последних лет, более 60 % всех лиц, ежегодно осуждаемых за совершение преступлений в Республике Беларусь, ранее привлекались к уголовной ответственности. При этом привлечение к уголовной ответственности за совершение определенных видов корыстных и корыстно-насильственных преступлений лиц, ранее осуждавшихся, достигает более высоких значений: за грабеж, разбой и кражу осуждается около 70 % лиц, к которым ранее применялись уголовные наказания, за умышленное убийство – около 50 %; за умышленное причинение тяжких телесных повреждений и изнасилований около 60 % лиц, которые ранее осуждались за совершение преступлений [6].

В РФ доля преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость, в 2013 составила почти 50 %.

В числе лиц, совершавших преступления, несовершеннолетние за весь рассматриваемый период составили в среднем: в Республике Беларусь – 5 %, причем доля их с каждым годом уменьшалась (с 7,3 % в 2007 г. до 4 % в 2013 г.), так же как и удельный вес преступлений, совершенных этой категорией населения, – до 2,7 % в 2013 г.; в РФ – за тот же период удельный вес несовершеннолетних среди выявленных лиц сократился с 10 % до 6 %, а доля преступлений несовершеннолетних в их общем числе – сократилась к 2013 г. до 5,4 %.

Почти 25 % зарегистрированных преступлений совершается в Республике Беларусь в состоянии алкогольного опьянения. В 2013 г. здесь было выявлено 16,3 тыс. человек, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, что составляет 33 % общего числа всех лиц. 341 из них – совершили убийство, 767 – нанесли тяжкие телесные повреждения, более 1,2 тыс. совершили хулиганство.

В России – цифры сопоставимые. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в состоянии алкогольного опьянения совершено в 2013 г. 27,5 % зарегистрированных преступлений, зафиксировано 298,3 тыс. человек, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (29,5 % всех выявленных лиц) [7].

Следует отметить, что по этому показателю Республика Беларусь находится среди стран СНГ на первом месте, ненамного опережая Российскую Федерацию.

Очень высокий процент в составе выявленных лиц составляют в обеих странах неработающие и неучащиеся (в статистической отчетности РФ эта категория обозначается точнее, чем в Беларуси – «лица, не имеющие посто-

янного источника дохода»). В среднем за последние 5 лет эта категория в РФ составила 65 %, а в Беларуси 56 %.

Наиболее существенная разница в характере преступности РФ и Республики Беларусь выражается, наряду с различием уровней преступности (1539 и 1021 в 2013 г. соответственно), прежде всего, в том, что доля тяжких и особо тяжких преступлений в зарегистрированной преступности России составляет почти четверть всего массива преступлений, а в Республике Беларусь – 9,6 %, т. е. почти в 3 раза меньше.

Различия в характере преступности двух стран отражаются еще и в том, что значительно большее развитие в РФ в сравнении с Беларусью получили такие потенциально опасные для жизни и здоровья людей преступления, как преступления, связанные с незаконным оборотом оружия. В целом по России в 2013 г. с использованием оружия совершено 7,6 тыс. преступлений (на 0,5 % больше, чем в 2012 г.). Наибольшее количество преступлений данной категории было зарегистрировано в Республике Дагестан (718), Свердловской (452) и Московской (370) областях, городах Санкт-Петербурге (365) и Москве (321).

В Республике Беларусь с использованием огнестрельного оружия было совершено в 2013 г. 138 преступлений, привлечено к уголовной ответственности 38 человек.

Как показывает сравнительный анализ коэффициентов преступности по видам преступлений в РФ и Беларуси, уровень преступлений против личности в России существенно выше.

В этом проявляется, как полагают некоторые исследователи, «агрессивность социальной среды новой капиталистической России» [8].

Подводя итоги сравнительного анализа преступности двух стран, отметим то обстоятельство, что, несмотря на снижение ряда количественных показателей преступности в последние годы, объем преступности в обеих странах сохраняется на высоком уровне начала 2000-х.

Следует подчеркнуть также, что снижается регистрируемая, а не реальная преступность. Подавляющая масса зарегистрированных преступлений остается нераскрытой. Кроме того, весьма высока в обеих странах латентность преступности. По экспертным оценкам, уровень фактической преступности в целом превышает уровень преступности зарегистрированной от 3 до 8 раз [9].

Список цитированных источников

1. Статистические данные приводятся по официальным источникам: Статистика преступности в Российской Федерации за 2005-2013 годы [Электронный ресурс] // Сайт МВД Российской Федерации]. – Режим доступа: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/>. – Дата доступа: 15.10.2014; Сведения о состоянии преступности по Республике Беларусь за 2005–2013 годы / Информационно-аналитическое управление МВД Республики Беларусь.- Минск, 2005–2013.

2. Правонарушения в Республике Беларусь: стат. сборник. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2013. – С. 166; Результаты анализа криминальной ситуации в Республике Беларусь и государствах – участниках СНГ по итогам

2013 года / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

3. Представленные таблицы составлены и рассчитаны на основании статистических данных, содержащихся в вышеуказанных официальных источниках РФ и Республики Беларусь.

4. Криминологическая характеристика убийств, совершенных в Республике Беларусь в 1999–2008 гг. (По данным уголовной статистики) / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Респ. Беларусь. – Минск, 2009.

5. Правонарушения в Республике Беларусь: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2013. – С. 188.

6. Пастушеня, А.Н. Подготовка осужденных к социальной реадaptации в период отбывания наказания /А.Н. Пастушеня // Расширение доступа к образованию в учреждениях уголовно-исправительной системы: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Гомель: Барк, 2013. – С. 12-15.

7. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2013 года / Генеральная прокуратура РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/stat/data/86450/>. – Дата доступа: 13.09.2014.

8. Клейменов, И.М. Преступность в США и России: попытка сравнительного анализа / И.М.Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2012. – № 1 (30). – С. 115–119.

9. Стаценко, В.Г. Официальная и латентная преступность: об актуальности криминологического анализа /В.Г. Стаценко // Право.by. – 2012. – № 3. – С. 100–105; Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: монография / под ред. С.М. Иншакова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 128.

Дата поступления статьи – 15.09.2014.

Анализ официальных статистических данных показывает неоднозначность криминальной ситуации в Российской Федерации и Республике Беларусь. С одной стороны, очевидна устойчивая тенденция сокращения объема и уровня преступности, начиная с 2006 г., с другой – качественные показатели преступности в течение последних лет изменились не столь существенно, как количественные.

Наиболее существенная разница в характере преступности РФ и Республики Беларусь выражается в том, что доля тяжких и особо тяжких преступлений в зарегистрированной преступности России составляет почти четверть всего массива преступлений, а в Республике Беларусь – 9,6 %.

The analysis of official statistics shows the the ambiguity of the criminal situation in Russia and in the Republic of Belarus. On the one hand, a steady trend of reduction crime rates since 2006 is obvious, on the other hand, the qualitative crime rates in recent years have not changed as significatily as the quantitative ones.

The most significant difference in the nature of crime in Russi and the Republic of Belarus manifests itself in the fact that the proportion of grave and especially grave crimes in recorded crime in Russia amounts to almost a quarter of the array of offenses, and in the Republic of Belarus – 9.6 %.

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

СОДЕРЖАНИЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ И УЧЕНИЕ О СОУЧАСТИИ: ТЕЗИСЫ

Бабий Н.А.

1. Объективные и субъективные признаки любых составов преступлений, в том числе и совершенных в соучастии, обладают единством и целостной взаимосвязанностью, обусловленной единством отражаемого социального события – преступления.

Объект преступления определяет содержательную сторону общественно опасного деяния как преступления, определяет статус субъекта преступления, его права и обязанности, нарушением которых совершается преступление, а установление надлежащего объекта преступления осуществляется не только по предмету, на который воздействует субъект, но по намерениям субъекта в отношении такого предмета.

2. Объектом преступления является общественное отношение, содержание которого определяет должный порядок поведения субъектов этого отношения в их взаимодействии по поводу социальных благ, выступающих в качестве объекта общественного отношения.

Структура общественного отношения:

а) объект общественного отношения – социальное благо, по поводу которого субъекты вступают в общественное взаимодействие между собой, или то, воздействуя, на что один субъект вступает в отношения с другим субъектом (во избежание терминологической путаницы в уголовно-правовой литературе данный объект обычно именуется предметом преступления);

б) содержание общественного отношения – совокупность прав и обязанностей сторон общественного отношения в их взаимодействии по поводу объекта отношения в соответствии с интересами и субъективными устремлениями субъектов;

в) субъекты общественного отношения:

– с одной стороны, физическое лицо, оказывающее воздействие на объект общественного отношения и тем самым вступающее во взаимодействие с обладателем этого объекта;

– с другой стороны, физическое лицо или социальные общности (социальные группы, юридические лица, общество и государство), являющиеся владельцами или выступающие от имени владельцев объекта общественного отношения.

Охраняемое уголовным законом общественное отношение является эталоном должного поведения субъекта, вступающего во взаимодействие с другим

лицом по поводу социальных благ. Этот эталон определяется формулой: по поводу таких-то социальных благ такие-то субъекты должны вести себя таким-то образом.

3. Объект преступления нельзя рассматривать как некий вещественный субстрат, воздействуя на который субъект совершает преступление. И в составе преступления как законодательной модели преступления определенного вида нет объекта преступления как некоей данности, отделенной или отдельной от иных признаков состава.

Объект преступления в составе преступления представляет собой собирательную абстракцию, отражающую конкретное социальное явление – модель должного социального поведения субъектов.

Объект преступления «растворен» и тем самым материализован в других признаках состава преступления. Установить объект совершенного преступления можно только посредством тщательного анализа иных признаков состава преступления.

4. Преступление есть не что иное, как нарушение содержания охраняемого уголовным законом общественного отношения. Иными словами, преступление – это нарушение установленного в обществе порядка поведения людей в их взаимодействии по поводу тех или иных социальных благ.

Преступление описывается в диспозиции статьи Особенной части как запрещаемое содержание общественного отношения. С точки зрения учения об объекте преступления преступление может рассматриваться как охраняемое уголовным законом общественное отношение с нарушенным содержанием.

За исключением нарушенного содержания объект преступления характеризуют все те же элементы, что и элементы объекта в правомерном поведении. По этой причине с точки зрения объекта преступления уголовно-правовой запрет может быть определен следующим образом: между такими-то субъектами по поводу таких-то социальных ценностей запрещается такое-то поведение.

5. Структура общественного отношения как объекта уголовно-правовой охраны в его нарушенном преступлением виде является следующей:

а) объектом нарушенного общественного отношения выступают социальные ценности, именуемые предметом преступления (в широком смысле слова как материальные и нематериальные блага);

б) содержание – запрещаемое уголовным законом общественно опасное деяние, нарушающее должный порядок воздействия субъекта на социальное благо;

в) субъектами общественного отношения являются:

– с одной стороны, субъект преступления – физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста и в необходимых случаях обладающее дополнительными признаками, оказывающее запрещенное воздействие на объект общественного отношения;

– с другой стороны, потерпевший – единоличный или коллективный владелец соответствующих социальных благ;

г) субъективные устремления участников общественного отношения (интересы, намерения и т. п.).

6. Для целей уголовно-правовой идентификации определенного поведения человека как преступления необходимо осуществить сравнение фактического наполнения общественного отношения с его эталоном – охраняемым уголовным законом общественным отношением.

Сравнению подлежат все элементы фактического и охраняемого общественных отношений: объекты, субъекты и содержание.

Нарушенное содержание объекта преступления (преступное деяние) должно находиться в формальных рамках охраняемого общественного отношения: предмет преступления должен быть идентичен объекту охраняемого общественного отношения; субъект преступления и потерпевший должны соответствовать субъектному составу охраняемого общественного отношения; преступное деяние должно являться нарушением содержания охраняемого общественного отношения.

Несмотря на то, что содержание правоохраняемого отношения и преступление как его антипод диаметрально противоположны по социальному значению, с точки зрения предметно-содержательной общественное отношение и преступление принадлежат общему социальному явлению: порядку взаимодействия субъектов между собой по поводу тех или иных социальных благ. Именно установление предметно-содержательной принадлежности преступления указанному социальному явлению и позволяет говорить о конкретном деянии как о нарушении объекта уголовно-правовой охраны.

Естественно, что для квалификации содеянного как преступления проведение указанного сравнения недостаточно. Потребуется установить наличие всех иных признаков состава преступления, которые не находят своего прямого указания в характеристике общественного отношения как объекта преступления, включая возрастные и иные признаки субъекта преступления, признаки субъективной стороны, и т. п.

7. В рамках проблемного поля настоящего исследования решающее значение приобретает констатация того факта, что субъект преступления всегда выступает в качестве стороны или субъекта нарушаемого общественного отношения, возникающего в связи с воздействием субъекта на соответствующее социальное благо и вступлением в связи с этим во взаимоотношение с другим субъектом нарушаемого общественного отношения.

При этом именно объект преступления как эталон должного поведения предопределяет:

- а) характеристику субъекта преступления;
- б) содержание нарушения, которое образует преступное деяние.

Одновременно и сам субъект предопределяет как объект, так и содержание его преступного нарушения.

8. Предопределение объектом характеристики субъекта основано на том, что субъект преступления всегда находится внутри объекта преступления как его неотъемлемая структурная составляющая. Нельзя рассматривать субъекта

как лицо, противостоящее общественному отношению и извне оказывающее разрушительное воздействие на объект уголовно-правовой охраны посредством нарушения составляющих его частей: объекта (социальной ценности), субъектов или содержания.

Субъект преступления, оказывая соответствующее воздействие на социальное благо, вступает во взаимодействие с его обладателями. При этом субъект всегда выступает в таком воздействии стороной общественного отношения и обязан соотносить свое поведение с установленным в обществе порядком, т. е. действовать в соответствии с правами и обязанностями субъекта охраняемого общественного отношения, что и составляет содержание объекта преступления.

Совокупность прав и обязанностей субъекта общественного отношения, который в случае их соответствующего нарушения превращается в субъекта преступления, определяет правомочия или правовой статус лица во взаимодействии с другими субъектами по поводу того или иного социального блага. И для того, чтобы определить лицо в качестве субъекта преступления, необходимо изначально установить наличие у него социально-правового статуса, который определяется совокупностью прав и обязанностей, присущих нарушаемому общественному отношению.

Исходя из этого, субъект конкретного преступления может быть определен исключительно как лицо, которое является субъектом нарушаемого им общественного отношения.

Одновременно и сам субъект наличием или отсутствием у него определенных признаков предопределяет выбор объекта преступления и характер своего поведения при совершении преступления. Не будучи, например, судьей, субъект не может вынести заведомо неправосудный приговор, поскольку не наделен правом вынесения приговоров. Вместе с тем при наличии желания воздействовать на правосудие, он может склонить судью к совершению такого преступления либо самостоятельно дать заведомо ложные показания.

9. Поскольку содержание объекта уголовно-правовой охраны определяет права и обязанности субъекта или его должное поведение, полагаем возможным ввести в научный оборот термин «объектный статус субъекта преступления».

Объектный статус субъекта преступления – совокупность прав и обязанностей субъекта преступления как участника охраняемого уголовным законом общественного отношения (непосредственного объекта преступления).

Соответственно субъектом преступления конкретного вида может выступать только то лицо, которое обладает объектным статусом субъекта такого преступления.

10. Определяя преступление посредством указания на факт нарушения им содержания охраняемого общественного отношения, мы тем самым утверждаем, что преступление есть нарушение субъектом общественного отношения его правомочий в этом отношении (прав и обязанностей).

Сказанное в полной мере относится и к совершению преступления со специальным субъектом: специальный субъект преступления совершает пре-

ступление исключительно посредством использования своего особого объектного статуса субъекта преступления.

11. Взаимообусловленность объекта и субъективных признаков состоит в том, что не только объект определяет целенаправленность деятельности субъекта во взаимодействии с другими субъектами, но и сам субъект своими субъективными намерениями определяет или, если угодно, избирает объект преступления.

Для определения содержания общественного отношения, в соответствии с которым должен вести себя субъект, существенное значение имеют субъективные намерения лица в отношении того блага, воздействуя на которое он вступает во взаимоотношения с обладателями соответствующих благ. Субъективные намерения в составе преступления характеризуются признаками субъективной стороны состава преступления.

Более того, вне определения намерений субъекта невозможно определить и тот правом охраняемый порядок, следуя которому такие субъективные устремления могут быть удовлетворены. Не зная соответствующего порядка или содержания общественного отношения, нельзя определить и объект преступления, а без определения объекта не может быть установлено и само преступление.

Предположим, что произведен выстрел, которым человеку причинена смерть. Возможно, что совершено убийство? Возможно. Но нельзя без знания субъективной стороны поведения торопиться с выводом об убийстве, ибо это может быть и необходимая оборона, и причинение смерти по неосторожности, и несчастный случай.

Аналогичным образом, факт самовольной поездки на чужом автомобиле не может получить адекватной оценки, если мы не установим цель, с которой осуществлено соответствующее действие. Если субъект намеревался присвоить автомобиль, то он вступает в отношения по обращению чужого имущества в свою собственность и совершает хищение. Но если намерением было временное пользование автомобилем, то он вступает в отношения временного заимствования имущества и будет отвечать за угон транспортного средства. Если же порядок пользования автомобилем нарушен с целью доставить тяжело больного в медицинское учреждение для оказания неотложной помощи, т. е. основания для постановки вопроса о крайней необходимости.

Следовательно, для определения содержания нарушаемого общественного отношения по поводу того или иного социального блага (что равносильно установлению самого отношения) необходимо устанавливать направление воздействия субъекта на это благо, для чего необходимо установить субъективную сторону поведения субъекта.

Именно таким образом и определяется детерминация объектом преступления субъективных признаков состава преступления. Естественно, что такая детерминация обуславливается только содержанием общественного отношения, в то время как субъективная сторона может включать и признаки, не охватываемые содержанием или безразличные для содержания объекта преступления.

12. При определении преступления как деяния необходимо обращать самое тщательное внимание на *содержание преступления*, что может быть определено только на основе анализа всех признаков состава преступления в совокупности.

При этом ни в коем случае нельзя ограничиваться только констатацией факта выполнения описанного в диспозиции статьи действия или бездействия как признака объективной стороны состава преступления.

Простота и очевидность содержания, например убийства как причинения смерти, не должна приводить к упрощенному пониманию содержания более сложных вариантов преступного поведения. Только из факта причинения смерти не может быть уяснен квалифицированный состав убийства с целью скрыть другое преступление или убийства из корыстных побуждений, тем более не сможет быть уяснен состав террористического акта.

Кража имущества как преступление с внешней стороны есть завладение какой-либо чужой вещью и вынос ее за пределы охраняемой территории. Однако содержанием этого преступления является вовсе не само по себе изъятие похищаемой вещи, а противоправное и безвозмездное обращение этой вещи в свою собственность. Хищение нарушает порядок обращения чужого имущества в свою собственность, и именно этот порядок определяет содержание общественного отношения или является объектом хищения.

13. Содержательный аспект преступного деяния должен быть превалирующим и при анализе преступлений со специальными субъектами.

Служебный подлог в соответствии со ст. 292 УК РФ есть внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, что с внешней стороны выражается в написании текста, подписании, проставлении печати и т. п. Однако с точки зрения содержательной служебный подлог выражается в выпуске в официальное обращение заведомо ложной информации, зафиксированной в официальном документе. Вне этого содержания простая подделка документа теряет значение служебного подлога, хотя бы и был подделан официальный документ.

Игнорирование содержания преступления и оперирование исключительно его объективным проявлением лежат в основе многих распространенных заблуждений, отражающихся непосредственно на квалификации преступлений.

Одним из наиболее закоренелых заблуждений такого рода является утверждение о том, что выполнение общим субъектом части деяний преступления со специальным субъектом является соисполнением преступления (перемещение имущества при присвоении, применение насилия при изнасиловании и т. п.).

14. Общественно опасное деяние, указанное в диспозиции статьи в качестве признака объективной стороны состава преступления, может осуществить или исполнить только субъект, являющийся стороной нарушаемого объекта преступления.

Если верна посылка (а она, вне всяких сомнений, верна), что нарушить обязанность может только то лицо, на которое такая обязанность возложена,

то верным следует признать и утверждение, что преступное нарушение объекта уголовно-правовой охраны может осуществить только тот субъект общественного отношения, на которого возложена соответствующая обязанность.

Сказанное означает, что совершить или исполнить преступление может только то лицо, которое является субъектом охраняемого уголовным законом общественного отношения (конечно же, при этом мы не забываем обо всех признаках субъекта преступления).

Иными словами, исполнителем преступления может выступать только то лицо, которое обладает объектным статусом субъекта преступления.

15. Положение об исполнителе преступления как субъекте нарушаемого объекта преступления является универсальным и не зависит от особенностей охраняемых общественных отношений и включаемых в его структуру субъектов.

В тех случаях, когда субъектом нарушаемого общественного отношения может быть любое лицо, принято говорить о том, что субъект данного преступления общий.

Если же субъектом нарушаемого общественного отношения могут быть только те лица, которые обладают каким-либо дополнительным (специальным) признаком, то принято говорить о том, что субъект данного преступления специальный.

16. Несмотря на изложенное в п. 15 положение, необходимо различать понятия «может выступать» и «следует признавать» исполнителем, т. е. не всякое лицо, которое обладает объектным статусом субъекта преступления должно признаваться исполнителем преступления даже в тех случаях, если оно выполняет полностью или частично действия, образующие объективную сторону преступления.

Исполнителем преступления следует признавать только то лицо, которое обладает объектным статусом субъекта преступления и совершает деяние, определяющее содержание совершаемого преступления.

Если два субъекта совместно совершают изъятие чужого имущества, но только один из них присваивает это имущество, а второй действует не из корысти (например, из ложно понятого чувства товарищества), то исполнителем хищения имущества будет только тот субъект, который обратил это имущество в свою «собственность», поскольку содержание хищения заключается именно в нарушении порядка обращения чужого имущества в свою собственность, а вовсе не в «завладении чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью», как об этом сказано в примечании к гл. 24 УК. Именно на такое прочтение содержания хищения наталкивает понимание его объекта – отношений собственности в части присвоения себе чужого имущества.

То же относится и к преступлениям со специальными субъектами. Хищение имущества путем присвоения при содействии лица, которому имущество не вверялось, не может рассматриваться как совершенное соисполнителями даже в том случае, если общий субъект изымал имущество и взял его часть в свою собственность. Не обладая объектным статусом специального субъекта

преступления, общий субъект не может совершить деяние, образующее содержание данного конкретного преступления, – присвоить вверенное имущество.

В обоих из описанных случаев хищения лица, которые не совершали образующее содержание преступления деяние, выступают в роли технических пособников, обеспечивающих совершение самого преступного деяния исполнителем.

17. Единое для всех видов субъектов – исполнителей преступлений положение может быть следующим: совершить преступление определенного вида в качестве его исполнителя может только то лицо, которое обладает всеми необходимыми, включая дополнительные специальные, признаками субъекта охраняемого общественного отношения.

Из этого утверждения с неизбежностью следует и ограничение: если субъект не обладает признаками субъекта охраняемого общественного отношения, то он не может быть совершителем или исполнителем преступления данного вида.

Лица, которые не обладают объектным статусом субъекта преступления, могут участвовать в совершении преступления в качестве его подстрекателей, организаторов или пособников.

Следовательно, исполнителем преступления, как с общим, так и со специальным субъектом, следует признавать только то лицо, которое:

- 1) обладает объектным статусом субъекта совершаемого преступления и
- 2) выполняет деяние, определяющее содержание совершаемого преступления.

18. Поскольку соисполнителями любого преступления являются лица, совместно выполняющие объективную сторону состава преступления, постольку соисполнителями преступления могут быть признаны только те лица, каждое из которых является субъектом совместно нарушаемого общественного отношения или обладает объектным статусом субъекта преступления данного вида.

Соответственно, если круг субъектов нарушаемого общественного отношения ограничен специальным признаком, то соисполнителями преступления со специальным субъектом могут быть только те субъекты, которые в качестве субъектов нарушаемого общественного отношения обладают и указанным специальным признаком. Данное положение может быть определено более лаконично: соисполнителями преступления со специальным субъектом могут быть только специальные субъекты.

Общие субъекты (лица, не обладающие требуемым специальным признаком) в принципе не могут быть субъектами общественных отношений со специальными субъектами, а потому они не могут выступать в качестве соисполнителей преступлений со специальными субъектами.

19. Содержание двухобъектного преступления со специальным субъектом образует нарушение специальным субъектом его прав и обязанностей по основному объекту, в том числе и по отношению к дополнительному объекту. Исполнителем двухобъектного преступления со специальным субъектом мо-

жет выступать только лицо, являющееся специальным субъектом основного общественного отношения.

Субъект, который не обладает признаками специального субъекта, не может совершить двухобъектное преступление со специальным субъектом даже в том случае, когда причиняет вред дополнительному объекту. Объясняется данное положение тем неперенным обстоятельством, что причинение вреда дополнительному объекту в двухобъектном преступлении осуществляется исключительно посредством нарушения основного объекта, чего неспециальный субъект сделать не может, ибо не является специальным субъектом нарушаемого общественного отношения.

20. Соисполнителями двухобъектного преступления со специальным субъектом следует считать только тех субъектов, которые являются субъектами основного объекта уголовно-правовой охраны. Указанные субъекты для признания их соисполнителями должны совершить действия, образующие нарушение основного объекта двухобъектного преступления со специальным субъектом. Если в таком преступлении какой-либо из субъектов совершает только действие по причинению вреда дополнительному объекту, то он не является в данном преступлении специальным субъектом и не признается соисполнителем, к нему применяются положения об общем субъекте.

Дата поступления статьи – 10.09.2014.

В статье рассматриваются структура и содержание состава преступления, раскрывается содержание признаков состава преступления, показано значение объективных признаков для раскрытия признаков субъективных и значение субъективных признаков для определения объекта преступления, дана содержательная характеристика объекта преступления как охраняемого уголовным законом общественного отношения, предложено определение исполнителя преступления с учетом вводимого в научный оборот понятия «объектный статус субъекта преступления», излагается видение совершения преступления в соучастии сквозь призму учения о составе преступления как интегрированной совокупности объективных и субъективных признаков состава преступления, обращено внимание на особенности соучастия в преступлении со специальным субъектом.

In the article the structure and contents of components of crime are considered; the substance of characteristics of corpus delicti is discovered; the significance of objective characteristics for discovering subjective characteristics and the significance of subjective characteristics for determining the object of crime are shown; the substantial characteristic of the object of crime as social relation protected by law is given; the notion of the principal offender is offered with regard to the notion of “object status of the principal offender” which is introduced to the scientific usage; the vision of the accompliceship through the lense of theory of components of crime as of integrated unity of objective and subjective characteristics of componets of crime is developed. Attention is given to the features of accompliceship with special subject.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННУЮ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Данисевич А.Н.

В настоящее время в Республике Беларусь принимаются меры по дальнейшей либерализации белорусской экономики, повышения ее конкурентоспособности и создания благоприятных условий для ее динамичного и устойчивого развития.

В указанных целях были приняты такие программные документы, как Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 (далее – Концепция), и Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» (далее – Директива).

В Концепции определена необходимость проработки вопроса о декриминализации отдельных преступлений против собственности, порядка осуществления экономической деятельности, порядка управления и интересов службы, некоторых иных деяний (подп. 16.2 п. 16 Концепции) [1]

В свою очередь, в подп. 5.5 п. 5 Директивы предлагается пересмотреть существующую уголовную ответственность за правонарушения в области предпринимательской деятельности, обеспечив соразмерность ответственности характеру правонарушения и степени причиненного вреда [2].

Для того чтобы определить насколько правовая конструкция ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) соответствует современному регулятивному законодательству и обеспечивает реализацию права на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской деятельности, необходимо:

1) провести анализ зарубежного законодательства, выявить и обобщить положительный опыт законодательного обеспечения противодействия незаконной предпринимательской деятельности, подготовить рекомендации по его внедрению в отечественную законотворческую и правоприменительную практику;

2) определить эффективность действующей ныне конструкции указанной нормы;

3) изучить доктринальные предложения, касающиеся частичной или полной криминализации и (или) декриминализации указанного деяния;

4) разработать предложения по совершенствованию уголовно-правовой конструкции ст. 233 УК Республики Беларусь и практики ее применения.

Сравнительно-правовой анализ норм некоторых стран СНГ, влекущих уголовную ответственность за осуществление незаконной предпринимательской деятельности, свидетельствует о наличии существенных расхождений

как в определении понятия самой незаконной предпринимательской деятельности, носящей преступный характер, так и в соответствующих уголовно-правовых санкциях.

Так, в Украине и Республике Узбекистан уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность (незаконное предпринимательство) не установлена.

В уголовных кодексах (далее – УК) Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Республики Таджикистан незаконное предпринимательство представлено двумя составами. Один из них является общим: это незаконное предпринимательство (ст. 180 УК Кыргызской Республики, ст. 171 УК Российской Федерации, ст. 259 УК Республики Таджикистан), незаконное занятие предпринимательской деятельностью (ст. 241 УК Республики Молдова). Второй может быть отнесен к специальным: это незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК Российской Федерации, ст. 181 УК Кыргызской Республики, ст. 191 УК Республики Таджикистан), незаконное занятие финансовой деятельностью (ст. 241-1 УК Республики Молдова) [3]. Специальный состав незаконного предпринимательства, по мнению разработчиков данных кодексов, имеет свою специфику, носит более опасный характер, поэтому был выделен в отдельно.

В Республике Беларусь и Российской Федерации незаконная предпринимательская деятельность (незаконное предпринимательство) может выражаться в двух формах преступного поведения, являющихся альтернативными:

- предпринимательская деятельность осуществлялась без регистрации;
- предпринимательская деятельность осуществлялась без разрешения (лицензии), когда такое специальное разрешение (лицензия) обязательно.

В Республике Туркменистан, Кыргызской Республике уголовно наказуема также предпринимательская деятельность, осуществляемая с нарушением условий лицензирования.

В Республике Армения, наряду с осуществлением подлежащей лицензированию предпринимательской деятельности без государственной регистрации (за исключением предусмотренных законом случаев) или без специального разрешения (лицензии), уголовно наказуемо также осуществление предпринимательской деятельности, запрещенной законом.

УК Республики Таджикистан предусмотрена уголовная ответственность как за осуществление предпринимательской деятельности без регистрации либо без специального разрешения (лицензии) в случаях, когда такое разрешение (лицензия) обязательно, или с нарушением условий лицензирования, так и за занятие запрещенными видами предпринимательской деятельности.

В Республике Казахстан помимо всех перечисленных выше деяний уголовно наказуемо осуществление предпринимательской деятельности, если оно сопряжено с производством, хранением, перевозкой либо сбытом подакцизных товаров в значительных размерах.

При определении эффективности действующей ныне ст. 233 УК Республики Беларусь следует обратить внимание на тот факт, что как таковая уго-

ловно-правовая конструкция «незаконной предпринимательской деятельности» введена в законодательство со вступлением в силу УК Республики Беларусь 1999 г. Ст. 233 УК Республики Беларусь относится к нормам с бланкетной диспозицией. Соответственно признаки состава преступления закрепляются не только в УК Республики Беларусь, но и в нормативных правовых актах иных отраслей законодательства, которые за последнее десятилетие претерпели значительные изменения. Поэтому при ближайшем рассмотрении диспозиции ст. 233 УК Республики Беларусь на предмет соответствия законодательству о порядке создания и государственной регистрации субъектов хозяйствования можно сделать вывод, что формулировка первого признака незаконной предпринимательской деятельности явно рассогласована с этим законодательством.

Так, по смыслу редакции ч. 1 ст. 233 УК Республики Беларусь регистрации подлежит сама предпринимательская деятельность юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Однако в соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1 «О государственной регистрации и ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования» (далее – Декрет № 1), а также ст.ст. 44, 22 ГК Республики Беларусь, регистрации подлежит не предпринимательская деятельность, а осуществляющие ее лица. Кроме того, с 1 февраля 2009 г. в силу подп. 2.1 п. 2 Декрета № 1 в стране действует заявительный принцип государственной регистрации субъектов хозяйствования (не применяется только при государственной регистрации банков и небанковских кредитно-финансовых организаций). Регистрирующий орган не проверяет содержание представленных документов на соответствие их законодательству, не регистрирует предпринимательскую деятельность как таковую, не проверяет наличие у создаваемого субъекта хозяйствования условий для осуществления того или иного вида деятельности, соответствие действующему законодательству заявленного предполагаемого вида деятельности.

В связи с этим первый признак незаконного предпринимательства было бы более правильно сформулировать следующим образом: «Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или без государственной регистрации в качестве юридического лица».

На первый взгляд, может показаться, что эта корректировка имеет сугубо редакционное значение. Однако в действительности она глубоко содержательна. Так как в связи с неточностью в формулировке диспозиции ст. 233 УК Республики Беларусь правоприменители, по-разному отвечают на одни и те же вопросы, возникающие, при ее применении.

Например, М.Е. Денисюк в своих публикациях утверждает, что уголовная ответственность за незаконную предпринимательскую деятельность возможна только в случае, если ее предметом выступает предпринимательская деятельность, которая в принципе может быть зарегистрирована [4, с. 92]. Вместе с тем согласно подп. 2.1 п. 2 Декрета № 1 на основании заявительного

принципа осуществляется государственная регистрация именно субъектов хозяйствования, а не конкретных видов деятельности. В заявлении указывается вид экономической деятельности, предполагаемый к осуществлению в качестве основного исходя из общегосударственного классификатора Республики Беларусь ОКРБ 005-2006 «Виды экономической деятельности», утвержденного постановлением Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 28 декабря 2006 г. № 65 «Об утверждении, введении в действие, изменении и отмене технических нормативных правовых актов в области технического нормирования и стандартизации и общегосударственного классификатора Республики Беларусь») (далее – ОКЭД).

Нормы действующего законодательства в сфере регистрации субъектов хозяйствования во многом рассчитаны именно на добросовестность лиц, планирующих осуществлять предпринимательскую деятельность. Фактически же субъект, планирующий заниматься каким-либо видом деятельности, может зарегистрировать субъект хозяйствования, указав приблизительный предполагаемый код ОКЭД, и в последующем заниматься любой предпринимательской деятельностью.

В научных комментариях к уголовным кодексам различными авторами приводятся следующие доводы в обоснование общественной опасности незаконной предпринимательской деятельности.

Опасность представляет не обогащение предпринимателя и получение им прибыли, а уклонение от контроля. И если эта деятельность осуществляется со значительным размахом, она влечет уголовную ответственность за незаконное предпринимательство [5, с. 209] .

Общественная опасность незаконной предпринимательской деятельности состоит в нарушении принципа законности экономической деятельности, в осуществлении предпринимательской деятельности в обход закона с причинением вреда правоохраняемым интересам, в том числе интересам государства, бюджет которого в результате не пополняется. Незаконное предпринимательство не позволяет контролировать действия лиц, занимающихся им, с точки зрения уплаты налогов и применения незаконных методов деятельности [6].

В то же время в научных кругах не единожды обсуждался вопрос: является ли криминализация незаконной предпринимательской деятельности обоснованной. На данное обстоятельство обращалось внимание в цивилистической и уголовно-правовой науке в публикациях Л.С. Аистова, К.К. Лебедева, П.С. Яни, И.В. Шишко.

Сторонники полной или частичной декриминализации указанного состава считают, что существование в нынешней редакции ст. 233 УК Республики Беларусь необоснованно умаляет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности. В социально-экономической сфере за период с момента установления уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность произошли существенные изменения, соответственно изменился и характер совершаемых пре-

ступлений. Поэтому необоснованное включение ряда признаков в объективную сторону незаконного предпринимательства или их неудачная формулировка влекут неправомерное или необоснованное расширение пределов действия ст. 233 УК Республики Беларусь, и являются препятствием на реализацию конституционного права закрепленного в ст. 13 Конституции Республики Беларусь.

Так, в действующей редакции ст. 233 УК Республики Беларусь объективная сторона незаконной предпринимательской деятельности представлена двумя альтернативными формами:

1) предпринимательская деятельность, осуществляемая без государственной регистрации;

2) предпринимательская деятельность, осуществляемая без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение (лицензия) обязательно.

При рассмотрении вопроса об объективной необходимости криминализации незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без государственной регистрации, необходимо определить, какие именно законные интересы нарушаются при несоблюдении требований законодательства о регистрации в качестве юридического лица (индивидуального предпринимателя).

Специалисты в области уголовного права аргументируют общественную опасность осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации тем, что регистрация:

1) гарантирует судебную защиту интересов сторон;

2) обеспечивает достижение фискальной цели;

3) гарантирует идентификацию контрагентов, упорядочивает их отношения;

4) обеспечивает контроль за деятельностью субъектов хозяйствования, с точки зрения уплаты налогов и применения незаконных методов деятельности [6].

Однако данные аргументы не являются безусловными, и их можно оспаривать.

Применительно к гарантии судебной защиты интересов сторон: отсутствие государственной регистрации субъекта хозяйствования не лишает истца и (или) ответчика права отстаивать свои интересы в суде.

Если говорить о достижении фискальных целей, то в силу ст. 13 Конституции Республики Беларусь и ст. 2 Общей части Налогового кодекса Республики Беларусь отсутствие регистрации вовсе не освобождает лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, от обязанности уплачивать налоги с полученных доходов. Кроме того, за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов лицо может быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 243 УК Республики Беларусь.

При рассмотрении государственной регистрации в качестве механизма, способствующего упорядоченности отношений контрагентов, их взаимной идентификации, то наличие сведений о конкретном субъекте в Едином государственном регистре юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, еще не является полной гарантией надежности такого субъекта хозяйствования. Так, субъект хозяйствования может значиться в данном регистре, но фактически представлять фирму-однодневку, либо его учредителем может

являться подставное лицо. Следовательно, сама по себе регистрация по заявительному принципу лишь частично способствует упорядоченности отношений контрагентов и их взаимной идентификации.

Последний аргумент в пользу необходимости регистрации – возможность контроля за деятельностью субъектов хозяйствования с точки зрения уплаты налогов и применения незаконных методов деятельности также не свидетельствует об общественной опасности несоблюдения требования о регистрации. Очевидно, что факт регистрации субъекта хозяйствования сам по себе не гарантирует возможность осуществления полного контроля за деятельностью данного лица и возможность своевременного выявления и пресечения противоправных деяний указанного субъекта.

Исходя из данной логики такая форма осуществления незаконной предпринимательской деятельности, как деятельность, осуществляемая без государственной регистрации, может быть исключена из диспозиции ч. 1 ст. 233 УК Республики Беларусь. Включение указанного признака в объективную сторону рассматриваемого состава ведет к необоснованному расширению пределов действия ст. 233 УК Республики Беларусь. Фактически данное деяние является правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 12.7 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, и данная мера ответственности вполне может быть признана достаточной.

Если обратиться к вопросу об обоснованности криминализации незаконной предпринимательской деятельности, осуществляемой без специального разрешения (лицензии), когда такое разрешение (лицензия) обязательно, то следует отметить, что общественная опасность данного деяния представляется очевидной. В п. 1 Положения о лицензировании отдельных видов деятельности, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», определено, что данным Положением регулируются отношения по лицензированию отдельных видов деятельности, осуществляемых в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты прав и свобод, нравственности, здоровья населения и охраны окружающей среды. Таким образом, назначение лицензионного механизма состоит в установлении особого государственного контроля за осуществлением таких видов предпринимательства, которые в силу присущих им особенностей сопряжены с реализацией наиболее важных публичных интересов. Общественная опасность безлицензионной деятельности как раз и заключается в потенциальной возможности нанесения ущерба указанным сферам деятельности общества и государства.

В своих публикациях М.Е. Денисюк придерживается иной точки зрения. Он считает, что предпринимательская деятельность без государственной регистрации более опасное деяние по степени общественной опасности, так как характеризуется полным выпадением из сферы государственно-правового регулирования экономики. Деятельность же субъекта хозяйствования без специального разрешения (лицензии) характеризуется прохождением государственной регистрации, ведением бухгалтерского и налогового учета и отчет-

ности, исполнением, как правило, всех налоговых обязательств, включая возникающие по результатам незаконной предпринимательской деятельности, т. е. принципиальным нахождением субъекта в рамках правового поля и различных видов государственного контроля и надзора [7]. Данная позиция также обоснована с практической точки зрения.

Список цитированных источников

1. Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
2. Директива Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.
3. Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. – 2003 – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.spinform.ru>. – Дата доступа: 18.08.2014.
4. Денисюк, М.Е. Отдельные вопросы объективной стороны незаконной предпринимательской деятельности как преступления / М.Е. Денисюк // Промышленно-торговое право. – 2014. – № 3. – С. 92–96.
5. Волженкин, Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России / Б.В. Волженкин. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2007. – 765 с.
6. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел 8 УК РФ) (постатейный) / Н.А. Лопашенко. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 489.
7. Денисюк, М.Е. Трактровка дохода как признака состава преступления «незаконная предпринимательская деятельность» / М.Е. Денисюк // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 10. – С. 84 – 87.

Дата поступления статьи – 12.09.2014.

В статье рассматриваются предложения о необходимости совершенствования законодательства об уголовной ответственности за незаконную предпринимательскую деятельность, проводится сравнительно-правовой анализ норм уголовного законодательства некоторых стран СНГ, предусматривающего ответственность за незаконное предпринимательство. Проведенное исследование позволяет определить, насколько правовая конструкция ст. 233 Уголовного кодекса Республики Беларусь соответствует современному регулятивному законодательству и обеспечивает реализацию права на свободное использование способностей и имущества для предпринимательской деятельности.

The article deals with the proposals to improve legislation on criminal responsibility for illegal business activities, a comparative legal analysis of the criminal laws of some countries of the CIS providing liability for illegal entrepreneurship is held. The research allows to determine how the legal structure of article 233 of the Criminal code of the Republic of Belarus corresponds to a modern regulatory legislation and ensures the implementation of the right to free use of abilities and asserts for business activities.

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Илий С.К.

Антикоррупционным законодательством Российской Федерации определена система мер, направленных на предупреждение коррупции на государственной и муниципальной службе. Так, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» устанавливает:

- запрет отдельным категориям лиц *открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами* (ст. 7.1) (этот запрет, на настоящий момент, установлен не для всех государственных служащих, но возможно в ближайшее время перечень лиц, которые под него попадают, будет расширен);

- обязанность государственных и муниципальных служащих *уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений* (ст. 9);

- порядок предотвращения и урегулирования *конфликта интересов* на государственной и муниципальной службе (ст. 11);

- *ограничения, налагаемые на гражданина, замещавшего должность государственной или муниципальной службы (государственную, муниципальную должность), при заключении им трудового или гражданско-правового договора* (ст.ст. 12, 12.1);

- *обязанность передачи ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов* (ст. 12.3);

- *иные запреты, ограничения, обязательства и правила служебного поведения (заниматься предпринимательской деятельностью; использовать в неслужебных целях информацию, средства материально-технического, финансового и информационного обеспечения, предназначенные только для служебной деятельности; получать в связи с выполнением служебных обязанностей не предусмотренные законодательством Российской Федерации вознаграждения (ссуды, услуги, оплату развлечений, отдыха, транспортных расходов) и подарки от физических и юридических лиц и др.)* [1].

Однако среди всех этих мер наибольший практический и теоретический интерес вызывают такие законодательно закрепленные обязанности государственных служащих, как:

- *представление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера* (ст. 8);

- *представление сведений о расходах* (ст. 8.1).

Вызвано это тем, что подавляющее большинство государственных и муниципальных служащих не имеют счетов в зарубежных банках или зарубежной недвижимости (на конец 2013 г. установлено, что зарубежные счета имелись у 600 служащих, а недвижимостью обладали лишь около 1600 муниципальных и государственных служащих), не владеют акциями или иными ценными бумагами, к ним практически не обращаются посторонние лица с предложениями получить взятку или совершить иное коррупционное правонарушение (в 2013 г. поступило 2,5 тыс. заявлений о склонении госслужащих к коррупции).

В то же время обязанности по декларированию своих доходов и расходов затрагивают значительную часть государственных и муниципальных служащих. Как показывают, проводимые НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации опросы прокурорских работников и работников кадровых подразделений, осуществляющих предупреждение коррупции в государственных органах, нарушение данной обязанности является самым распространенным коррупционным правонарушением (из тех, которые были выявлены).

В соответствии со ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» служащий, замещающий должность государственной или муниципальной службы, обязан представлять представителю нанимателя (работодателю) сведения о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера себя и своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей.

Невыполнение государственным и муниципальным служащим обязанности по представлению сведений о доходах является дисциплинарным правонарушением, влекущим освобождение государственного служащего от замещаемой должности либо привлечение его к иным видам дисциплинарной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера представляются гражданами, претендующими на замещение или замещающими должности:

- государственной или муниципальной службы, включенные в соответствующие перечни, установленные нормативными правовыми актами Российской Федерации;

- членов Совета директоров Центрального банка Российской Федерации, и должности в Центральном банке Российской Федерации, включенные в перечень, утвержденный Советом директоров Центрального банка Российской Федерации (п. 1.1 введен Федеральным законом от 03.12.2012 № 231-ФЗ);

- в государственных корпорациях, Пенсионном фонде Российской Федерации, Фонде социального страхования Российской Федерации, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых Российской Федерацией на основании федеральных законов;

– включенные в перечни, установленные федеральными государственными органами, на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

– руководители государственных (муниципальных) учреждений (п. 3.1 введен Федеральным законом от 29.12.2012 № 280-ФЗ);

Таким образом, сведения о доходах предоставляют не все государственные служащие (и иные служащие), а лишь те, чьи должности включены в определенные перечни.

Перечень должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых служащие обязаны представлять сведения о доходах, расходах об имуществе и обязательствах имущественного характера установлен Указом Президента РФ от 18.05.2009 № 557.

В развитие положений ст. 8 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ [1] и Указа Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 557 [2], соответствующих нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов, в государственных и муниципальных органах (фондах, госкорпорациях, судебных и иных органах) были разработаны и утверждены перечни должностей государственной и муниципальной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых государственные и муниципальные служащие обязаны представлять сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Только на федеральном уровне, согласно данным, размещенным в системе Консультант Плюс, на настоящий момент действует 180 ведомственных приказов (в том числе 1 указание и 1 распоряжение), определяющих перечни лиц, обязанных представлять сведения о доходах.

Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера – это юридически значимый документ, в котором государственный и муниципальный служащий под свою ответственность указывает величину дохода, полученного в период с 1 января по 31 декабря отчетного года, в том числе дохода, полученного в натуральной форме, дохода от иной оплачиваемой деятельности, а также об основаниях приобретения имущества, видах собственности, обязательствах имущественного характера (заем, кредит и др.).

Сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера представляются не позднее 30 апреля года (в ряде ведомств установлены сокращенные сроки), следующего за отчетным, в кадровую службу соответствующего органа в виде справок по форме и в порядке, установленном Указом Президента Российской Федерации от 18.05.2009 № 557, соответствующими нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации и муниципальными правовыми актами.

Проверка достоверности и полноты сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, предоставляемых государственными служащими осуществляется по решению представителя нанимателя (ру-

ководителя) или лица, которому такие полномочия предоставлены представителем нанимателя (руководителем), в порядке, устанавливаемом Президентом Российской Федерации, самостоятельно или путем направления запроса в федеральные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности.

Порядок проведения проверок сведений о доходах определен Указом Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению», которым было утверждено соответствующее Положение [3].

Полномочия по проведению проверок возложены на подразделения кадровых служб по профилактике коррупционных и иных правонарушений (должностных лиц кадровых служб, ответственных за работу по профилактике коррупционных и иных правонарушений).

При этом проверки проводятся не в отношении всех граждан, поступающих на государственную службу, или действующих государственных (муниципальных) служащих, предоставивших сведения о доходах, *а лишь в отношении конкретных лиц*, т. е. выборочно.

Что касается эффективности предпринимаемых государством мер по контролю за доходами государственных служащих, имеется следующая статистика.

По информации Главы Администрации Президента РФ С.Б. Иванова (председатель президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции) в 2013 г. 1,5 млн государственных служащих и иных лиц, на которых возложена такая обязанность, представили справки о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера и аналогичные сведения в отношении своих супругов и несовершеннолетних детей.

Из них было проверено около 9 % (130 тыс.). Имеются в виду проверки достоверности и полноты сведений о доходах, осуществляемые в отношении муниципальных и государственных служащих соответствующими кадровыми службами согласно Указу Президента РФ от 21.09.2009 № 1065 «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» [3]. В это число не входят проверки, осуществляемые органами прокуратуры, однако значительная часть лиц, привлеченных к дисциплинарной ответственности за нарушения, допущенные при представлении сведений о доходах, была привлечена к ответственности именно по инициативе прокуроров.

Всего по итогам проверок применены меры юридической ответственности (дисциплинарной) почти к 3000 служащих. Из них 200 человек уволены со службы по утрате доверия. В их числе 5 сотрудников центральных аппаратов федеральных органов исполнительной власти, 158 служащих территориаль-

ных органов федеральной власти (более половины, 88 – сотрудники органов внутренних дел), 32 работника органов государственной власти субъектов РФ и муниципальных образований.

Говоря о профилактическом потенциале контроля за доходами, следует отметить, что в ходе проверок кандидатов на замещение должностей государственной, региональной и муниципальной службы выявлено 500 кандидатов, которым в занятии соответствующих должностей отказано в результате проверок деклараций о доходах и имуществе.

Однако это не означает, что все те, кто был подвергнут дисциплинарным взысканиям, уволен по утрате доверия или не принят на государственную службу из-за допущенных нарушений при подаче справок о доходах, являются коррупционерами.

Особый интерес представляет новая антикоррупционная обязанность государственных и муниципальных служащих, введенная лишь с 2013 г.: представлять **сведения о расходах**.

С 1 января 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ), который в целях противодействия коррупции устанавливает правовые и организационные основы осуществления контроля за соответствием расходов лица, замещающего государственную должность (иного лица), расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей общему доходу данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки (далее – контроль за расходами), а также определяет категории лиц, в отношении которых осуществляется контроль за расходами, порядок осуществления контроля за расходами и механизм обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы [4].

Следует обратить внимание, что обязанности, вытекающие для отдельных категорий лиц, подпадающих по действие рассматриваемого Федерального закона, возникают в отношении сделок, совершенных с 1 января 2012 г. (п. 2 ст. 18 Федерального закона № 230-ФЗ).

В соответствии с указанным законом, все те лица, которые представляют сведения о доходах, должны представлять и сведения о расходах.

Кроме того, устанавливается контроль за расходами супруга (супругов) и несовершеннолетних детей вышеперечисленных категорий лиц (далее – лица, за расходами которых установлен контроль).

На вышеназванных лиц возлагается обязанность представлять сведения о своих расходах, а также о расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), если сумма сделки превышает общий доход данного лица и его *супруги (супруга)* за три

последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка.

Федеральным законом № 230-ФЗ устанавливается осуществление особой процедуры в отношении лиц, за расходами которых установлен контроль. Основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами является достаточная информация о том, что данными лицами совершена сделка по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) на сумму, превышающую общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки. Указанная информация в письменной форме может быть представлена в установленном порядке:

1) правоохранительными органами, иными государственными органами, органами местного самоуправления, работниками (сотрудниками) подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений и должностными лицами государственных органов, органов местного самоуправления, Банка России, государственной корпорации, Пенсионного фонда Российской Федерации, Фонда социального страхования Российской Федерации, Федерального фонда обязательного медицинского страхования, иной организации, созданной Российской Федерацией на основании федеральных законов, организации, создаваемой для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами;

2) постоянно действующими руководящими органами политических партий и зарегистрированных в соответствии с законом иных общероссийских общественных объединений, не являющихся политическими партиями;

3) Общественной палатой Российской Федерации;

4) общероссийскими средствами массовой информации.

Следует отметить, что информация анонимного характера не может служить основанием для принятия решения об осуществлении контроля за расходами лиц.

Процедура контроля за расходами включает в себя:

– истребование от данного лица сведений:

а) о его расходах, а также о расходах его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), если сумма сделки превышает общий доход данного лица и его супруги (супруга) за три последних года, предшествующих совершению сделки;

б) об источниках получения средств, за счет которых совершена подконтрольная сделка;

– проверку достоверности и полноты сведений об источниках средств по подконтрольной сделке;

– определение соответствия расходов данного лица, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приоб-

ретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) их общему доходу.

Ст. 9 Федерального закона № 230-ФЗ предусмотрена *обязанность* лица, в отношении которого осуществляется процедура контроля за расходами, предоставлять соответствующие сведения необходимые для проверки (при проверке сведений о доходах такой обязанности нет), предусмотрены его права, а также возможность отстранения от должности на период проверки. В частности указано, что подобный срок не должен превышать шестидесяти дней со дня принятия решения об осуществлении такого контроля. Указанный срок может быть продлен до девяноста дней лицом, принявшим решение об осуществлении контроля за расходами.

Федеральным законом также предусмотрены права и обязанности лиц, проводящих соответствующую проверку, включая право на направление запросов в органы власти, в том числе правоохранительные, обязательные для исполнения.

Кроме того, закреплено право Генерального прокурора РФ и подчиненных ему прокуроров по решению Президента РФ, Председателя Правительства РФ либо должностного лица, определяемого Президентом РФ, на осуществление мероприятий по контролю за расходами. При этом, проведение этих мероприятий осуществляется в соответствии с требованиями Федерального закона № 230-ФЗ и нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

По результатам осуществления мероприятий по контролю за расходами уполномоченное на осуществление проверочных мероприятий лицо докладывает о результатах проверки лицу, принявшему решение об осуществлении контроля за расходами.

По итогам осуществления мероприятий по контролю за расходами, после состоявшегося доклада о его результатах при установлении признаков нарушения закона, лицо, принимавшее решение о контроле за расходами, в зависимости от общественной опасности выявленных нарушений, принимает одно из двух решений:

1) при установлении в ходе осуществления контроля за расходами обстоятельств, свидетельствующих о несоответствии расходов данного лица, а также расходов его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей их общему доходу, материалы, полученные в результате осуществления контроля за расходами, в трехдневный срок после его завершения направляются лицом, принявшим решение об осуществлении контроля за расходами, в органы прокуратуры Российской Федерации, которые, в свою очередь, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, наделены правом на обращение в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, расходы которого под-

лежат контролю, не представлено сведений, подтверждающих их приобретение на законные доходы (ст. 17 Федерального закона № 230-ФЗ);

2) при установлении в ходе осуществления контроля за расходами признаков преступления, административного или иного правонарушения, материалы, полученные в результате осуществления контроля за расходами, в трехдневный срок после его завершения направляются лицом, принявшим решение об осуществлении контроля за расходами, в государственные органы в соответствии с их компетенцией.

Всего в 2013 г. было представлено 14 400 справок о расходах. В большинстве случаев расходы были связаны с приобретением недвижимости (12 700 человек), чуть более 1 600 человек сообщили о том, что они приобрели транспортные средства на сумму дороже, чем трехлетний совокупный доход (если стоимость автомашины была ниже, то об этом не надо было сообщать, т. е. речь идет о достаточно дорогостоящих автомобилях) и 69 должностных лиц стали обладателями ценных бумаг и долей участия в коммерческих организациях.

В результате проверок справок о расходах выявлено около 20 фактов непредоставления или предоставления недостоверных сведений о расходах. В отношении этих нарушителей начались серьезные проверки. По одному конкретному случаю, речь идет о сотруднике прокуратуры Нижегородской области, руководством Генеральной прокуратуры РФ принято решение об увольнении.

Практика правоприменения в данной сфере показывает наличие определенных проблем. Несмотря на продолжающееся совершенствование антикоррупционного законодательства многие вопросы остаются не урегулированными. На наш взгляд, в целях совершенствования механизма контроля за доходами и расходами следует предпринять следующее:

1) расширить список оснований для проведения проверок, уполномочив федеральные государственные органы, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления проводить проверки по письменным обращениям граждан и юридических лиц;

2) предусмотреть возможность предоставления сведений кредитно-финансовыми учреждениями и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, не только по запросам руководителей федеральных государственных органов, но и руководителей их территориальных органов, а также органов местного самоуправления в отношении их служащих;

3) создать единую централизованную базу данных, охватывающую все субъекты Российской Федерации, куда можно будет обращаться при проведении проверок сведений о доходах и имуществе государственных служащих, а также о соблюдении ими запретов, требований и ограничений, установленных законодательством;

4) ввести административную ответственность за серьезные нарушения при декларировании доходов и расходов;

5) законодательно увязать служебную проверку и проверку в порядке Указа от 21.09.2009 № 1065, отнести нарушения требований к служебному поведению, включая неисполнение обязанностей, несоблюдение ограничений и запретов, установленных для предупреждения коррупции, к коррупционному виду дисциплинарных правонарушений;

6) установить ответственность за неосновательное обогащение государственных служащих.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что декларирование доходов и расходов государственными и муниципальными служащими представляет собой важный элемент системы профилактики, так как, с одной стороны, позволяет выявлять причастных к коррупционным проявлениям лиц, а, с другой – служит сдерживающей мерой для морально не устойчивых служащих, способных при отсутствии контроля совершить коррупционное деяние. Вместе с тем результативность данной меры профилактики коррупции зависит от эффективности нормативно-правового регулирования и правоприменительной практики контроля за доходами и расходами.

Список цитированных источников

1. О противодействии коррупции: Федерал. закон РФ, 25.12.2008, № 273-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.

2. Об утверждении перечня должностей федеральной государственной службы, при назначении на которые граждане и при замещении которых федеральные государственные служащие обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей: Указ Президента РФ, 18.05.2009, № 557 // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.

3. О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению (вместе с «Положением о проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению»): Указ Президента РФ, 21.09.2009, № 1065 // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.

4. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: Фед. Закон РФ, 3.12.2012, № 230-ФЗ // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс]. – М., 2014.

Дата поступления статьи – 05.09.2014.

Настоящая статья посвящена описанию основных правовых средств предупреждения коррупции, рассмотрены основные требования, ограничения и запреты антикоррупционного характера. Особое внимание уделено проблеме контроля за доходами и расходами государственных служащих; рассмотрен порядок предоставления соответствующих сведений и их проверки. В работе приводятся статистические данные и результаты социологи-

ческих исследований, предложены некоторые меры, направленные на совершенствование предупреждения коррупции на государственной службе.

The article is devoted to the description of the principal legal means of preventing corruption, the basic anticorruption requirements, restrictions and prohibitions. Particular attention is paid to the problem of control over income and expenditure of public servants; the order of the provision of relevant information and its verification is analysed. The paper presents statistical data and results of sociological studies, proposes some measures with a view to improve the prevention of corruption in the public service.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ РАЗРАБОТКИ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ СТАНДАРТОВ

Сащико П.И.

В последние годы значительное внимание уделяется разработке и нормативно-правовому закреплению антикоррупционных стандартов. Упоминание об антикоррупционных стандартах можно найти, например, в Соглашении между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией от 25.12.2013. В ст. 9 Соглашения закреплено, что Стороны осуществляют взаимодействие в целях унификации законодательства, регулирующего вопросы противодействия коррупции, а также введения антикоррупционных стандартов, т. е. установления для соответствующей сферы правового регулирования единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области.

В Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия коррупции, утвержденных постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 23.11.2012 № 38-17, перечислены принципы совершенствования законодательства в сфере противодействия коррупции. В качестве одного из таких принципов называется установление и соблюдение государственных антикоррупционных стандартов, включающих комплекс гарантий, ограничений и запретов уголовного, административного и гражданско-правового характера в приоритетных сферах правового регулирования. Этими же Рекомендациями государствам СНГ предлагается закрепить в законодательстве согласованные правовые дефиниции, в том числе определение термина «антикоррупционные стандарты».

Помимо этого Рекомендации содержат положение о сферах правового регулирования, в рамках которых разрабатываются и реализуются антикоррупционные стандарты. В качестве таких сфер указаны:

– реализация избирательных прав, деятельность политических партий, государственная и муниципальная служба, работа в коммерческих и некоммерческих организациях;

– особые сферы исполнения полномочий государственных органов, в том числе: законотворчество, судебная и правоохранительная деятельность, бюджетный процесс, банковская деятельность, кредитование, эмиссия ценных бумаг, приватизация государственного и муниципального имущества, государственные закупки, регистрация и лицензирование видов деятельности, экспертиза и сертификация товаров и услуг, здравоохранение и образование, природопользование, охрана окружающей среды, таможенное дело.

В законодательстве Республики Беларусь дефиниции термина «антикоррупционный стандарт» не содержится. Определение антикоррупционного стандарта можно найти, например, в модельном законе «Основы законодательства об антикоррупционной политике», принятом постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 15.11.2003 № 22-15. В ч. 7 ст. 2 Модельного закона антикоррупционные стандарты определяются как единые для обособленной сферы правового регулирования гарантии, ограничения или запреты, обеспечивающие предупреждение или уменьшение воздействия коррупции на функционирование данной сферы. Кроме того, в главе третьей Модельного закона содержатся антикоррупционные стандарты приоритетных сфер правового регулирования антикоррупционной политики (например, в сфере реализации права на референдум, избирательных прав и деятельности партий; в сферах государственной власти, государственной и муниципальной служб; в сфере службы в коммерческих и иных организациях; в сфере правотворчества и др.).

Определение термина «антикоррупционный стандарт», аналогичное приведенному выше, дано в постановлении Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 25.11.2008 № 31-20 «О новой редакции модельного закона «О противодействии коррупции». В п. 5 ст. 7 Федерального закона Российской Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» к числу основных направлений деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции относится введение антикоррупционных стандартов, т. е. установление для соответствующей области деятельности единой системы запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции в данной области.

Таким образом, в модельных правовых актах государств-участников СНГ и законодательстве Российской Федерации термин «антикоррупционный стандарт» определяется как система гарантий, запретов, ограничений и дозволений, обеспечивающих предупреждение коррупции.

Следует отметить, что такое определение антикоррупционного стандарта является слишком узким по своему содержанию и не может в полной мере отражать сущность данного термина. Так, А.А. Каширкина, исследовавшая антикоррупционные стандарты ОЭСР, отмечает, что «Конвенция ОЭСР представляет собой сложный и разветвленный международно-правовой акт и включает в себя в качестве приложений статистические данные, комментарии, рекомендации, согласованные общие элементы уголовного законодательства, а также предусматривает специальный механизм контроля за ее ре-

ализацией – все это в определенной мере предопределило формирование и становление антикоррупционных стандартов ОЭСР как особой категории правовых регуляторов...» [1]. Кроме того, она упоминает стандарты, которые не могут быть отнесены ни к гарантиям, ни к ограничениям, ни к запретам, называя в числе антикоррупционных стандартов, например, положение о том, что ответственность должна распространяться на всех лиц; а также положение о принятии действенных, пропорциональных и сдерживающих мер уголовного наказания, финансовых и иных санкций за совершение коррупционных преступлений и правонарушений и др. [1]. В.В. Астанин подвергает критике правовое регулирование антикоррупционных стандартов и отмечает слабую разработанность этого инструмента. Он, в частности, отмечает, что при соблюдении запретов и ограничений по государственной службе, которые составляют сущность антикоррупционных стандартов, не исчезают причины и условия коррупции, а сами запреты и ограничения не способны предотвратить коррупционные проявления, которые не связаны с линией поведения государственных служащих, направленной на инициирование коррупции. Кроме того, он обращает внимание на то, что не могут рассматриваться в качестве антикоррупционных стандартов в соответствии с имеющимся их нормативным определением административные регламенты исполнения государственных функций, которые не содержат системы запретов, ограничений, обязанностей и дозволений [2]. А.А. Тарасов, исследуя антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве, определяет систему антикоррупционных стандартов в уголовном процессе как «комплекс научно обоснованных и вытекающих из принципов уголовного судопроизводства правил, обеспечивающих антикоррупционную направленность нормативного регулирования уголовно-процессуальной деятельности, т. е. ограничивающих произвольное и бесконтрольное использование властных полномочий недобросовестным правоприменителем, своевременное выявление и предотвращение фактов коррупции, минимизацию их негативных последствий по конкретным уголовным делам» [3]. А.В. Куракин подчеркивает важность этических стандартов служащих, процедур отбора, подготовки и ротации кадров, механизмов налогового контроля [4].

В этой связи попытка сведения антикоррупционных стандартов лишь к гарантиям, ограничениям, запретам или дозволениям представляется не отвечающей целям противодействия коррупции. Антикоррупционные стандарты, к примеру, могут касаться процедурных или технических вопросов, например, содержать требования к сайтам государственных органов и пр. С учетом изложенного актуальной является разработка понятия антикоррупционного стандарта и научно обоснованных подходов к разработке подобных стандартов с целью повышения эффективности борьбы с коррупцией.

При определении термина «антикоррупционный стандарт» следует исходить из значения слова «стандарт» – это типовой образец, которому должно удовлетворять что-либо по параметрам, форме, качеству; единообразная типовая форма организации, осуществления чего-либо [5, с. 247].

В научной литературе по стандартизации определяются цели стандартизации, предмет стандарта, аспект (вид) стандарта и уровень стандарта. Например, стандарты могут быть классифицированы по уровню: на индивидуальные, компании, межотраслевые или ведомственные; национальные; международные. Аспект (вид стандарта) может касаться образца формы договора или соглашения, системы условных обозначений и др. Различным может быть предмет стандарта (техника, промышленность, торговля и др.) [6, с. 15–18].

Предметом антикоррупционных стандартов являются способы борьбы с коррупцией. Антикоррупционные стандарты могут различаться по аспекту (положения о разрешении конфликта интересов, административные процедуры, уголовно-правовые стандарты, административно-правовые стандарты и пр.); по уровню (юридического лица, ведомственные, отраслевые, межотраслевые, межгосударственные, международные).

Антикоррупционный стандарт может разрабатываться для процедур, касаться компетенции должностного лица либо иных аспектов (требования к сайтам государственных органов, стендам об административных процедурах, размещаемых в помещениях государственных органов, где осуществляется прием граждан, стандарты осуществления звукозаписи или видеозаписи во время приема граждан и др.). Аспекты антикоррупционных стандартов можно классифицировать по сферам деятельности (стандарты нормативно-правового регулирования; управления; кадровой политики; поведения должностных лиц; деятельности по осуществлению гражданского контроля). Также можно классифицировать антикоррупционные стандарты по отраслям правового регулирования (в сфере уголовно-правового регулирования, гражданско-правового регулирования и др.), либо в зависимости от правовых институтов (стандарты криминализации коррупции, стандарты ответственности и пр.). Возможно и иное деление (стандарты в области декларирования доходов и имущества, назначения на должности, стандарты противодействия коррупции в области здравоохранения, в промышленности, в сфере государственных закупок и пр.). Выделение аспектов стандартизации зависит от целей разработки стандартов.

Применительно к антикоррупционным стандартам важным является вопрос об их нормативно-правовом закреплении. Антикоррупционные стандарты могут содержаться в международных договорах, в рекомендациях международных организаций и иных нормах «мягкого права». В.В. Михайлов указывает, что положения международных актов имеют разную степень директивности и в этой связи государства-участники могут быть обязаны выполнить соответствующее требование либо могут сделать это по своему усмотрению, либо только рассмотреть возможность внедрения стандарта, а иногда внедрение стандарта возможно лишь в тех пределах, которые соответствуют конституции [7]. Имплементация международных стандартов в области борьбы с коррупцией в ряде случаев может требовать ратификации или утверждения.

Антикоррупционные стандарты могут также закрепляться во внутригосударственных законах и иных внутригосударственных нормативных правовых актах. Выбор нормативного правового акта, в котором предполагается закре-

пить антикоррупционный стандарт, зависит от аспекта этого стандарта и его уровня, универсальности либо ориентированности на противодействие коррупции в определенной отрасли, степени обязательности, возможности создания правового регулирования, отвечающего требованиям определенности, соблюдением принципов криминализации (если речь идет об уголовно-правовых стандартах), а также иными обстоятельствами.

Процесс разработки стандартов имеет свои закономерности, которые выработаны теорией стандартизации. Не останавливаясь подробно на положениях данной теории, следует обратить внимание на некоторые моменты разработки стандартов.

Как отмечается в литературе по стандартизации, конечные цели стандартизации на каждом уровне общие для всех уровней, а сами стандарты специфичны для каждого уровня, но они должны соответствовать стандартам на более высоком уровне и должны быть скоординированы со стандартами на более низком уровне [6, с. 18]. Применительно к стандартам в области борьбы с коррупцией также важна координация на всех уровнях. Так, А.А. Каширкина справедливо указывает: «Антикоррупционным стандартам, сформированным в документах ОЭСР, прежде всего в Конвенции ОЭСР, в иерархии международных антикоррупционных стандартов специальной направленности придается наиболее важное значение. При этом искусственно нивелируется роль универсальных антикоррупционных стандартов ООН, содержащихся в Конвенции ООН против коррупции, которые с точки зрения международного права должны занимать высшее иерархическое место в системе антикоррупционных стандартов, нежели стандарты других международных межправительственных и неправительственных организаций, включая ОЭСР, ГРЕКО, ФАТФ, G20, "Трансперенси Интернешнл"...» [1]. Точно так же антикоррупционные стандарты, разрабатываемые в рамках юридического лица или отрасли деятельности, должны быть согласованы со внутригосударственными и международными антикоррупционными стандартами.

Целями стандартизации в области борьбы с коррупцией могут быть развитие международного сотрудничества в этой области, унификация законодательства, устранение условий совершения коррупционных преступлений, криминализация новых форм коррупционных проявлений, установление административных процедур и др.

Специалистами в области стандартизации разрабатывались методики разработки стандартов, которые включают в себя:

- определение необходимости разработки стандарта;
- определение лиц, ответственных за разработку стандарта;
- установление материалов, которые должны быть использованы при разработке стандартов с учетом современного развития уровня науки (журнальные статьи, отечественная и зарубежная литература и пр.);
- определение сферы действия и содержания разрабатываемого стандарта, а также его прогрессивного характера;

- определение функций стандарта, установление влияния стандарта, обусловленного его содержанием;
- определение элементов показателей стандарта (понятия; обозначения; данные, относящиеся к людям; и др.);
- определение принципов систематизации стандарта (модульный, алфавитный и др.);
- обеспечение связи между разрабатываемым стандартом и существующими, устранение противоречий между стандартами различного уровня;
- внедрение стандарта, установление реальных сроков опробования и пересмотра;
- оценка эффективности стандарта [6, с. 22–27].

В зависимости от видов стандартизации могут выделяться и иные методические принципы. Так, например, методическими принципами комплексной стандартизации являются системность (учет связи между элементами объекта стандартизации и определение взаимоувязанных требований как к самому объекту, так и к основным элементам); комплексность и оптимальное ограничение (начиная с некоторого уровня излишне полный охват элементов комплексной стандартизации не выгоден и мало способствует повышению качества объекта стандартизации, в то время как недостаточный охват стандартизацией элементов системы не дает комплексного решения); перспективности (необходимо учитывать степень соответствия мировому уровню как объекта стандартизации, так и элементов, которые в него входят, а также возможна разработка опережающих стандартов); увязка с действующими стандартами (учет всех действующих стандартов, связанных с объектом стандартизации) [8, с. 7–15].

Думается, что пришло время применить научно-обоснованные подходы теории стандартизации при разработке антикоррупционных стандартов. Например, разрабатывая стандарты в области борьбы с коррупцией, следует оценивать, насколько предлагаемые стандарты отвечают по своему содержанию международным договорам, рекомендациям, модельному законодательству в этой сфере, т. е. предусматривают ли они необходимый набор мер противодействия коррупционным преступлениям. Кроме того, необходимо учитывать, насколько каждая из мер противодействия коррупции, устанавливаемых стандартом, соответствует современным взглядам, перспективным разработкам. Необходимо определять функции каждой из мер, устанавливаемых стандартом, их взаимосвязь, влияние на коррупционную преступность и др.

При разработке антикоррупционных стандартов следует учитывать специфику деятельности по борьбе с коррупцией, которая влияет на методику разработки таких стандартов. Так, необходимо принимать во внимание, что антикоррупционные стандарты связаны с процессами детерминации и причинности коррупции, с устранением или ослаблением причинных комплексов коррупции. В то же время стандарт не может отражать всех особенностей детерминации и причинности коррупционных проявлений на конкретном объекте, поскольку содержит лишь типичные черты. Кроме того, антикоррупци-

онные стандарты подлежат пересмотру с учетом изменения процессов детерминации и причинности коррупции, расширения криминологических познаний об этих процессах.

Подводя итог сказанному, антикоррупционный стандарт можно определить как наиболее оптимальный типовой образец противодействия коррупции, ориентированный на сферу (отрасль) деятельности или иной объект; как образец, который учитывает причинные комплексы коррупции и при его реализации в практической деятельности способствует ее искоренению, снижению коррупции или минимизации причиняемого ей ущерба. Антикоррупционные стандарты могут различаться по аспекту и уровню, а разработка антикоррупционных стандартов должна осуществляться не только с учетом современных взглядов на противодействие коррупционным проявлениям, но и с соблюдением научно-обоснованных подходов к разработке стандартов, выработанных теорией стандартизации.

Список цитированных источников

1. Каширкина, А.А. Антикоррупционные стандарты ОЭСР: понятие и направления имплементации / А.А. Каширкина // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2014.
2. Астанин, В.В. Антикоррупционные стандарты и повышение эффективности государственной службы / В.В. Астанин // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2014.
3. Тарасов, А.А. Антикоррупционные стандарты в уголовном судопроизводстве: от законодательной идеи к процедурному воплощению / А.А. Тарасов // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2014.
4. Куракин, А.В. Международные и зарубежные стандарты административно-правовых средств предупреждения и пресечения коррупции в системе государственной службы / А.В. Куракин // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2014.
5. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Инт-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984. – Т. 4. – 1984. – 794 с.
6. Орлов, Б.М. Некоторые проблемы теории стандартизации / Б.М. Орлов. – М.: Изд-во стандартов, 1968. – 56 с.
7. Михайлов, В. Международные антикоррупционные стандарты и их отражение в законодательстве Российской Федерации / В. Михайлов // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2014.
8. Троицкий, И.Д. Комплексная и опережающая стандартизация / И.Д. Троицкий, Л.П. Решетова, Л.А. Солонникова. – М.: Изд-во стандартов, 1983. – 66 с.

Дата поступления статьи – 11.09.2014.

В международных документах и национальном законодательстве закреплено значительное число антикоррупционных стандартов, касающихся различных отраслей деятельности и сфер правового регулирования. Таким образом, выработка общего понятия антикоррупционного стандарта является актуальной. Вместе с тем анализ научной литературы и нормативных правовых актов показывает, что приемлемого определения термина «антикоррупционный стандарт» не выработано. В этой связи определение термина «антикор-

рупционный стандарт» нуждается в уточнении, а процесс разработки антикоррупционных стандартов – в совершенствовании. В статье рассматриваются понятие антикоррупционного стандарта и некоторые подходы к разработке стандартов с целью повышения эффективности борьбы с коррупцией. С учетом положений теории стандартизации вносятся предложения по совершенствованию работы, направленной на выработку антикоррупционных стандартов, формулируется определение антикоррупционного стандарта.

A number of anti-corruption standards related to various fields of activity and domains of legal regulation are provided for by international documents and national legislation. Thus, development of general notion of «anti-corruption standard» is important. At the same time analysis of scientific literature and legal acts reveals that acceptable definition of anti-corruption standard has not been elaborated. In this connection it is necessary to precise the term «anti-corruption standard» and to improve process of development of such standards. The concept of anti-corruption standard and some approaches to elaboration of standards for improvement of effectiveness of combating corruption are examined in the article. Taking into consideration some provisions of standardization theory, some proposals on improvement of activity aimed at development of anti-corruption standards are made; definition of anti-corruption standard is formulated.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА, ТОМ ЧИСЛЕ КОНТРАБАНДЫ, АНТИКВАРИАТА

Сидоренко Т.А.

Контрабанда антиквариата имеет транснациональный характер. Незаконный оборот антиквариата, в том числе контрабанда, приносят государству не только материальный, но и духовный вред. Преступные группы в России все чаще интегрируются в транснациональные структуры, специализирующиеся на хищениях антиквариата и его контрабанде.

То, что теневой оборот рынка антиквариата превышает законный, отметил еще в 2007 г. заместитель руководителя Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (данная Федеральная служба упразднена в 2011 г.) А. Вилков. По его словам, сейчас предметы старины разрешено продавать в любой подворотне, любым сомнительным лицам, которые представляются профессиональными арт-дилерами или посредниками. Это при том, что в стране отсутствует правовой статус такой категории торговцев. В результате ежегодный теневой оборот на рынке антиквариата достигает по оценке Росохранкультуры 300 млн долларов США [1].

Правовое регулирование оборота антиквариата осуществляется на основе норм международного законодательства и норм внутреннего законодательства Российской Федерации, относящихся к культурным ценностям.

В сфере охраны культурного наследия немаловажное место занимают следующие международные правовые акты:

– Конвенция ЮНЕСКО о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на

культурные ценности» от 14.11.1970, Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностей от 24.06.1995;

– соглашения государств – участников СНГ: Соглашение правительств государств – участников СНГ о сотрудничестве в области культуры от 15.05.1992, Соглашение стран СНГ о сотрудничестве таможенных служб по вопросам задержания и возврата незаконно вывозимых и ввозимых культурных ценностей» от 15.04.1994, Соглашение правительств стран СНГ о вывозе и ввозе культурных ценностей от 28.09.2001.

К основополагающим российским нормам, регулирующим оборот культурных ценностей, в том числе антиквариата, относятся: Конституция Российской Федерации 1993 г., Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09.10.1992 № 3612-1 (ред. от 05.05.2014), Закон РФ «О ввозе и вывозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1 (ред. от 23.07.2013), Положение о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей, утвержденным постановлением Правительства РФ 27.04.2001 г. № 322 (ред. от 21.07.2009), Закон РФ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ (ред. от 23.02.2011), Федеральный закон «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 15.04.1998 № 64-ФЗ (ред. от 23.07.2008).

Порядок перемещения культурных ценностей, в том числе антиквариата, через таможенную границу установлен Таможенным кодексом Российской Федерации 1993 г. (ред. от 26.06.2008), Таможенным кодексом Таможенного союза 2009 г. (ред. от 16.04.2010). Административная ответственность за незаконное перемещение товаров, а также недекларирование либо недостоверное декларирование определена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (ст.ст. 16.1, 16.2) 2001 г. (ред. от 28.06.2014). Уголовная ответственность за контрабанду культурных ценностей, обозначена в ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации 2001 г. (ред. от 28.06.2014).

Предметом данного преступления являются культурные ценности, обязательным признаком состава преступления – размер перемещаемых через границу ценностей, он должен быть крупным. Согласно п. 4 примечаний к ст. 226.1 УК РФ крупным размером культурных ценностей в указанной статье признается их стоимость, превышающая 100 тыс. рублей (п. 4 введен Федеральным законом от 23.07.2013 № 245-ФЗ).

Объективная сторона преступления заключается в незаконном перемещении культурных ценностей через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственной границы Российской Федерации с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС. Незаконность перемещения, согласно п. 19. ст. 4 Таможенного кодекса Таможенного союза, состоит в перемещении товаров через таможенную границу вне установленных мест или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, либо с сокрытием от таможенного контроля, либо с недостовер-

ным декларированием или недекларированием товаров, либо с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и (или) с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации, равно как и покушение на такое перемещение.

Согласно ст. 2 Таможенного кодекса Таможенного союза Единую таможенную территорию составляют территории Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации, а также находящиеся за пределами территорий государств – членов таможенного союза искусственные острова, установки, сооружения и иные объекты, в отношении которых государства – члены таможенного союза обладают исключительной юрисдикцией. Пределы таможенной территории таможенного союза являются таможенной границей таможенного союза (далее – таможенная граница). В соответствии с международными договорами государств – членов таможенного союза таможенной границей могут являться пределы отдельных территорий, находящихся на территориях государств – членов таможенного союза.

Субъектом данного преступления выступает вменяемое физическое лицо, которое достигло 16 лет. С субъективной стороны преступление характеризуется прямым умыслом.

Условиями, способствующими незаконному обороту антиквариата, в том числе его контрабанде, является отсутствие четкого государственного регулирования политики в области антиквариата, отсутствие лицензирования деятельности по реализации предметов антиквариата, отсутствие такого важного документа, в котором могли бы быть прописаны права и обязанности участников арт-рынка, как Правила антикварной торговли.

Так, с 1994 г. деятельность по торговле антиквариата регулировалась в соответствии с Указом Президента РФ от 30 мая 1994 г. № 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей», действовало Положение о порядке и условиях лицензирования деятельности, связанной с реализацией предметов антиквариата на территории Российской Федерации, утвержденное Указом Президента РФ от 30.05.1994 № 1108. Согласно п. 11 указанного положения предприятие, получившее лицензию, обязано было выполнять следующие важные условия (отмененные в 2002 г. в связи с прекращением действия вышеупомянутого Указа):

- проводить до передачи на реализацию силами экспертов, экспертных комиссий, специально уполномоченных работников предприятия экспертизу всех поступающих предметов антиквариата (определение подлинности, датировки, а также атрибуция и для изделий из драгоценных металлов и драгоценных камней – апробация);

- передавать на реализацию предметы антиквариата только после проверки их по ведущимся органами внутренних дел Российской Федерации и Министерством культуры Российской Федерации учетным материалам и спискам похищенных, утерянных, незаконно ввезенных в Российскую Федерацию

предметов, а также предметов, право собственности на которые оспаривается в суде [2].

В 1998 г. был издан Приказ Минкультуры РФ «О лицензировании деятельности по реализации предметов антиквариата» от 26.08.1998 № 445. Однако данный приказ фактически утратил силу в связи с принятием Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 08.08. 2001 № 128-ФЗ (вступившего в силу в 2002 г.) (ред. от 29.10.12), которым лицензирование деятельности по реализации предметов антиквариата не было предусмотрено.

В 2002 г. утратил силу и Указ Президента РФ от 30 мая 1994 г. № 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей», в связи с принятием Указа Президента РФ от 18.02.2002 № 184 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам лицензирования отдельных видов деятельности и признании утратившим силу Указа Президента Российской Федерации от 30 мая 1994 г. № 1108» (ред. от 08.06.2004).

Таким образом, государственный контроль за оборотом антиквариата фактически был утрачен, что привело к появлению большого количества похищенных предметов.

В 2011 г. был принят Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 02.07.2013), в связи с которым одноименный Федеральный закон от 08.08. 2001 № 128-ФЗ утратил силу, но и в соответствии с новым законом лицензирование антикварной деятельности также не предусмотрено.

В настоящее время деятельность по торговле антиквариатом регулируется Правилами комиссионной торговли непродовольственными товарами (утв. постановлением Правительства РФ от 6 июня 1998 г. № 569 «Об утверждении Правил комиссионной торговли непродовольственными товарами» (ред. от 04.10.2012), но данных правил явно недостаточно для того, чтобы решить проблемы антикварного рынка.

Негативная ситуация, сложившаяся на антикварном рынке свидетельствует о необходимости четкого государственного регулирования, в том числе путем установления лицензирования деятельности по реализации предметов антиквариата и принятия документа, специально регламентирующего эту деятельность Правил антикварной торговли. В Правилах антикварной торговли, должно быть, прежде всего, дано определение антиквариата, не нашедшее на сегодняшний день законодательного закрепления. Ранее понятие антиквариата было установлено в п. 5 Указа Президента РФ от 30 мая 1994 г. № 1108 «О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей» (Указ утратил силу, как уже отмечалось, в 2002 г.). Под предметами антиквариата понимались культурные ценности, созданные более 50 лет назад (включая перечень определенных категорий предметов).

Способствует контрабанде антиквариата отсутствие единой федеральной базы данных о культурных ценностях, запрещенных к вывозу из России и находящихся в розыске. Есть надежда, что ситуация в этом отношении изменится к лучшему. Такую регистрационно-поисковую систему в электронном виде собирается создать Министерство культуры Российской Федерации. В ней планируется собрать информацию о предметах, имеющих особое историческое, художественное, научное или иное культурное значение и запрещенных к вывозу из России. Также в системе будет храниться информация обо всех пропавших, утраченных и похищенных произведениях искусства, находящихся в розыске [3].

Следует также указать и на низкое качество учетных документов, направляемых для постановки на централизованный учет. Так, 15 % документов не содержит достаточной информации о похищенных предметах, описания отдельных предметов даны без указания их отличительных особенностей или отсутствуют вовсе, имеют место нарушения Приказа МВД России № 752 2000 г., утверждающего Наставление «О реформировании и ведении централизованных оперативно-справочных, розыскных, криминалистических учетов, экспертно-криминалистических коллекций и карточек органов внутренних дел Российской Федерации» в части своевременности и полноты постановки на централизованный учет произведений искусства и предметов старины [4].

Предупреждению контрабанды антиквариата содействуют специальные мероприятия, проводимые сотрудниками таможенной службы России (но в условиях роста контрабанды проводимых мероприятий явно недостаточно). Так, в 2006 г. была выполнена операция «Антиквариат», целью которой являлось выявление и пресечение незаконного перемещения культурных ценностей через таможенную границу России, привлечение к ответственности лиц, причастных к контрабанде.

По данным Главного управления по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы России (далее – ФТС России) в результате операции «Антиквариат» пресечено незаконное перемещение через таможенную границу России более 400 предметов культуры и искусства общей стоимостью более 250 тыс. долларов США, а именно: 340 кг метеоритного материала; 68 предметов изобразительного искусства, включая иконы; 159 почтовых карточек и фотографий; 104 монеты; 20 книг; 19 православных крестов; 17 орденов и медалей (из которых 5 – с фашистской символикой); 10 самоваров; 7 старинных часов и др. [5].

Сотрудники Главного управления по борьбе с контрабандой ФТС России (ГУБК ФТС России) заявляют, что схемы и способы незаконного перемещения культурных ценностей часто носят международный характер, преступные группировки хорошо организованы, специализируются на контрабанде антиквариата.

Перечень культурных ценностей, в отношении которых действуют специальные правила перемещения через таможенную границу и соответствующие категории предметов, установлены в Законе РФ «О ввозе и вывозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1. Ст. 9 указанного Закона предусмат-

ривает перечень предметов, не подлежащих вывозу из Российской Федерации. К ним относятся движимые предметы, представляющие историческую, художественную, научную или иную культурную ценность и отнесенные в соответствии с действующим законодательством к особо ценным объектам культурного наследия народов Российской Федерации, независимо от времени их создания;

- движимые предметы, независимо от времени их создания, охраняемые государством и внесенные в охранные списки и реестры в порядке, установленном законодательством Российской Федерации;

- культурные ценности, постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках, других государственных хранилищах культурных ценностей Российской Федерации. По решению уполномоченных государственных органов данное правило может быть распространено на иные музеи, архивы, библиотеки;

- культурные ценности, созданные более 100 лет назад, если иное не предусмотрено настоящим Законом [6].

Перечень культурных ценностей, подпадающих под действие Закона РФ «О ввозе и вывозе культурных ценностей» от 15.04.1993 № 4804-1, и документации, оформляемой на право их вывоза с территории Российской Федерации, установлен Приказом Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия от 14.03.2008 № 117.

Необходимо отметить, что низкий уровень подготовки сотрудников таможенной службы затрудняет возможность проведения первичного отличия обычного предмета от антиквариата, особенно в ограниченных временных рамках, когда необходимо принять решение, например, во время стоянки поезда в несколько минут. Сами таможенные инспекторы называют отрицательным фактом отсутствие на таможенных пунктах экспертов-искусствоведов, которые помогали бы сотрудникам таможенной службы определиться с отнесением предмета к определенной категории.

С другой стороны, и с экспертами существует проблема. В последние десятилетия возросло количество недостоверных заключений по антиквариату, особенно в отношении антикварных картин. Так, в связи с актуальностью этого вопроса в России появился каталог подделок произведений живописи в 5 частях (2007–2009 гг.). В каталоге содержится около тысячи изображений подделок произведений живописи русских художников. На многие из них известными музеями России были выданы экспертные заключения о подлинности работ. Большинство подделок, представленных в каталоге, до сих пор участвуют в обороте арт-рынка.

Привлекла внимание к проблеме недостоверных заключений экспертов и необычная выставка «Шедевры подделки», прошедшая в Москве в 2012 г. в музее «Дом иконы». Это первая в России выставка, на которой были представлены подделки известных русских художников (И. Айвазовского, Н. Рериха, К. Коровина и др.). При этом к одной и той же работе прилагались два заключения эксперта: одно, о том, что это подлинное произведение живописи.

си, другое, полученное при повторной экспертизе, что это подделка. Интересно, что в некоторых случаях на обеих экспертизах стояли подписи одного и того же эксперта, только с разницей в несколько лет.

При этом доказать, что эксперт, предоставляя недостоверные выводы, действовал с прямым умыслом и привлечь его к ответственности непросто. Оправдывая свои ошибки, многие эксперты ссылаются на человеческий фактор. В результате эксперты практически не привлекаются к ответственности, а между тем большое количество подделок, уже с официальными документами о подлинности, попадает на рынок антиквариата.

В связи с особой значимостью правильного экспертного заключения в выявлении подделок представляется важным вопрос о достаточной разработанности квалификационных требований к экспертам.

Список цитированных источников

1. Российская газета, Федеральный выпуск № 4321. – 2007. – Татьяна Зыкова. Хождение нелегального ордена. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2007/03/22/antikvariat.html>.
2. О реализации предметов антиквариата и создании специально уполномоченного органа государственного контроля по сохранению культурных ценностей» (вместе с «Положением о порядке и условиях лицензирования деятельности, связанной с реализацией предметов антиквариата на территории Российской Федерации»): Указ Президента РФ от 30.05.1994 № 1108 / Консультант плюс.
3. Павел, П. Минкультуры создает реестр краденых предметов искусства // Известия. – 30.06.2014.
4. Басков, В.А. Проблемы и отдельные направления совершенствования межведомственного взаимодействия в предупреждении и раскрытии хищений предметов, имеющих особую ценность // Российский следователь. – 2006. – № 3.
5. Операция «Антиквариат». – Режим доступа: Http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=6819.
6. О ввозе и вывозе культурных ценностей: Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 (в ред. от 23.07.2013) / Консультант Плюс.

Дата поступления статьи – 16.07.2014.

В статье рассматриваются проблемы незаконного оборота антиквариата в России, в том числе его контрабанды, связанные с отменой лицензирования антикварной деятельности, отсутствием Правил антикварной торговли, ошибками экспертов-искусствоведов, отсутствием единой федеральной базы данных о культурных ценностях, запрещенных к вывозу из России и находящихся в розыске.

The article considers the problem of illicit turnover of antiquities in Russia, including its smuggling, related to cancellation of licensing antique activities, the lack Rules on antique trade, errors of art experts, the lack of a unified federal database on cultural values forbidden to export from Russia and being searched for.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА ОТКРЫТИЯ СЧЕТОВ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Сороговец Д.В.

Уголовная ответственность за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь установлена ст. 224 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1].

Объектом преступления является установленный порядок открытия счетов за пределами Республики Беларусь.

Как следует из ч. 1 ст. 19 Закона Республики Беларусь «О валютном регулировании и валютном контроле», резиденты могут открывать счета в иностранной валюте и белорусских рублях в банках и иных кредитных организациях за пределами Республики Беларусь при соблюдении порядка и условий, устанавливаемых Национальным банком Республики Беларусь [2].

Порядок открытия резидентами Республики Беларусь счетов в белорусских рублях и иностранной валюте в банках и иных кредитных организациях за пределами Республики Беларусь и совершения операций по этим счетам установлен Правилами проведения валютных операций, утвержденными постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 30.04.2004 № 72 (далее – Правила № 72) [3], а также Инструкцией о порядке выдачи разрешений на проведение валютных операций и на открытие счетов за пределами Республики Беларусь, а также представления в банк уведомлений при совершении валютных операций, связанных с движением капитала, утвержденной постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 28.01.2008 № 15 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи разрешений на проведение валютных операций и на открытие счетов за пределами Республики Беларусь, а также представления в банк уведомлений при совершении валютных операций, связанных с движением капитала, и внесении изменения в постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 8 августа 2007 г. № 159» (далее – Инструкция № 15) [4].

Юридические лица (кроме банков) и индивидуальные предприниматели открывают счета в иностранной валюте и в белорусских рублях в банках-нерезидентах:

- 1) без разрешения Национального банка Республики Беларусь;
- 2) в уведомительном порядке;
- 3) на основании разрешения Национального банка Республики Беларусь [3].

Объективная сторона преступления выражается в открытии должностным лицом юридического лица или индивидуальным предпринимателем счета в банке или иной кредитной организации за пределами Республики Беларусь без разрешения Национального банка Республики Беларусь, когда в соответствии с законодательством требуется такое разрешение, при этом осуществляется ведение операций по этим счетам.

Без разрешения Национального банка Республики Беларусь юридические лица (кроме банков) и индивидуальные предприниматели открывают в банках-нерезидентах счета по учету кредитных операций и счета дипломатических и других официальных представительств Республики Беларусь, консульских учреждений Республики Беларусь.

В уведомительном порядке юридические лица (за исключением банков и бюджетных учреждений) и индивидуальные предприниматели открывают счета своих представительств в банках государств – участников Евразийского экономического сообщества (далее – ЕврАзЭС) в национальной валюте того государства – участника ЕврАзЭС, на территории которого открывается счет представительства [3].

Иные счета, за исключением счетов, открываемых без разрешения Национального банка Республики Беларусь и в уведомительном порядке, открываются юридическими лицами (кроме банков) и индивидуальными предпринимателями в банках-нерезидентах на основании разрешения Национального банка Республики Беларусь.

Инструкцией № 15 определен порядок выдачи разрешений Национального банка Республики Беларусь на открытие резидентами за пределами Республики Беларусь счетов в банках-нерезидентах.

Так, Национальный банк Республики Беларусь выдает разрешения на открытие резидентами за пределами Республики Беларусь счетов в банках-нерезидентах на следующие цели:

- для содержания за пределами Республики Беларусь представительства (за исключением дипломатических и других официальных представительств Республики Беларусь), филиала;
- содержания оздоровительных учреждений за пределами Республики Беларусь;
- финансирования строительно-монтажных, строительно-ремонтных, геолого-изыскательских и других работ разъездного характера, выполняемых за пределами Республики Беларусь;
- осуществления расчетов по сделкам, связанным с осуществлением производственно-хозяйственной деятельности на территории иностранного государства;
- привлечения кредита, займа от банка-нерезидента, если условиями договора предусматривается открытие контокоррентного счета;
- размещения денежных средств (за исключением средств, полученных из бюджета) на депозитном счете, залоговом, гарантийном счете в банке-нерезиденте [4].

Таким образом, определен исчерпывающий перечень случаев, когда выдается разрешение Национального банка Республики Беларусь на открытие резидентами за пределами Республики Беларусь счетов в банках-нерезидентах.

Для рассмотрения вопроса о выдаче разрешений на открытие счетов в банках-нерезидентах юридические лица (кроме банков) и индивидуальные предприниматели представляют в Национальный банк Республики Беларусь

документы, указанные в пп. 55–56 Инструкции № 15. Также они вправе представить иные документы, которые могут способствовать рассмотрению заявления по существу [4].

Банки открывают счета в иностранной валюте и в белорусских рублях в банках-нерезидентах для содержания представительства, филиала, санатория, иного оздоровительного учреждения либо иного структурного подразделения банка на территории иностранного государства на основании разрешения Национального банка Республики Беларусь.

Не требуется получения разрешения Национального банка Республики Беларусь на открытие банками в банках-нерезидентах иных счетов, используемых в банковской практике (за исключением счетов для содержания представительства, филиала, санатория, оздоровительного учреждения либо иного структурного подразделения банка на территории иностранного государства) [3].

Банки для рассмотрения вопроса о выдаче разрешения на открытие счета в банке-нерезиденте для содержания представительства, филиала, оздоровительного учреждения либо иного структурного подразделения на территории иностранного государства представляют в Национальный банк Республики Беларусь документы, указанные в п. 4 приложения 4 к Инструкции № 15, подп. 55.1 п. 55, в подп. 56.1 п. 56 Инструкции № 15.

Таким образом, Инструкцией № 15 определен перечень необходимых документов, представляемых юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в Национальный банк Республики Беларусь для получения разрешения на открытие счета в банке или иной кредитной организации за пределами Республики Беларусь.

Разрешение на открытие счета в банке-нерезиденте выдается на срок не более 1 года (п. 63 Инструкции № 15) [4].

Ведение операций по счетам в банке или иной кредитной организации за пределами Республики Беларусь по истечении срока, на который выдано разрешение Национального банка Республики Беларусь, не допускается (запрещается).

Порядок внесения юридическими лицами (кроме банков) и индивидуальными предпринимателями изменений и (или) дополнений в разрешение на открытие счета в банке-нерезиденте, в том числе о продлении срока его действия, установлен пп. 60–61 Инструкции № 15.

Банк для рассмотрения вопроса о продлении срока действия разрешения на открытие счета, выданного для содержания представительства, филиала, оздоровительного учреждения либо иного структурного подразделения на территории иностранного государства, представляет в Национальный банк документы, указанные в п. 4 приложения 4 к Инструкции № 15, в подп. 60.1 п. 60, в абз. 3 подп. 61.2 п. 61 Инструкции № 15 [4].

Разрешение Национального банка Республики Беларусь на открытие счета в банке-нерезиденте является основанием для перечисления денежных средств на счет, открытый в банке-нерезиденте [4].

Открытие должностным лицом юридического лица или индивидуальным предпринимателем счета в банке или иной кредитной организации за пределами Республики Беларусь и ведение по ним операций без разрешения Национального банка Республики Беларусь, когда в соответствии с законодательством требуется такое разрешение, либо по истечении срока, на который было выдано такое разрешение, является незаконным (запрещается).

Необходимым условием привлечения к уголовной ответственности за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь по ст. 224 УК является наличие административной преюдиции. В соответствии со ст. 32 УК это означает, что уголовная ответственность за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь наступает, если это деяние совершено в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение [1].

Административная ответственность за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь предусмотрена ст. 11.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП) [5].

При этом уголовная ответственность наступает только после привлечения виновного лица к административной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 11.5 КоАП.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 224 УК, характеризуется умышленной виной в форме прямого умысла. При этом виновное лицо сознает, что, будучи привлеченным к административной ответственности за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь, вновь в течение года совершает подобные действия, и желает их совершить.

Субъектами рассматриваемого преступления являются индивидуальные предприниматели и должностные лица юридических лиц, являющихся резидентами Республики Беларусь, независимо от организационно-правовых форм и форм собственности юридического лица. Должностные лица нерезидентов Республики Беларусь ответственности по данной статье не подлежат [6].

Понятие должностного лица содержится в ч. 4 ст. 4 УК.

Санкция ст. 224 УК предусматривает штраф или лишение права занимать определенные должности, или заниматься определенной деятельностью, или ограничение свободы на срок до трех лет, или лишение свободы на срок до двух лет [1].

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.10.2012, № 435-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Спектр». – Минск, 2014.
2. О валютном регулировании и валютном контроле: Закона Респ. Беларусь, 22 июля 2003 г. № 226-З; в ред. Закона Респ. Беларусь, 12.07.2013, № 51-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

3. Правила проведения валютных операций: постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 30 апреля 2004 г. № 72; в ред. постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 24.05.2010, № 169 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

4. Инструкция о порядке выдачи разрешений на проведение валютных операций и на открытие счетов за пределами Республики Беларусь, а также представления в банк уведомлений при совершении валютных операций, связанных с движением капитала: постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 28 января 2008 г. № 15 «Об утверждении Инструкции о порядке выдачи разрешений на проведение валютных операций и на открытие счетов за пределами Республики Беларусь, а также представления в банк уведомлений при совершении валютных операций, связанных с движением капитала, и внесении изменения в постановление Правления Национального банка Республики Беларусь от 8 августа 2007 г. № 159»; в ред. постановления Правления Национального банка Республики Беларусь от 26.04.2011, № 151 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Респ. Беларусь, 21 апреля 2003 г., № 194-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012, № 409-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Спектр». – Минск, 2014.

6. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск: ГИУСТ БГУ, 2007. – 1007 с.

Дата поступления статьи – 11.09.2014.

В статье рассматриваются вопросы уголовной ответственности за нарушение порядка открытия счетов за пределами Республики Беларусь (ст. 224 УК). Дана характеристика объекта, объективной стороны, субъекта и субъективной стороны рассматриваемого состава преступления.

The article deals with the issues of criminal liability for violation of the opening accounts outside the Republic of Belarus (the Article 224 of the Criminal code of the Republic of Belarus). The characteristic of object, the objective side, the subject and the subjective side of the crime under consideration is given.

СУБЪЕКТ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ СУММ НАЛОГОВ, СБОРОВ

Хомич В.М., Гладкий П.А.

Ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) [1], устанавливающая ответственность за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, не содержит указания относительно субъекта данного преступления. Однако это не случайно, поскольку субъектом данного преступного деяния является любое лицо (физическое и юридическое), обязанное вследствие трудовой, предпринимательской, иной экономической деятельности уплачивать налоги, исчисляемые из имеющихся у них объектов налогообложения.

Из этого следует, что субъектом уклонения от уплаты налогов может и должен быть субъект, который является владельцем, формирующим или вос-

производящим налоговую базу посредством деятельности, связанной с извлечением прибыли от трудовой деятельности или хозяйственного оборота. Это достаточно общее положение, которое в системе организации предпринимательской (экономической) деятельности субъектов предпринимательства (прежде всего, юридических лиц), как правило, функционально конкретизируется в обязанность конкретных лиц, которые, в соответствии с налоговым законодательством или системой организации бухгалтерского и налогового учета, обязаны непосредственно исчислять налоги и вносить налоговые платежи в бюджет. Сказанное имеет значение для уяснения сущности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 243 УК. При ее характеристике необходимо учитывать, что в соответствии с действующим порядком учета финансово-экономической деятельности юридических лиц система бухгалтерского учета и налогового учета является единой, в том числе и в плане механизмов возможного искажения налогового учета и исчисления налогов посредством манипулирования через систему бухгалтерского учета экономической деятельности субъекта хозяйствования.

Лицо, непосредственно заинтересованное в совершении экономического преступления, желая избежать привлечения к уголовной ответственности, может прибегать к различным уловкам. В частности, использовать для совершения преступления: 1) подставных лиц, подлежащих уголовной ответственности как специальный субъект преступления; 2) лиц, полномочия которых на совершение юридически значимых действий не оформлены письменно; 3) лиц, которые не соответствуют признакам специального субъекта [2].

Для первой ситуации характерно, что в случаях, когда «руководство» лица, не осведомленного о преступном характере совершаемых деяний, носит явно формальный характер и является прикрытием деятельности фактического руководителя, уголовное наказание необходимо нести фактическому, а не юридическому руководителю. В данном случае имеет место совершение преступления посредством использования других лиц, не подлежащих ответственности в силу других обстоятельств (отсутствия состава рассматриваемого преступления у «формального» руководителя) [3, с. 38].

Можно ли сделать однозначный вывод, что субъект преступления, предусмотренного ст. 243 УК, специальный? Или, может быть, речь идет не более как о функциональной идентификации в качестве специального субъекта в соответствии с тем, что на конкретное лицо коллективного образования возложена эта обязанность? От этого зависит решение всех остальных вопросов, связанных с определением субъекта рассматриваемого преступления. Скорее всего, в данном случае мы не можем говорить о том, что применительно к данному преступлению субъект – строго специальный, в классическом понимании специального субъекта в доктрине уголовного права.

Дело в том, что деяние, запрещенное хозяйственным или финансовым законодательством в отношении организации, может быть совершено в пользу этой организации любым лицом, а не только ее руководителем или работником. При этом опасность содеянного не уменьшается. Важно, чтобы лицо

действовало в интересах организации, в ее пользу, фактически выполняло определенные функции в отношении организации (независимо от правовой обязанности выполнять эти функции). Бессмысленно в условиях рыночной экономики при определении круга физических лиц, подлежащих уголовной ответственности в связи с нарушением правил, регулирующих хозяйственные отношения с участием организаций, ограничивать этот круг руководителем этой организации или ее работником [4, с. 83].

Существующие проблемы правоприменительной практики по преступлениям, связанным с уклонением от уплаты налогов, обусловлены сугубо догматическим подходом к определению сущности специального субъекта как субъекта, который, наряду с общими признаками (возрастом и вменяемостью), характеризуется (или должен обладать) некими дополнительными признаками. Это привело к тому, что к признакам специального субъекта стали относить судимость, повторность, административную преюдицию, в том числе любые функциональные обязанности служебного характера **безотносительно к сущности преступного деяния**. Долгое время больших проблем обоснования уголовной ответственности соответствующих лиц это не создавало. Более того, в практическом отношении для правоприменителей это удобно и вносит конкретику, не требующую особого напряжения в правовом анализе ситуации. Однако на практике это породило массу проблем.

Проблема на практике осложняется и достаточно категоричным положением (далеко небесспорным), согласно которому в преступлениях, требующих специального субъекта, иные лица, соучаствующие в их совершении, ни при каких обстоятельствах не могут выступать в качестве соисполнителей, а следовательно, быть исполнителями (соисполнителями) таких преступлений, в том числе и на основе посредственного исполнения (умышленного использования неосторожных или неосознаваемых действий специальных субъектов).

Данное положение уже давно подвергнуто сомнению в науке уголовного права в силу неоднозначной природы специального субъекта (его видов, выделяемых по различным критериям), однако, к сожалению, судебная практика Республики Беларусь придерживается устаревшей концептуальной позиции.

Правовая природа специального субъекта и так называемых дополнительных признаков, его формирующих, неоднозначна и имеет разную качественную характеристику. Общим для указанной характеристики является лишь то, что во всех случаях сущность специального субъекта обусловлена **видом преступного деяния**, которое предполагалось криминализировать (его структурой, формой проявления, стадийностью осуществления и сложностью правового моделирования объективной стороны). И вот здесь обнаруживается то, что в контексте определения (точнее, идентификации) специального субъекта можно и нужно выделять два типа преступного деяния: **универсальные**, которые могут и способны совершать так называемые общие субъекты преступной деятельности, и **статусные** преступные деяния, которые могут совершаться непосредственно субъектами, обладающими определенным социально-ролевым деятельным статусом. То есть данный вид преступлений мо-

гут совершать только физические лица, обладающее признаком специального субъекта **статусного характера**.

Статусный характер специального субъекта основан на том, что **само преступное деяние** потенциально и функционально может исходить из самого субъекта, точнее, **его статусных обязанностей и полномочий**. К такого рода специальным субъектам (они, как правило, указываются в диспозиции) относится статус военнослужащего, военнообязанного, должностного лица. Отсюда такие, например, преступления, как злоупотребление властью или служебными полномочиями, дезертирство – это преступления, где исполнителем (и соисполнителем) может выступать только специальный субъект. Иные лица, применительно к таким преступлениям статусного характера, исполнителями и соисполнителями быть не могут, они всегда соучаствуют в таких преступлениях как соучастники в качестве организаторов, пособников, подстрекателей. Обратим внимание также на то, что применительно к таким статусным преступлениям и статусным субъектам иные лица не могут выступать и **в качестве исполнителей** посредством правовой конструкции посредственного исполнения, т. е. использования неосторожных, неосознанных действий указанных статусных специальных субъектов. Признак статусного характера в таких преступлениях – **обязательный** признак как самого преступного деяния (объективной стороны), так и специального субъекта

Объективная сторона так называемых **универсальных типов** преступного деяния предполагает деятельно-функциональный характер субъекта таких преступлений. Применительно к таким преступлениям в целях конкретизации их субъектов следует учитывать деятельно-ролевые обязанности и функции потенциально-возможных исполнителей этих преступлений. И к тому же только в качестве факультативно-уточняющих признаков субъектов-исполнителей совершения таких преступлений для того, чтобы применительно к конкретному случаю внести ясность и определенность *не по отношению* к субъекту преступления, а *по отношению* к самому преступному деянию, образующему объективную сторону данного состава преступления. Например, на такой конструкции основано выделение хищения путем присвоения или растраты и хищения путем злоупотребления служебными полномочиями. Нельзя сказать, что это удачная конструкция, которая порождает (и будет порождать) проблему – в каких случаях должностное лицо должно нести ответственность за присвоение и растрату как хищение имущества, а в каких – за хищение путем злоупотребления служебными полномочиями. Не случайно Уголовный кодекс Российской Федерации отказался от выделения такой формы хищения, как хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, и предусмотрел факт злоупотребления служебными полномочиями как квалифицирующий признак хищения путем присвоения или растраты (ст. 160 УК) [5]. Применительно к присвоению и растрате или к хищению путем злоупотребления служебными полномочиями субъект, хотя и специальный, но деятельно-ролевой (сугубо функционального характера по отношению к объективной стороне хищения), а поэтому **соисполнителем** в таких

преступлениях может быть и лицо, не обладающее признаками специально субъекта.

Аналогичная ситуация складывается и применительно к составу преступления, предусмотренному ст. 243 УК. В принципе, здесь можно говорить о специальном субъекте только в аспекте функционально-деятельного или обязывающего характера. И это особенно важно, когда субъектом, обязанным уплачивать налоги, выступает юридическое лицо. В организационно-функциональном отношении эти функции могут возлагаться на руководителя организации, главного бухгалтера и даже на иное лицо, на которое может возлагаться обязанность исчислять налоги, заполнять декларации и пр. То есть конструкция специального субъекта, даже если с этим согласиться, здесь не статусная, а **универсально-деятельная**. Это значит, что ответственность за уклонение от уплаты налогов должен и может нести тот, кто непосредственно или опосредованно соучаствует в формировании искажения, занижения налоговых платежей в любых формах и способах.

В первую очередь важна не юридическая связь предполагаемого исполнителя с юридическим лицом, не основание возникновения такой связи, а способность лица к реальному выполнению юридически значимых действий, образующих объективную сторону состава преступления [6, с. 162].

Поэтому, не вдаваясь в характеристику объективной стороны преступления, можно рассмотренные вопросы квалификации уклонения от уплаты сумм налогов, сборов свести к следующим моделям.

Безусловно, что по общему правилу за уклонение от уплаты налогов путем сокрытия, занижения, неподачи налоговой декларации в установленный срок ответственность должно нести лицо, на которое функционально возложена обязанность по исчислению и уплате налоговых платежей в соответствии с общей публичной обязанностью уплачивать налоги всякого юридического лица, осуществляющего хозяйственную деятельность.

В этом случае при определении субъекта преступления следует ориентироваться на полномочия работников организации, которые связаны с исполнением ими налоговых обязанностей организации. К должностным лицам организации, подлежащим уголовной ответственности за уклонение от уплаты сумм налогов, сборов, могут быть отнесены руководитель организации, его заместители, главные (старшие) бухгалтеры и иные должностные лица бухгалтерии, поскольку именно эти лица несут ответственность за организацию и ведение бухгалтерского и налогового учета, правильное исчисление сумм налогов, сборов, представляют плательщика в отношениях с налоговыми органами и за их подписями представляются в налоговые органы налоговые декларации (расчеты).

При этом круг субъектов преступления ограничивается теми лицами, на которых возложены соответствующие обязанности по ведению бухгалтерского учета, представлению отчетности в налоговые органы и уплате налогов [7, с. 229].

Важно, чтобы указанные лица в силу возложенных на них обязанностей были ответственными за подготовку и подписание документов, представляемых в

налоговые органы, за обеспечение полной и своевременной уплаты налогов, сборов, либо уполномочены органом управления организации или в ином установленном законодательством порядке на совершение таких действий.

В тех случаях, когда по сговору руководителя хозяйствующего субъекта с иным лицом, например индивидуальным предпринимателем или учредителем данного юридического лица, через хозяйственную (экономическую) деятельность данного юридического лица проводятся сделки фиктивного характера с целью избежать налогообложения или снизить налоговые платежи, то имеет место соисполнительство (совершение данного преступления группой). В качестве соисполнителя привлекается к ответственности лицо, ответственное за исчисление налогов, а также и лицо, которое на основании сговора провело определенные хозяйственные операции (сделки) через данный субъект хозяйствования. Уклонение от уплаты налогов путем сокрытия или занижения налоговой базы не следует понимать только как сугубо математическое исчисление налогов, а как манипулирование элементами хозяйственной деятельности, которое объективно ведет к занижению налоговой базы и сумм, исчисляемых налогов. В этих случаях следует делать ссылку на ст. 17 УК, что с точки зрения квалификации будет означать совершение данного преступления группой лиц в соисполнительстве.

В том случае, когда учредитель назначил на должность руководителя хозяйствующего субъекта лицо, которое будет исполнять все действия по его воле или согласно его указаниям (в том числе, и по исчислению-уплате налогов), то учредитель выступает в качестве организатора уклонения от уплаты налогов. Лицо, непосредственно назначенное в качестве такого руководителя и **осознающее** факт манипуляции с исчислением налоговых платежей, является исполнителем данного преступления (*соучастие на принципах разделения ролей*). Если номинальный директор не осознает факт манипулирования с исчислением налогов (со стороны учредителя или других лиц), осуществляемый указанными лицами через хозяйственную деятельность данного юридического лица, то в таком случае исполнителем преступления является учредитель или иное лицо на принципах посредственного исполнения.

В ситуации, когда номинальный руководитель («подставное лицо») действует невиновно и не должно нести в силу этого уголовную ответственность, содеянное фактическим руководителем представляет собой посредственное исполнение состава налогового преступления, пусть даже и предусматривающего специального субъекта [8].

Именно такое моделирование ответственности в рамках данного состава преступления сегодня применяется в правоприменительной практике Российской Федерации, а также в практике зарубежных государств. Основана эта позиция на деятельно-ролевой (универсальной по характеру) типологии преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов.

Как указывается в пп. 6–7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления»

субъектом уклонения от уплаты налогов может быть и иное физическое лицо, осуществляющее представительство в совершении действий, регулируемых законодательством о налогах и сборах, а также лица, фактически выполняющие обязанности руководителя или главного бухгалтера (бухгалтера) [9].

Обязанность правильного составления налоговой декларации (расчета) и своевременность представления ее в налоговый орган возложена на плательщика, что установлено ст. 22 Налогового кодекса Республики Беларусь [10]. Поэтому, представляя заведомо ложные сведения о налоговой базе, лицо сознает, что тем самым дезинформирует (обманывает) государство в лице налоговых органов, и желает этого [7, с. 243]. Целью этих действий является снижение размера налогов, сборов, подлежащих уплате в бюджет, или полное избежание обязанности по их уплате.

Наступление уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ст. 243 УК, возможно лишь при наличии в действиях виновного прямого умысла на совершение уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, что и составляет субъективную сторону данного преступления.

Уклонение от уплаты налогов и сборов, сопряженное с лжепредпринимательством либо совершением иных преступлений, квалифицируется по совокупности преступлений.

В то же время, если обстоятельства, с наличием которых налоговое законодательство устанавливает обязанность уплатить налог, появились в результате совершения других преступлений (контрабанда, незаконная предпринимательская деятельность и т. д.) или иной противоправной деятельности, то уголовная ответственность по ст. 243 УК наступать не должна.

Действия лица, осуществлявшего незаконную предпринимательскую деятельность, не требуют дополнительной квалификации по ст. 243 УК, на что обращено внимание п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2001 № 6 «О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности» [11].

Объективным признаком уклонения от уплаты сумм налогов, сборов является причинение ущерба в крупном или особо крупном размере. По конструкции объективной стороны данный состав является материальным, поскольку момент окончания преступления связывается с наступлением последствий в виде ущерба, наступившего в результате уклонения от уплаты сумм налогов, сборов.

Размер ущерба, причиненного в результате уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, определяется конкретной суммой реально подлежащих уплате и не уплаченных налогов и (или) сборов за весь проверяемый период деятельности плательщика.

В то же время ч. 1 п. 2 ст. 81 Налогового кодекса Республики Беларусь [10] допускает возможность при определенных обстоятельствах определять размер причитающихся к уплате в бюджет сумм налогов, сборов одним из указанных в ней способов: на основании сведений о движении денежных

средств по счетам в банке и (или) сведений о плательщике (ином обязанном лице), полученных от других государственных органов, юридических и физических лиц, либо расчетным методом на основании сведений о юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, осуществляющих аналогичные виды деятельности.

Тем самым налоговое законодательство допускает возможность определять не конкретную (точную) сумму неуплаченных налогов, сборов, а предположительную. Кроме того, согласно ч. 2 указанного пункта при определенных обстоятельствах эта сумма подлежит пересмотру, что также свидетельствует о предположительном размере неуплаченных сумм налогов, сборов при таком способе его определения.

Для целей привлечения к ответственности в соответствии со ст. 243 УК необходимо точное определение размера причиненного ущерба (суммы неуплаченных налогов, сборов). Однако при указанных обстоятельствах для квалификации деяния по ст. 243 УК размер сумм налогов, сборов, от уплаты которых лицо уклонилось, будет также являться предположительным, а не точным. Подобный подход является нарушением одного из основополагающих принципов уголовного процесса – презумпции невиновности, поскольку согласно ч. 4 ст. 16 УПК Республики Беларусь приговор не может быть основан на предположениях.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
2. Витвицкая, С.С.. Уголовная ответственность за экономические преступления специальных и неспециальных субъектов (проблема «фактического» исполнителя / С.С. Витвицкая. // Российский следователь. – 2007. – № 20.
3. Пастухов, И.Н. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте. Проблемы квалификации: лекция / И.Н. Пастухов, П.С. Яни. – М., 1999.
4. Клепицкий, И.А. Система хозяйственных преступлений / И.А. Клепицкий. – М.: Статут, 2005.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.
6. Уголовно-правовое воздействие: моногр. / под ред. А.И. Рарога. – М.: Проспект, 2012.
7. Кучеров, И.И. Налоги и криминал. Историко-правовой анализ / И.И. Кучеров. – М., 2000.
8. Яни, П.С. Субъективные признаки налоговых преступлений: позиция Пленума Верховного Суда РФ / П.С. Яни, Э.С. Мурадов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 3.
9. О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.12.2006 № 64 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2011.

10. Налоговый кодекс Республики Беларусь (Общая часть): Кодекс Респ. Беларусь, 19 дек. 2002 г., № 166-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

11. О судебной практике по делам о незаконной предпринимательской деятельности / постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28.06.2001 № 6 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Дата поступления статьи – 12.09.2014.

В статье рассмотрены вопросы характеристики субъекта преступления, предусмотренного ст. 243 Уголовного кодекса Республики Беларусь, а также проведен анализ общих признаков специального субъекта преступления в сопоставлении с признаками субъекта уклонения от уплаты сумм налогов, сборов, что имеет первостепенное значение для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности.

The article deals with the characteristics of the subject of the crime under the article 243 of the Criminal code of the Republic of Belarus, as well as the analysis of the common characteristics of a special subject of crime in comparison with the characteristics of the subject of evasion of taxes, which is of paramount importance for the solution of the question of the imposition of criminal liability.

НАКАЗУЕМОСТЬ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Швед Н.А.

Согласно ч. 1 ст. 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), характеризующееся признаками, предусмотренными Уголовным кодексом, и запрещенное им под угрозой наказания. Обозначенная угроза содержится в санкциях статей Особенной части УК, в которых установлены конкретные виды и размеры наказаний, подлежащих применению.

Наказуемость следует рассматривать как самостоятельный признак преступления, выполняющий роль показателя общественной опасности запрещенного законом деяния и его юридической оценки, закрепленной в уголовном законе. Законодатель при конструировании уголовно-правовых норм должен четко предусмотреть в них конкретные санкции, чтобы, с одной стороны, создать базу для законодательного закрепления наказания, с другой, – соблюсти требования принципа индивидуализации и справедливости наказания. Верхние и нижние границы наказания, установленные санкцией, определяют пределы полномочий суда при избрании мер наказания.

Следует отметить, что проблема построения санкций является не просто дискуссионной, но и не имеющей хотя бы какого-то конкретного решения. В научной литературе неоднократно отмечался тот факт, что в процессе постро-

ения уголовно-правовых санкций в действующем УК отечественному законодателью не в полной мере удалось обеспечить применение системного подхода [1, с. 1].

Вместе с тем указанная проблема имеет не только теоретическое, но и исключительно большое практическое значение. В настоящее время в УК санкции имеют весьма широкую альтернативу различных видов наказания, зачастую не согласующихся между собой по своей тяжести. Кроме того, отсутствует жесткая зависимость санкции от категории преступления, т. е. от важности объекта посягательства и тяжести причиненного ему ущерба. Вместе с тем одна из главных ролей при формировании санкции принадлежит оценке преступления с точки зрения его общественной опасности, т. е. с точки зрения того вреда, какой это деяние причиняет или может причинить обществу. При этом главная трудность состоит в необходимости адекватного отражения в санкции общественной опасности конкретного деяния.

В процессе конструирования санкций приобретают важное значение критерии определения их справедливости. По своей сути принцип справедливости выражается в сформулированном постулате классической школы уголовного права о том, что тяжесть наказания должна быть соразмерна тяжести преступления. Что же касается непосредственно санкций, то в научной литературе указывается, что справедливой может быть признана такая санкция, которая не только соответствует тяжести описанного в законе преступного деяния, но и согласуется также с санкциями, предусмотренными за совершение других преступлений и, кроме того, дает суду возможность индивидуализировать наказание с учетом всех возможных вариантов совершения преступлений в реальной действительности [2, с. 135].

Приемы, которые используются законодателем при построении санкции, зависят, в том числе и от особенностей построения диспозиции. Как отмечает А.И. Коробеев: «Пределы санкции должны быть прямо пропорциональны конкретности и точности признаков состава, описанных в диспозиции» [3, с. 147]. А.П. Козлов указывает на зависимость санкций от окружающей действительности, которая проявляется в социальной обоснованности санкций, т. е. в степени соответствия санкции существующим общественным отношениям [4, с. 11].

В связи с этим возникает вопрос, обоснованы ли санкции, установленные за несанкционированный доступ, адекватно ли они отражают социальную значимость данного явления? При этом следует отметить, что практика назначения наказания за несанкционированный доступ к компьютерной информации является малоизученной, как впрочем и в целом за преступления, предусмотренные гл. 31 УК. В Российской Федерации вопросы установления и применения санкций за аналогичное и смежные преступления также не являлись предметом научных исследований.

Диспозиция ч. 1 ст. 349 УК сформулирована как несанкционированный доступ к информации, хранящейся в компьютерной системе, сети или на машинных носителях, сопровождающийся нарушением системы защиты (не-

санкционированный доступ), повлекший по неосторожности изменение, уничтожение, блокирование информации или вывод из строя компьютерного оборудования либо причинение иного существенного вреда. Санкция ч. 1 ст. 349 УК предусматривает штраф или арест до 6 месяцев. Таким образом, санкция является альтернативной, относительно определенной, а указанное преступление относится к категории преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Размер штрафа в санкции не указан, следовательно, при назначении данного вида наказания суд должен руководствоваться положениями ч. 2 ст. 50 УК и назначать штраф в размере от 30 до 1000 базовых величин. Вместе с тем Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – КоАП), установивший административную ответственность за несанкционированный доступ к компьютерной информации, предусматривает в качестве взыскания за содеянное штраф от 20 до 50 базовых величин (ст. 22.6). В этой связи могут возникнуть ситуации, когда за административное правонарушение, предусмотренное ст. 22.6 КоАП, в случае назначения штрафа в максимальном размере, его размер может быть больше, чем размер штрафа за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 349 УК. Иными словами, несанкционированный доступ как преступление, повлекшее указанные в УК общественно опасные последствия и такое же действие, не повлекшее указанных последствий, оцениваются законодателем почти равнозначно. Лишь альтернативное наказание в виде ареста выступает разграничением в оценке преступления и административного проступка. Однако при наличии альтернативы суду предоставлено право назначать и более мягкое наказание.

Проведенный нами криминологический анализ показал, что более половины лиц, осужденных по ст. 349 УК, не работало. Отсутствие постоянного заработка может воспрепятствовать своевременному исполнению наказания в виде штрафа. Таким образом, в санкции ч. 1 ст. 349 УК необходимо предусмотреть дополнительную альтернативу для выбора вида наказания, с тем чтобы правоприменитель имел возможность применения наказания ко всем категориям лиц, подлежащим уголовной ответственности. Существует мнение, что если уголовно-правовая норма сформулирована так, что имеет различные границы степени общественной опасности в силу неопределенности диспозиции, употребления оценочных понятий или большого разнообразия могущих наступить последствий, то и пределы санкции должны быть более широкими [5, с. 118].

Исходя из изложенного, необходимо уточнить санкцию ч. 1 ст. 349 УК. В частности, представляется необходимым предусмотреть более строгие, чем имеются, наказания, например, ограничение свободы на срок до двух лет. Данное наказание, по нашему мнению, соответствует тяжести преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 349 УК. Полагаем, что санкция ч. 1 ст. 349 УК, предусматривающая в качестве наказания штраф, арест или ограничение свободы позволит судам более дифференцированно подходить к назначению наказания.

Обратимся к анализу санкции ч. 2 ст. 349 УК. В качестве наказания за не санкционированный доступ к компьютерной информации, совершенный из корыстной или иной личной заинтересованности, либо группой лиц по предварительному сговору, либо лицом, имеющим доступ к компьютерной системе или сети предусмотрен штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, арест от 3 до 6 месяцев, ограничение свободы на срок до 2 лет или лишение свободы на тот же срок. Рассматриваемое преступление относится к преступлениям, не представляющим большой общественной опасности. Однако в данном случае существенно изменилось количество наказаний (с двух до пяти) и их тяжесть.

Санкция за преступления с основным составом является базовой для установления санкций за преступления с квалифицированными составами, и, соответственно, наказание за совершение преступления, характеризующегосяотягчающими ответственность обстоятельствами, должно быть строже. В теории уголовного права учеными высказано мнение о том, что высший предел санкции за преступление с основным составом должен быть одновременно низшим пределом санкции за преступление с квалифицированным составом. Вместе с тем, например, размер штрафа законодателем не определен ни в санкции ч. 1, ни в санкции ч. 2 ст. 349 УК. Таким образом, в обоих случаях правоприменителю следует руководствоваться установленными в ст. 50 УК размерами штрафа. Целесообразность такого установления вызывает сомнения. Закон в данном случае позволяет суду назначать менее строгое либо равное наказание за преступление с квалифицированным составом, что и встречается на практике. В частности, например, по приговорам суда Советского района г. Гомеля от 1 марта 2005 г. и от 25 марта 2005 г. в обоих случаях назначен в качестве наказания за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 349 УК, штраф в размере 30 базовых величин [6; 7]. В то же время и за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 349 УК суды назначают точно такое же наказание [8]. Таким образом, суды практически уравнивают ответственность как за преступление с основным составом, так и за преступление с отягчающими обстоятельствами. В этой связи представляется целесообразным исключение штрафа из числа наказаний, установленных в санкции ч. 2 ст. 349 УК.

Применительно к штрафу проблема заключается еще и в том, что в отечественном УК законодателем не предусмотрено определение размера штрафа в санкциях Особенной части УК, так как это предусмотрено, например, УК Российской Федерации. Установление конкретных размеров штрафа в санкциях различных частей одной статьи позволило бы судам дифференцированно подходить к назначению данного вида наказания. Вместе с тем проблема изучения штрафа как вида уголовного наказания, установление его размеров в санкциях статей Особенной части УК требует самостоятельного разрешения.

В целом вызывает сомнение установление в санкции ч. 2 ст. 349 УК столь широкого перечня видов наказаний. Существует мнение, что большое число альтернативных наказаний в санкциях (содержащих 3 и более наказания) мо-

жет способствовать созданию ситуации, когда даже при совершении схожих преступлений и при сравнительно одинаковых характеристиках личности преступника судами будут выноситься существенно отличающиеся друг от друга по своей тяжести наказания. По мнению А.Д. Чернова, подобное построение санкций расширит права судей в плане свободы выбора вида и размера наказания, но зато усложнит осуществление принципа справедливости [9, с. 19]. Как отмечает В. Зубкова, ни степень общественной опасности, ни требования индивидуализации наказания сами по себе не вызывают необходимости построения альтернативных санкций со столь широким набором видов наказания. Альтернативные санкции, по ее мнению, должны содержать такое количество в целом тождественных видов уголовного наказания, которые позволят суду, с одной стороны, однозначно оценить совершенное деяние, а с другой – максимально индивидуализировать назначенное наказание [10, с. 20]. По поводу оптимального количества наказаний в санкциях статей высказывал свое мнение и О.Ю. Бунин, полагаящий, что «максимально удобным и справедливым» является установление в санкциях трех видов наказаний [11, с. 44]. Действительно, эффективность назначенного наказания зависит не от количества видов наказания в рамках одной санкции, а в степени соответствия избранного наказания обстоятельствам конкретного совершенного деяния, и в целом тяжести преступления. Поэтому основная задача заключается в определении и ограничении круга тех видов наказаний, которые будут согласовываться с предусмотренным в ч. 2 ст. 349 УК преступлением. По-нашему мнению, с увеличением тяжести преступления количество альтернативных наказаний должно уменьшаться.

Хотелось бы обратить внимание на следующее. В КоАП предусмотрена ответственность за несанкционированный доступ, неотягощенный последствиями, в связи с этим разница между административным правонарушением и преступлением (причем его квалифицированным видом) минимальна и заключается в якобы повышенной общественной опасности субъекта. Несоблюдение системного подхода, в частности принципа межотраслевой дифференциации юридической ответственности, в зависимости от характера вредности проявляется в невозможности четко разграничивать, в каких случаях следует руководствоваться уголовно-правовыми предписаниями, а когда административно-правовыми. Поэтому фактором, усиливающим общественную опасность несанкционированного доступа, совершенного лицом, имеющим доступ к компьютерной системе или сети, могли бы явиться общественно опасные последствия, указанные в ч. 1 ст. 349 УК [13, с. 502].

На основании изложенного можно сделать вывод, что количество наказаний, предусмотренных в санкции ч. 2 ст. 349 УК, носит избыточный характер. В связи с этим представляется возможным говорить об исключении некоторых наказаний из санкции ч. 2 ст. 349 УК, в частности штрафа и ареста, поскольку они практически дублируются в санкциях чч. 1 и 2 ст. 349 УК. Что касается иных наказаний, предусмотренных в санкции ч. 2 ст. 349 УК, то лишение права занимать определенные должности или заниматься определен-

ной деятельностью целесообразно оставить в качестве наказания, которое может быть назначено специальному субъекту. Ограничение свободы и лишение свободы служат показателями увеличения общественной опасности деяния, предусмотренного в ч. 2 ст. 349 УК, и должны быть оставлены в целях дифференциации ответственности и индивидуализации наказания. Что же касается их сроков, то с учетом высказанных ранее предложений об изменении правовой оценки преступлений, предусмотренных чч. 1–2 ст. 349 УК [13, с. 501–505], представляется возможным говорить о необходимости изменения верхних границ ограничения свободы, например, до 5 лет, а лишения свободы – до 4 лет. Помимо этого целесообразно было бы установить в отношении ограничения свободы нижний предел размера данного наказания.

В санкции ч. 3 ст. 349 УК предусмотрено ограничение свободы на срок до 5 лет или лишение свободы на срок до 7 лет, т. е. преступление, предусмотренное в диспозиции ч. 3 ст. 349 УК, относится к категории тяжких.

Среди недостатков конструирования санкции ч. 3 ст. 349 УК можно отметить следующие. И при ограничении свободы, и при лишении свободы установлен только верхний предел. В связи с существенным увеличением общественной опасности понятна логика законодателя, увеличивающего верхние границы этих наказаний, но в то же время отсутствие нижних границ позволяет судье в обоих случаях (ч. 2 и ч. 3 ст. 349 УК) руководствоваться положениями Общей части УК и назначать наказания в виде ограничения или лишения свободы в пределах минимальных границ (от 6 месяцев) этих видов наказаний. По мнению И. Боковой, такое положение ведет к «ослаблению, размыванию карательной функции уголовного закона» [13, с. 16]. Таким образом, целесообразно было бы сделать указание на размер нижней границы лишения свободы в санкции ч. 3 ст. 349 УК. При этом, учитывая высказанные ранее предложения по оптимизации ст. 349 УК и тяжесть деяния, предусмотренного ч. 3 ст. 349 УК, представляется необходимым исключить из санкции ч. 3 ст. 349 УК наказание в виде ограничения свободы.

Таким образом, анализ санкций ст. 349 УК показал, что законодатель подошел формально, без должного анализа к выбору вида и размера наказаний за совершение несанкционированного доступа к компьютерной информации. Подобную несбалансированность санкций ст. 349 УК можно объяснить слабостью разработанностью проблемы, связанной с установлением наказуемости преступных деяний и выработкой необходимых критериев для формирования санкций уголовного закона в целом.

Представляется, что высказанные предложения по оптимизации санкций ст. 349 УК адекватно отражают сущность и социальную значимость несанкционированного доступа, что позволит судам более дифференцировано подходить к назначению наказания с учетом особенностей личности обвиняемого и тяжести содеянного. Вместе с тем проблема установления санкций требует комплексного подхода в рамках всей Особенной части УК, основанного на общетеоретических научных разработках и анализе практики назначения наказаний.

Список цитированных источников

1. Реутская, Е.А. Уголовно-правовые санкции: построение и применение: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.А. Реутская; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – 26 с.
2. Келина, С.Г. Принципы советского уголовного права / С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1988. – 176 с.
3. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации: моногр. / А.И. Коробеев. – Изд-во Дальневосточного ун-та, 1987. – 268 с.
4. Козлов, А.П. Уголовно-правовые санкции (проблемы построения, классификации и измерения) / А.П. Козлов. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1989. – 176 с.
5. Бражник, С.Д. Преступления в сфере компьютерной информации: проблемы законодательной техники [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / С.Д. Бражник. – Ижевск, 2002. – 189 с. – Режим доступа: <http://diss.rsl.ru/>. – Дата доступа: 22.11.2006.
6. Архив суда Советского района г. Гомеля за 2005 г. – Дело № 0213/05.
7. Архив суда Советского района г. Гомеля за 2005 г. – Дело № 0275/05.
8. Архив суда Ленинского района г. Минска за 2004 г. – Дело № 1-734/04.
9. Чернов, А.Д. Тенденции развития уголовно-правовых санкций на современном этапе / А.Д. Чернов // Юрист. – 1999. – № 1. – С. 15–21.
10. Зубкова, В. Проблемы построения и взаимообусловленности санкций и категорий преступлений в УК РФ / В. Зубкова // Уголовное право. – 2002. – № 4. – С. 18–20.
11. Бунин, О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: моногр. / О.Ю. Бунин. – М.: Велби: Проспект, 2006. – 128 с.
12. Швед, Н.А. Об оптимизации уголовной ответственности за несанкционированный доступ к компьютерной информации / Н.А. Швед // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 27–28 янв. 2011 г.; Моск. гос. юрид. акад.; отв. ред.: А.И. Рарог – М., 2011. – С. 501–505.
13. Бокова, И. Проблема технико-юридического конструирования верхних и нижних пределов наказания в санкциях статей гл. 22 УК РФ / И. Бокова // Уголовное право. – 2003. – № 2. – С. 15–17.

Дата поступления статьи – 04.09.2014.

Одним из обязательных признаков преступления, закрепленных в уголовном законе, является его наказуемость. Актуальность исследования построения и применения уголовно-правовых санкций обусловлена общественной потребностью в определении справедливой меры наказания в качестве важнейшей гарантии соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан. В статье анализируется наказуемость несанкционированного доступа к компьютерной информации и предлагаются меры по оптимизации санкций ст. 349 УК.

Punishability is the one of the obligatory features of crime which is established in criminal law. Social needs in determination of fair measure of punishment as the most important guarantee of observance of rights, freedoms and legitimate interests of citizens stipulate the topicality of the research of construction and application of criminal penalties. Punishability of the unauthorized access to the computer information is analyzed in the article. Measures of optimization of penalties in the article of 349 of Criminal Code are suggested.

ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ «ОТКАТАМ» В РОССИИ

Карабанова Е.Н.

Под «откатом» в настоящей статье понимается передача незаконного вознаграждения поставщиком (или его представителем) товаров (работ, услуг) заказчику (или его представителю) за предоставление преимуществ при заключении государственного или муниципального контракта на поставку товаров, предоставление работ и услуг для государственных или муниципальных нужд.

О высокой актуальности рассматриваемой проблемы и потребности общества в разработке основ противодействия данному негативному социальному явлению свидетельствует то, что необходимость разработки криминологической характеристики «откатов» отражена в Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг., утвержденном Указом Президента Российской Федерации от 11.04.2014 № 226.

На основе этой криминологической характеристики должна быть разработана система мер по предупреждению и пресечению «откатов». К числу таких мер относятся и уголовно-правовые меры противодействия преступности. В этой связи полагаем возможным обозначить некоторые недостатки УК РФ, устранение которых будет способствовать повышению эффективности борьбы с «откатами».

Так, длительное время в науке уголовного права и правоприменительной практике дискуссионным являлся вопрос: получение должностным лицом доли от суммы договора – это взятка или хищение? [1] В настоящий момент Пленум Верховного Суда Российской Федерации высказал свою позицию, в соответствии с которой если должностное лицо, выполняющее в государственном или муниципальном органе либо учреждении организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, заключило от имени соответствующего органа (учреждения) договор, на основании которого перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, получив за это незаконное вознаграждение, то содеянное им следует квалифицировать по совокупности преступлений как растрату вверенного ему имущества (ст. 160 УК РФ) и как получение взятки (ст. 290 УК РФ) [2]. Такое разъяснение сыграло позитивную роль, позволило унифицировать правоприменительную практику. Вместе с тем ряд вопросов требует уточнения, что обусловлено разнородностью рассматриваемого явления, невозможностью

уложить «откаты» в единую схему и предусмотреть единые правила квалификации для всех случаев.

Известно, что предметом взятки является собственное имущество взяткодателя [3], а в указанном случае, переданные должностному лицу в виде «отката» денежные средства чаще всего представляют собой бюджетные средства, перечисленные поставщику товаров или услуг. Для квалификации действий как получения взятки необходимо, чтобы незаконное вознаграждение за заключение такой сделки, выплачивалось из собственных средств исполнителя государственного (муниципального) заказа. Подобная ситуация может иметь место лишь в двух случаях: 1) «откат» совершается до оплаты стоимости государственного (муниципального) заказа, т. е. имеет место реальная совокупность преступлений получения взятки (первое по времени преступление) и хищения бюджетных средств; 2) размер «отката» превышает разницу между перечисленными по договору бюджетными средствами и рыночной стоимостью указанных в договоре товаров, работ или услуг.

В противном случае, когда в качестве вознаграждения выступают бюджетные средства, незаконно полученные исполнителем заказа, содеянное сторонами сделки не имеет признаков составов получения или дачи взятки. Такое деяние следует расценивать как хищение бюджетных средств, совершенное в соучастии, и квалифицировать действия должностного лица по статьям, предусматривающим ответственность за хищение, совершенное лицом с использованием своего служебного положения, а действия исполнителя заказа как пособничество данному хищению (ч. 4 ст. 34 УК РФ). Идеальная совокупность здесь маловероятна, так как, являясь исполнителем хищения указанных денежных средств, «откатополучатель» не может одновременно быть их взяткополучателем. Кроме того, получение взятки должно сопровождаться дачей взятки, однако в рассматриваемом примере в действиях исполнителя государственного (муниципального) заказа отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ.

Как видно из приведенного анализа, действующее российское уголовное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации не дают пока однозначного ответа на вопрос, как следует квалифицировать все виды «откатов», сопровождающихся хищением бюджетных средств, но первые, уже сделанные в этом направлении, шаги крайне важны.

Вторая проблема заключается в том, что процесс передачи и получения «откатов» в большинстве случаев характеризуется сложной системой взаимоотношений между «откатополучателем» и исполнителем государственного (муниципального) заказа. Как правило, заключению контракта и непосредственной передаче имущества в виде «отката» предшествует предварительная договоренность между «откатополучателем» и предполагаемым исполнителем государственного (муниципального) заказа. Таким образом, имеет место обещание или предложение взятки со стороны исполнителя заказа, а также принятие такого предложения или испрашивание взятки со стороны «откатополучателя.»

Согласно ст.ст. 15, 21 Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., а также в соответствии со ст.ст. 2, 3, 7, 8 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Россия взяла на себя обязательство признать в качестве преступлений предложение или обещание неправомерного преимущества с тем, чтобы публичное должностное лицо совершило определенные действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих полномочий, а также принятие таких предложения или обещания и испрашивание незаконного вознаграждения.

В п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» дается разъяснение, что обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение рассматривается в качестве приготовления к совершению дачи взятки, если обещанное не удастся реализовать по независящим от лица обстоятельствам и квалифицируется как приготовление к даче взятки (ч. 1 ст. 30 и соответственно ч. 3-5 ст. 291 УК РФ) или к получению взятки (ч. 1 ст. 30 и соответственно ч. 2-6 ст. 290 УК РФ).

В соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ наказуемо приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям, поэтому за приготовление к преступлениям, предусмотренным ч. 1 ст. 290, ч. 1 и ч. 2 ст. 291 УК РФ, не относящимся к категории тяжких и особо тяжких, лицо не подлежит уголовной ответственности. Таким образом, можно заключить, что не все положения международных конвенций нашли пока отражение в действующем российском уголовном законодательстве.

В целях усовершенствования уголовно-правовых мер по противодействию преступлениям, связанным с «откатами», полагаем возможным внести в УК РФ следующие изменения и дополнения. Необходимо криминализовать обещание и предложение передать взятку (ст. 291 УК РФ), а также обещание или предложение принять взятку (ст. 290 УК РФ). Составы этих преступлений целесообразно закрепить в самостоятельных частях названных статей, как это сделано в ст. 291.1 УК РФ.

К установлению санкций следует подойти взвешенно, так как обещание или предложение передать или принять взятку представляют меньшую общественную опасность, чем передача такого вознаграждения или покушение на его передачу, получение взятки или покушение на ее получение. Санкции новых норм должны быть мягче, чем санкции за оконченные передачу и получение взятки и покушения на них.

Для соблюдения принципа системности уголовного законодательства аналогичные изменения следует внести в ст. 204 УК РФ, направленные на криминализацию обещания или предложения передать либо принять незаконное вознаграждение при коммерческом подкупе.

Кроме того, требуется официальная регламентация таких понятий, как обещание и предложение передать и принять незаконное вознаграждение. При разграничении понятий обещания и предложения передать незаконное

вознаграждение следует исходить из того, кто являлся инициатором такого вознаграждения. Так, обещание незаконного вознаграждения представляет собой совершение лицом в ответ на чье-либо обращение действий (бездействия), свидетельствующих о его готовности передать незаконное вознаграждение. Предложение незаконного вознаграждения – это совершение лицом по собственной инициативе действий, свидетельствующих о его готовности передать незаконное вознаграждение.

Сходным образом, в зависимости от инициатора незаконного вознаграждения, следует разграничить понятия предложения и обещания принять незаконное вознаграждение.

Третья проблема заключается в следующем. В преступную схему «откатов» может входить совершение мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (ст. 1594 УК РФ). В случае, если имеет место неисполнение договорных обязательств по государственному (муниципальному) контракту, предметом таких преступлений выступают бюджетные средства. Оценивая степень общественной опасности подобных деяний, отметим, что государство и муниципалитеты, являются крупнейшими собственниками, финансируют за счет бюджетных средств многомиллиардные социальные, экономические, оборонные и иные программы. Хищение бюджетных средств посредством преднамеренного неисполнения договорных обязательств, предусмотренных государственным (муниципальным контрактом) – это не только экономическое по своему содержанию преступление. За каждым договорным обязательством стоит определенная функция государства и местного самоуправления в самых различных сферах жизнедеятельности общества.

Вместе с тем состав преступления, предусмотренного ст. 1594 УК РФ, является привилегированным по отношению к составу «простого» мошенничества (ст. 159 УК РФ). Такая позиция российского законодателя представляет весьма спорной и вызывает справедливую критику ученых [4].

Наконец, отметим пробелы в современном уголовном законодательстве, которые не позволяют эффективно противодействовать таким формам «откатов», когда «откатополучателем» выступает не само должностное лицо, заключающее государственный (муниципальный) контракт, а иное лицо, оказывающее влияние на соответствующее должностное лицо с целью побудить его заключить этот контракт. Нет проблем с квалификацией содеянного в тех случаях, когда «откатополучатель» является должностным лицом и использует авторитет или иные возможности занимаемой должности для оказания влияния на лицо, заключающее контракт, его действия квалифицируются как взятка (п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Совсем иную природу имеет склонение должностного лица к заключению контракта посредством личных, не связанных с должностным положением отношений. Такие действия не являются уголовно-наказуемыми, если не обладают признаками подстрекательства к совершению преступления.

Вместе с тем в ст. 12 Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию содержится требование о криминализации подобных деяний, получивших название «злоупотребление влиянием».

Гл. 30 УК РФ целесообразно дополнить статьей, предусматривающей ответственность за злоупотребление влиянием, т. е. за действия, направленные на предоставление любого неправомерного преимущества лицу, которое может оказать неправомерное влияние на должностных лиц, а также за действия, направленные на получение неправомерного преимущества лицом, способным оказать такое влияние (при этом лицо, которое получает неправомерное преимущество за злоупотребление своим влиянием, не обязательно является должностным, оно может быть способно оказать неправомерное влияние на других должностных лиц).

В заключение отметим, что на сегодняшний день коррупция является угрозой безопасности подавляющего большинства государств, чему в немалой степени способствуют темпы глобализации. Это явление тесно связано с другими социальными институтами: правовыми, политическими, экономическими и морально-этическими. Противодействие коррупции является одним из основных приоритетов правоохранительной деятельности. Вектором развития национального законодательства должно стать надлежащее выполнение государством принятых на себя международных обязательств по борьбе с коррупцией.

Нормы международных договоров в этой сфере и соответствующие нормы национального права должны быть гармонизированы путем внесения надлежащих изменений в действующее отечественное законодательство. Но даже сейчас можно констатировать, что в целом предусмотренных уголовным законом средств достаточно для противодействия «откатам». Желаемого результата позволило бы достичь правильное применение действующих уголовно-правовых норм и неукоснительное соблюдение принципа неотвратимости уголовной ответственности.

Список цитированных источников

1. Яни, П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2013. – № 12. – С. 31 – 36.
2. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – М., 2014.
3. Складов, С.В. Уголовная ответственность за хищение, совершенное лицом с использованием своего служебного положения / С.В. Складов, Н.Д. Складова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 25 – 28.
4. Кленова, Т.В. О разграничении смежных и конкурирующих составов преступлений (на примере мошенничества) / Т.В. Кленова // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 1 – С. 25 – 30.

Дата поступления статьи – 15.09.2014.

В статье рассматриваются вопросы эффективности противодействия хищению бюджетных средств и коррупции при заключении государственных (муниципальных) контрактов в России. На основе анализа правоприменительной практики и уголовного законодательства выявлены проблемы законодательной регламентации указанных вопросов, сформулированы предложения по их разрешению, направленные на повышение эффективности уголовно-правовой охраны бюджетных средств.

The article examines the effectiveness of combating the theft of budget funds and corruption at the conclusion of the state (municipal) contracts in Russia. On the basis of assessment of practices and criminal law we identified the problems in legislative regulation of these issues, the proposals for their resolution, aimed at improving the efficiency of the criminal-law protection of the budget.

МЕСТО НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ (РОЗЫСКНЫХ) ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ УКРАИНЫ

Козьяков И.Н.

С изменением уголовного процессуального законодательства появились новые перспективы повышения эффективности досудебного расследования, сбора доказательств и доказывания в уголовном производстве. Одной из них является введение института негласных следственных (розыскных) действий.

Для того чтобы определить место негласных следственных (розыскных) действий в современном уголовном процессе, необходимо исследовать сущность, значение и особенности их процессуального статуса в соответствии с Уголовным процессуальным кодексом Украины (УПК Украины). Поставленные задачи обуславливают проведение доктринального анализа этой разновидности следственных (розыскных) действий и освещение точек зрения ученых-процессуалистов, касающихся их роли в системе досудебного расследования.

Анализ юридической литературы свидетельствует о том, что теоретические и практические аспекты указанного института уголовного процесса были предметом исследования таких ученых, как Б.И. Бараненко, С.А. Гриненко, А.М. Дроздов, В.А. Колесник, В.А. Криволапчук, С.С. Кудинов, А.В. Мовчан, Д.И. Никифорчук, Е.Д. Скулыш, Л.Д. Удалова, Р.Н. Шехавцов, Н.А. Шилин, А.А. Юхно и др.

М.И. Костин, изучая предпосылки и генезис формирования института негласных следственных (розыскных) действий, цель внедрения в отечественную практику уголовного судопроизводства этого института видит в обеспечении баланса личных и публичных интересов, повышении эффективности расследования и реального обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса, потребностей общества. Указанные нововведения, отмечает ученый, обусловлены избранием Украиной на пути законотворческих преобразований такого критериального ориентира, как практика Евро-

пейского суда по правам человека. На основании анализа практики этого суда автор делает вывод, что право государства на тайное вмешательство в права граждан признается Европейским судом по правам человека допустимым при наличии двух существенных условий:

1) если оно осуществлено исключительно с целью, определенной в ч. 2 ст. 8 Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 г. (ратифицирована Законом Украины от 17 июля 1997 г. № 475/97-ВР), а именно: органы государственной власти не могут вмешиваться в осуществление права на уважение частной и семейной жизни. Исключение составляют случаи, когда вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Следует отметить, что общим принципом в установлении баланса между конкурирующими интересами является соблюдение пропорциональности при введении ограничений. Этот принцип был сформулирован Европейским судом по правам человека по делу «Сильвер и другие против Соединенного Королевства» в 1983 году. Выражение «быть необходимым в демократическом обществе» означает: чтобы быть совместимым с Конвенцией, вмешательство должно среди прочего отвечать «настоятельной социальной необходимости» и быть «пропорциональным преследуемой цели»; и далее – «закон, предоставляющий полномочия на ограничение, должен предусматривать их объемы» [1, с. 98];

2) если это вмешательство было осуществлено способом, определенным Законом. То есть, поясняет автор, способом, определенным не ведомственным нормативным правовым актом тайного характера, а доступным для восприятия обществом, гласным нормативным актом, имеющим высшую юридическую силу и способным гарантировать наибольшую защиту прав человека [2, с. 250–251].

В.Я. Таций, дополняя условия, при которых вмешательство в частное общение не будет нарушать конституционное право, отмечает, что такое вмешательство должно быть направлено на достижение четко определенной законом цели [3, с. 42].

Л.Н. Лобойко, исследуя реформирование уголовного процессуального законодательства в части регламентации доказательств и доказывания, отмечает, что рабочая группа, которая готовила проект УПК Украины, исходила из того, что любая деятельность государственных органов, функциональной задачей которых является борьба с преступностью (органов уголовного преследования), не должна «прятаться» за инструкциями с грифом «совершенно секретно», когда речь идет о признаках конкретного преступления. Ученый указывает, что со времени выявления этих признаков деятельность должна быть процессуальной, т. е. осуществляться на основании УПК Украины. По его мнению, абсурдность отрицания процессуального статуса оперативно-

розыскной деятельности очевидна, ибо в противном случае теряется один из базовых принципов правового государства [4, с. 152–153].

В ст. 1 Конституции Украины провозглашено, что Украина является правовым государством, а в ст. 8 одним из важнейших факторов правовой государственности определен принцип верховенства права. Этот принцип закреплен как в ряде международных нормативно-правовых актов (преамбула Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, преамбула ст. 3 Устава Совета Европы, Американская конвенция о правах человека), так и на национальном уровне (в частности, ст. 8 Кодекса административного судопроизводства Украины; преамбула, ст. 2, ч. 1 ст. 6 Закона Украины от 7 июля 2010 г. № 2453-VI «О судоустройстве и статусе судей»; ст. 5 Закона Украины от 2 июня 2011 г. № 3460-VI «О бесплатной правовой помощи»).

Понимание сущности верховенства права отражено в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда Украины от 1 ноября 1996 г. № 9 «О применении Конституции Украины при осуществлении правосудия»: «Согласно ст. 8 Конституции в Украине признается и действует принцип верховенства права. Конституционные права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют цели и содержание законов и других нормативных правовых актов, содержание и направленность деятельности органов законодательной и исполнительной власти, органов местного самоуправления и обеспечиваются защитой правосудия». Исходя из указанного принципа и гарантирования Основным Законом Украины судебной защиты конституционных прав и свобод, судебная деятельность должна быть направлена на защиту этих прав и свобод от любых посягательств путем обеспечения своевременного и качественного рассмотрения конкретных дел. При этом следует иметь в виду, что согласно ст. 22 Конституции Украины закрепленные в ней права и свободы человека и гражданина не являются исчерпывающими [5].

Верховенство права означает, что суд не должен применять положения правового акта, в том числе закона, если его применение противоречит конституционным принципам права, или нарушать права и свободы человека и гражданина. Суд не должен также допускать толкование закона, что несправедливо ограничивает эти права и свободы.

Стоит отметить, что верховенство права является одним из общих принципов уголовного производства (п. 1 ч. 1 ст. 7 УПК Украины). В связи с этим в ч. 1 ст. 8 УПК Украины определено, что уголовное производство осуществляется с соблюдением принципа верховенства права, согласно которому человек, его права и свободы признаются наивысшими ценностями и определяют содержание и направленность деятельности государства.

Согласно ч. 2 ст. 8 УПК Украины принцип верховенства права в уголовном производстве применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека. Международные договоры, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, наряду с Конституцией Украины, УПК

Украины, другими законами относятся к источникам уголовного процессуального законодательства (ч. 2 ст. 1 УПК Украины).

Одним из международных договоров – источников уголовного процессуального права Украины, является указанная выше Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В ст. 17 Закона Украины от 23 февраля 2006 г. № 3477-IV «О выполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» закреплена обязанность судов применять при рассмотрении дел Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и практику Европейского суда по правам человека как источник права.

В этом аспекте целесообразно обратить внимание на то, что принцип верховенства права раскрыт также в решении Европейского суда по правам человека от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс и другие против Германии»: вмешательство органов исполнительной власти в права отдельных лиц должно быть под эффективным контролем, который обычно должен обеспечиваться судебной системой, во всяком случае как последней инстанцией; судебный контроль предоставляет наилучшие гарантии независимости, беспристрастности и надлежащей процедуры.

Необходимо также отметить, что разрешение на проведение абсолютного большинства негласных следственных (розыскных) действий, предусмотренных в УПК Украины, дает следственный судья, который согласно этому Кодексу уполномочен осуществлять судебный контроль за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве (п. 18, ч. 1 ст. 3). Принципиальная новелла состоит в том, что следственным судьей является не избранный в соответствии с абз. 1 п. 18 Переходных положений УПК Украины судья местного общего суда, а председатель или по его определению другой судья Апелляционного суда Автономной Республики Крым, апелляционного суда области, городов Киева и Севастополя, в пределах территориальной юрисдикции которого находится орган досудебного расследования (ч. 1 ст. 247 УПК Украины). (В настоящее время Республика Крым и г. Севастополь являются субъектами Российской Федерации (прим. *редколлегии*).)

Согласно письму Высшего специализированного суда Украины по рассмотрению гражданских и уголовных дел от 29 января 2013 г. № 223-158/0/4 «Об отдельных вопросах осуществления следственным судьей суда апелляционной инстанции судебного контроля за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве», решая вопрос о предоставлении разрешения на проведение негласных следственных (розыскных) действий, в каждом случае рассмотрения соответствующих ходатайств следственные судьи обязаны, в частности:

- осуществлять полномочия по судебному контролю за соблюдением прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве во время досудебного расследования добросовестно и принципиально, действовать в рамках и в соответствии с требованиями закона;

- проверять наличие объективной необходимости и оправданности такого вмешательства в права и свободы личности, выяснять возможность достиже-

ния цели, на которую ссылается автор ходатайства, без проведения указанных действий;

– учитывать, что негласные следственные (розыскные) действия проводятся только в тех случаях, когда сведения о преступлении и лице, его совершившем, невозможно получить другим способом (это должно быть подтверждено материалами уголовного производства и должным образом обосновано в соответствующем ходатайстве согласно п. 7 ч. 2 ст. 248 УПК Украины), а также то, что негласные следственные (розыскные) действия, предусмотренные ст.ст. 260–264 (в части действий, проводимых на основании постановления следственного судьи), 267, 269–272, 274 УПК Украины, проводятся исключительно в уголовном производстве по тяжким или особо тяжким преступлениям. Обязанность доказать невозможность получения таких сведений другим образом, а не в результате негласных следственных (розыскных) действий, возлагается на лицо, заявляющее ходатайство об их проведении.

Е.Д. Скулыш считает, что подробная правовая регламентация каждого из определенных законом негласных следственных (розыскных) действий, установление процессуального руководства прокурором досудебным расследованием, обеспечение полноценного судебного контроля за организацией интрузивных действий, процессуальные гарантии ознакомления заинтересованных сторон с результатами их осуществления являются безоговорочными аргументами в пользу того, что негласные следственные (розыскные) действия не могут быть инструментом обоснованного уголовного преследования. Ведь установленные в процессуальном законе принципы организации и осуществления, отмечает автор, реально обеспечивают исключительность их проведения и возможность контроля со стороны как государства, так и объекта преследования. Полученная информация может приобрести статус доказательства только по решению суда при рассмотрении материалов уголовного производства, при условии соблюдения установленного законом порядка его осуществления, проверки и оценки прокурором [6, с. 16, 22–23].

Как в теории уголовного процесса, так и на практике выделяется ряд особенностей негласных следственных (розыскных) действий, указывающих на отличие от других определенных в УПК Украины следственных (розыскных) действий. К ним, в частности, относятся:

– факт и методы проведения негласных следственных (розыскных) действий не подлежат разглашению, поэтому при их подготовке, проведении и использовании результатов должен обеспечиваться определенный режим секретности;

– проводятся как исключение в случаях, когда сведения о преступлении или лице, его совершившем, невозможно получить другим способом;

– все негласные следственные (розыскные) действия, кроме установления местонахождения радиоэлектронного средства (ст. 268 УПК Украины) и получения сведений из электронных информационных систем или их части, доступ к которым не ограничивается ее собственником, владельцем или держателем или не связан с преодолением системы логической защиты (ч. 2 ст. 264

УПК Украины), проводятся исключительно по уголовным производствам относительно тяжких и особо тяжких преступлений;

- в отличие от следственных (розыскных) действий прокурор не наделен правом их проводить;

- такое негласное следственное (розыскное) действие, как снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей (ст. 263 УПК Украины), не имеют права проводить ни прокурор, ни следователь, ни оперативные подразделения по их поручению, а только специально уполномоченные подразделения Министерства внутренних дел Украины и Службы безопасности Украины;

- протоколы проведения негласных следственных (розыскных) действий и приложения к ним не подлежат копированию;

- материалы проведенных негласных следственных (розыскных) действий в орган досудебного расследования направляются исключительно через прокурора;

- следственным судьей, которому предоставлено право рассмотрения и предоставления разрешения на проведение негласных следственных (розыскных) действий, является председатель апелляционного суда или другой определенный им судья того суда, в пределах территориальной юрисдикции которого находится орган досудебного расследования, осуществляющий уголовное производство;

- прокурор вправе запретить проведение или прекратить дальнейшее проведение негласных следственных (розыскных) действий;

- негласность проведения этой разновидности следственных (розыскных) действий заключается в том, что они осуществляются скрыто не только от лиц, преступная деятельность которых документируется, но и от других субъектов, которые не принимают непосредственного участия в их проведении;

- негласные следственные (розыскные) действия проводятся не только в отношении подозреваемого, но и в отношении любого другого лица при наличии согласно ст. 246 УПК Украины достаточных оснований полагать, что соответствующее процессуальное действие является необходимым для получения (сбора) доказательств или проверки уже полученных доказательств в конкретном уголовном производстве, а информацию о преступлении и лице, его совершившем, невозможно получить другим способом, кроме вмешательства в частное общение защитника, священнослужителя с подозреваемым, обвиняемым, осужденным, оправданным (ч. 5 ст. 258 УПК Украины) [7, с. 3–4; 8, с. 53].

Дополняя и в известной степени конкретизируя указанный выше перечень особенностей негласных следственных (розыскных) действий, нужно заметить следующее.

Согласно ч. 1 ст. 223, ч. 1 ст. 256 УПК Украины негласные следственные (розыскные) действия как разновидность следственных действий в целом также направлены на формирование и проверку доказательств стороны. В свою очередь, полученные в результате их проведения вещественные доказательства и документы в соответствии с ч. 2 ст. 84 УПК Украины следует рас-

сма́тривать как процессуальные источники доказательств стороны. Одновременно они могут иметь и розыскной характер, например, в случае установления местонахождения лица, которое скрывается от органов досудебного расследования, следственного судьи или суда и объявлено в розыск.

Кроме того, на всех стадиях подготовки, получения соответствующего разрешения следственного судьи, проведения негласных следственных (розыскных) действий и использования их результатов необходимо учитывать, что первично сведения о факте или методах проведения негласного следственного (розыскного) действия, а также сведения, позволяющие идентифицировать лицо, место или вещь, по которой проводится или планируется проведение негласного следственного (розыскного) действия, разглашение которых создает угрозу национальным интересам и безопасности, относятся к сведениям, составляющим государственную тайну, и имеют степень секретности «секретно» (ст.ст. 4.12.4, 4.12.5 Свода сведений, составляющих государственную тайну, утвержденного приказом Службы безопасности Украины от 12 августа 2005 г. № 440). Оборот и хранение указанных сведений должны происходить на основании требований закона о режиме секретности. В дальнейшем указанные сведения могут быть рассекречены в установленном порядке [9, с. 490–491].

Таким образом, негласные следственные (розыскные) действия занимают особое место в уголовном процессе, что обусловлено их процессуальным статусом и спецификой, которая заключается в тайном и исключительном характере проведения этой разновидности следственных (розыскных) действий.

Список цитированных источников

1. Килкэли, У. Европейская конвенция о защите прав и основных свобод. Статья 8 Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции: прецеденты и комментарии: [учеб.-метод. пособие] / У. Килкэли, Е.А. Чефранова. – М.: Российская Академия Правосудия, 2001. – 160 с.

2. Костін М.І. Природа негласних слідчих (розшукових) дій у системі «логічного доказування» / М.І. Костін // Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. – 2013. – № 2 (6). – С. 250–256.

3. Кримінальний процесуальний кодекс України: наук.-практ. коментар. Т. 1 / [О.М. Бандурка, Є.М. Блажівський, Є.П. Бурдоль та ін.]; за заг. ред. В.Я. Тація та ін. – Х.: Право, 2012. – 768 с.

4. Лобойко, Л.М. Реформування кримінального-процесуального законодавства в Україні (2006–2011 роки). Частина 1. Загальні положення і досудове провадження: монографія / Л.М. Лобойко – К.: Істина, 2012. – 288 с.

5. Про застосування Конституції України при здійсненні правосуддя: постанова Пленуму Верховного Суду України від 1 листопада 1996 року № 9 [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/v0009700-96>.

6. Скулиш, Є. Негласні слідчі (розшукові) дії за кримінально-процесуальним законодавством України / Є. Скулиш // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2012. – № 2. – С. 15–23.

7. Методичні рекомендації щодо організації проведення негласних слідчих (розшукових) дій у провадженнях про кримінальні правопорушення, вчинені організованими зло-

чинними угрупованнями, та використання їх результатів у кримінальному судочинстві / [Шморгун О.С., Шеремет Ю.В., Ковтун Ю.С., Удовиченко М.Ф., Геселев О.В.]. – К.: Генеральна прокуратура України; Національна академія прокуратури України, 2013. – 55 с.

8. Бабіков, О. Негласні слідчі дії: проблеми правового регулювання / О. Бабіков // Вісник Національної академії прокуратури України. – 2013. – № 3 (31). – С. 52–62.

9. Науково-практичний коментар до Кримінального процесуального кодексу України від 13 квітня 2012 року / за ред. О.А. Банчука, Р.О. Куйбіди, М.І. Хавронюка. – Х.: Фактор, 2013. – 1072 с.

Дата поступления статьи – 09.09.2014.

Научная статья посвящена определению места негласных следственных (розыскных) действий в уголовном процессе Украины на основании исследования сущности, значения и особенностей их процессуального статуса в соответствии с Уголовным процессуальным кодексом Украины (УПК Украины).

Выделен ряд особенностей негласных следственных (розыскных) действий, отличающих их от других определенных в УПК Украины следственных (розыскных) действий. К таковым, в частности, относятся: факт и методы проведения негласных следственных (розыскных) действий не подлежат разглашению; проводятся как исключение в случаях, когда сведения о преступлении или лице, его совершившем, невозможно получить другим способом; все негласные следственные (розыскные) действия, кроме установления местонахождения радиоэлектронного средства и получения сведений из электронных информационных систем или их части, доступ к которым не ограничивается ее собственником, владельцем или держателем или не связан с преодолением системы логической защиты, проводятся исключительно по уголовным производствам относительно тяжких и особо тяжких преступлений.

Установлено, что негласные следственные (розыскные) действия занимают особое место в уголовном процессе, что обусловлено их процессуальным статусом и спецификой, которая заключается в тайном и исключительном характере проведения этих действий.

The scientific article aims to determine place of covered investigative (detective) actions (ci(d)a) in the Criminal process of Ukraine on the basis of analysis of its concept, definitions and particularities of its procedural status in compliance with Criminal Procedure Code of Ukraine (the CPC of Ukraine).

There were identified number of ci(d)a particularities distinguishing them from definitions of covered investigative (detective) actions as provided in the CPC of Ukraine. Such inter alia include: fact and methods of ci(d)a conduct are not to be disclosed; their conduct is a subject to exceptional matter if information about a crime or person who has committed it cannot be obtained otherwise; any ci(d)a besides establishment of location of radio-electronic device and full or partial data collection from electronic information systems access to which was not restricted by their owner, possessor or holder or is not related to crossing system of logical protection are carried out only in respect of criminal proceedings under grave and especially grave crimes.

It was determined that ci(d)a have a special place in the criminal process due to their procedural status and specification lying in secret and exceptional matter of such actions conduct.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ЛИЦА К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сенько А.С.

Анализ сложившихся в последние годы в правоприменительной практике и законодательстве тенденций в сфере освобождения органами уголовного преследования и судом лиц от уголовной ответственности с привлечением их к административной ответственности указывает на наличие проблематики обеспечения должного процессуального механизма реализации обозначенного уголовно-правового института [1, с. 30–35]. Изложенное определяет цель проводимого в статье исследования, которой является моделирование оптимального процессуального порядка по применению правовых предписаний ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее по тексту – УК).

Прежде всего следует подчеркнуть, что сама по себе задача по выстраиванию системной регламентации применения института освобождения лиц от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности для правоприменителя и законодателя не нова. В Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения она уже была достаточно серьезно обозначена [2].

Для достижения данной задачи было сделано немало. О чем, в первую очередь, красноречиво свидетельствуют количественные и качественные показатели отечественной правоохранительной системы. В частности, в 2013 г. на досудебных стадиях уголовного процесса освобождено от уголовной ответственности в связи с применением мер административного взыскания 2527 лиц, в 2012 г. – 1770 лиц.

Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в целях обеспечения правильного и единообразного применения судами указанных норм законодательства принято постановление от 29 марта 2012 г. № 1 «О практике применения судами ст.ст. 86, 88, 89 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» [3].

Судами, органами уголовного преследования постоянно изучается и анализируется практика применения законодательства, регулирующего возможность освобождения лиц от уголовной ответственности, в том числе в целях своевременного устранения ошибок, не допущения как необоснованного освобождения лиц от уголовной ответственности, так и осуждения их при наличии оснований к освобождению от уголовной ответственности и прекращению производства по делу в связи с применением мер административного взыскания [1, с. 30–35].

Однако, как представляется, об окончательном и успешном разрешении задачи по процессуальной регламентации применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы говорить еще не приходится. Причем сказанное отно-

сится, в той или иной степени, как к досудебным, так и судебным стадиям уголовного процесса.

Отметим, что сложившаяся сегодня процессуальная модель применения освобождения лиц от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности в целом является универсальной для всей уголовно-процессуальной деятельности. Вместе с тем имеется и определенная специфика в зависимости от стадий уголовного процесса, в рамках которых выносится решение об освобождении лица от уголовной ответственности.

На стадии предварительного расследования уголовного дела (по окончании данной стадии, но до направления уголовного дела в суд) обозначенное решение принимает либо прокурор, либо следователь, с согласия прокурора. В обоих случаях выносится мотивированное постановление о прекращении уголовного дела (уголовного преследования). Затем постановление, как правило, с материалами уголовного дела, направляется в суд для применения мер административного взыскания к лицам, освобожденным от уголовной ответственности. В свою очередь суд рассматривает поступившее постановление в судебном заседании, руководствуясь уголовно-процессуальным законодательством.

На судебных стадиях решение об освобождении лица от уголовной ответственности принимает непосредственно суд. Он же определяет в отношении его меру административного взыскания.

Одной из центральных проблем представленной правовой схемы является вопрос об органе (должностном лице), правомочном определять в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности, меры административного взыскания.

Еще в недавнем прошлом этот вопрос в законодательстве решался однозначно, достаточно взвешенно и продуманно. В соответствии с первоначальной редакцией ст. 86 УК и ст. 30 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее по тексту – УПК) решение об освобождении лица от уголовной ответственности с привлечением его к административной ответственности, а также определение в связи с этим в отношении его конкретных мер административного взыскания относилось к компетенции суда.

Такое положение дел изменилось в процессе популяризации и развития в уголовно-процессуальной деятельности института освобождения лиц от уголовной ответственности с привлечением их к административной ответственности. В ст. 86 УК и ст. 30 УПК были внесены соответствующие изменения и дополнения, расширяющие перечень субъектов применения анализируемого института, который был дополнен первоначально прокурором, а затем и следователем [4].

Причем уголовно-процессуальные нормы и в целом действующее законодательство в настоящее время не дифференцируют субъектный состав применения первоначального решения об освобождении от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности и последующего связанного с ним решения об определении конкретных мер административного взыскания к данному лицу.

Логично было бы предположить, что, по замыслу законодателя, в компетенцию суда, прокурора, следователя, с согласия прокурора, входит принятие обоих блоков решений, являющихся двумя сторонами единого правового явления, как это имеет место с освобождением от уголовной ответственности в силу утраты деянием общественной опасности (ст. 87 УК), освобождением от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК), освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК) и т. п.

Вместе с тем развитие правоприменительной практики идет совершенно по иному пути, придерживаясь традиционного подхода, заложенного еще первоначальной редакцией ст. 86 УК. На судебных стадиях уголовного процесса такой избранный практическими работниками путь не вызывает возражений, так как согласуется со всеми канонами процессуального права. На досудебных стадиях уголовного процесса подобное развитие событий значительно опережает действующее законодательство, ибо уголовно-процессуальный закон не относит к юрисдикции суда подобные вопросы (ст. 33 УПК). Анализ иных процессуальных норм приводит к такому же выводу [5; 6].

Следовательно, правоприменитель интенсивно использует в данном случае институты аналогии закона и аналогии права, что является некорректным. Нет нужды напоминать, что применение аналогии закона и аналогии права не приветствуется в случаях привлечения лиц к ответственности, ограничения прав и установления обязанностей субъектов правоотношений.

Зафиксировать в действующем законодательстве, к примеру в УПК, полномочие суда по определению мер административного взыскания лицам, в отношении которых на досудебных стадиях уголовного процесса прокурором (следователем, с согласия прокурора) принято решение об освобождении от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности не представляет на самом деле большого технического труда.

Однако прежде чем внести соответствующие дополнения в процедурную регламентацию, необходимо обратиться к другой принципиальной дилемме, касающейся возможности предоставления самому прокурору (следователю, с согласия прокурора) полномочия по привлечению лиц к административной ответственности.

С одной стороны, в этом вопросе следует исходить из того, что сущностно-правовая природа применения на досудебных стадиях уголовного процесса института освобождения лиц от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности предполагает единство юридического подхода к оценке материальной, процессуальной и фактической правовой действительности, который может быть с достаточной степенью обеспечен только посредством принятия всего комплекса решений одним субъектом уголовно-процессуальной деятельности, т. е. прокурором либо следователем, с согласия прокурора.

В разработанном в первой половине 2012 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь совместно с иными заинтересованными органами зако-

нопроекте «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» был сделан первый шаг в этом направлении. Предполагалось предоставление прокурору полномочия по применению в отношении освобожденных от уголовной ответственности лиц меры административного взыскания в виде штрафа. Применение же остальных мер административного взыскания априори оставлялось за судом.

С другой же стороны деятельности органов уголовного преследования и прокурорско-надзорных органов изначально не присущи элементы административного преследования, в том числе по применению мер административного взыскания. Кроме того, именно возложение на суд обязанности окончательного принятия решения о привлечении лица к административной ответственности минимизирует возможные ошибки правоприменителя при реализации данного института, снижает коррупционные риски, а также, как видится, соответствует самой идее освобождения лица от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности.

Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что более предпочтительным, на наш взгляд, является путь, по которому сегодня идет правоприменитель, а именно, оставление данных полномочий за судом.

Вследствие всего сказанного существует настоятельная необходимость прямого закрепления в действующем законодательстве полномочия суда по определению мер административного взыскания к лицам, в отношении которых на досудебных стадиях уголовного процесса было принято прокурором (следователем, с согласия прокурора) решение об освобождении их от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности.

С этих позиций не менее актуальным является вопрос об определении отрасли законодательства (конкретном нормативном правовом акте), в которой следует легализовать данную компетенцию суда и определить процедурные вопросы ее реализации в целом.

Нынешний правоприменительный опыт ориентирует при принятии указанного решения на уголовно-процессуальные нормы. Требуется этого, в частности, и судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Республики Беларусь, указывающая, что разрешение вопроса о применении судьей мер административного взыскания на основании постановления прокурора или следователя об освобождении этого лица от уголовной ответственности должно осуществляться в судебном заседании, обеспечивающем соблюдение основополагающих принципов судебного разбирательства [7, с. 19].

Как представляется, обозначенный подход не в достаточной мере учитывает содержание уголовно-процессуальных отношений, а именно – объект и предмет таковых. Дело в том, что УПК в стратегическом и тактическом ракурсах призван регламентировать только вопросы, связанные с производством по материалам и уголовным делам. В нашем же случае, при поступле-

нии постановления прокурора, следователя в суд для принятия последним окончательного решения о привлечении лица к административной ответственности, производство по данному уголовному делу уже прекращено.

Поэтому совершенно очевидно, что суд де-факто постановляет не связанное напрямую с уголовно-процессуальными отношениями решение, направленное на применение в отношении лиц мер административного взыскания. Вследствие этого следует с осторожностью относиться к выполнению задачи по процессуальной регламентации порядка принятия судами подобных решений посредством уголовно-процессуального законодательства.

Имеются и другие веские причины, ставящие под сомнение целесообразность применения по данному вопросу норм уголовно-процессуального законодательства. Так, в правоприменительной деятельности органов уголовного преследования и суда нередко возникают проблемы с определением процессуальной процедуры отмены как самого решения прокурора (следователя) о прекращении производства по уголовному делу (о прекращении уголовного преследования) в связи с освобождением от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности, так и решения суда о применении к данному лицу мер административного взыскания, в случае возникновения необходимости в ревизии их законности и обоснованности.

Моделирование перспективного развития уголовно-процессуальных отношений в этой области показывает, что число подобных трудностей в дальнейшем будет только возрастать.

Со своей стороны полагаем, что фиксация полномочий суда по применению мер административного взыскания в отношении лиц, освобожденных прокурором (следователем, с согласия прокурора), от уголовной ответственности, а также процедурных вопросов реализации этих полномочий должна осуществляться в рамках процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях. Пора уже признать, что подинститут привлечения к административной ответственности в связи с освобождением лица от уголовной ответственности по своей правовой природе гораздо ближе стоит к административно-деликтному законодательству и процессуально-исполнительному законодательству об административных правонарушениях. Нет иных других отраслей законодательства, которые имели бы более тесное соприкосновение с обозначенным подинститутом права.

На платформе приведенной общей предпосылки и должны решаться, как думается, все компетенционные вопросы по применению судами к лицам, освобожденным на основании ст. 86 УК от уголовной ответственности, мер административного взыскания.

К этому имеется и ряд частных предпосылок. Во-первых, уже сейчас в большинстве случаев исполнение решения суда о привлечении лица к административной ответственности де факте осуществляется на основании предписаний процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях.

Во вторых, как известно, к рассматриваемым лицам могут быть применены такие меры административного взыскания как штраф в пределах от 5 до 30 базовых величин, исправительные работы на срок от одного до двух месяцев с удержанием 20 % из заработка, административный арест на срок до пятнадцати суток. Однако при сложившейся правоприменительной практике четко не ясны правовые критерии, руководствуясь которыми суд применяет тот или иной вид и размер административного взыскания.

Все сказанное дает основание для утверждения о том, что при реализации института освобождения лица от уголовной ответственности с применением к нему мер административной ответственности может и должно применяться процессуально-исполнительное законодательство об административных правонарушениях. Коль в уголовное законодательство были по сути имплантированы нормы административно-деликтного законодательства, то и процессуальный порядок использования данных норм административно-деликтного законодательства, в том числе закрепление полномочия суда по применению в отношении лиц мер административного взыскания, может и должен регламентироваться процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях (в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях).

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что существующий процессуальный порядок обеспечения института освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности несомненно сыграл свою положительную роль в системе совершенствования системы мер уголовной ответственности. Однако время не стоит на месте. Современные реалии настоятельно требуют дальнейшего совершенствования рассматриваемых процедур его реализации в правоприменительной деятельности органов уголовного преследования и суда.

Список цитированных источников

1. Игликова, А. Освобождение от уголовной ответственности в соответствии со статьями 86–89 Уголовного Кодекса: ошибки в правоприменении / А. Игликова // Законность и правопорядок. – 2014. – № 1. – С. 30–35.

2. Об утверждении Концепции совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения: Указ Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 672 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

3. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного Кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

4. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014; О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопро-

сам образования Следственного комитета Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 13 декабря 2011 г. № 325-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

5. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Закон Республики Беларусь от 20 декабря 2006 г. № 194-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

6. Кодекс Республики Беларусь о судоустройстве и статусе судей: Закон Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 139-З // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

7. Калинин, В. О практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности (по материалам обзора) / В. Калинин, В. Ракитский, Л. Дулько // Судовы Веснік. – 2012. – № 2. – С. 16–25.

Дата поступления статьи – 14.09.2014.

Статья посвящена вопросам, связанным с проблематикой процессуального обеспечения применения на досудебных и судебных стадиях отечественного уголовного процесса предписаний ст. 86 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

На основании анализа действующего законодательства, а также сложившейся правоприменительной практики органов уголовного преследования и суда по освобождению лиц от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности, предложены конкретные правовые мероприятия, направленные на усовершенствование процедурного порядка применения обозначенного уголовно-правового института. В статью обосновывается необходимость такой правовой регламентации не только в рамках уголовно-процессуального законодательства (УПК), но и в рамках процессуально-исполнительного законодательства об административных правонарушениях (ПИКоАП).

The article is dedicated to issues connected with problems of procedural aspects of ensuring the application during pre-trial and trial stages of the national criminal procedure of regulations Art. 86 of the Criminal Code of the Republic of Belarus.

On the basis of the analysis of the legislation in force, as well as the current law-enforcement practice of the prosecuting authorities and the courts, concerning the release of persons from criminal liability with application of administrative prosecution, the concrete legal measures of improving the application of procedural criminal law are offered. The necessity of legal regulation, not only in the framework of the criminal procedural law (CPL), but also within the framework of process-executive law of administrative offences (PEC of AO), is proved in this article.

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛНОМОЧИЙ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Солтанович А.В., Хиревич М.Л.

Еще в начале XX в. выдающийся юрист И.Я. Фойницкий, уроженец Гомеля, сказал: «Без адвоката немыслимо надлежащее отправление правосудия» [1, с. 428]. Это высказывание и в настоящее время является актуальным.

Вместе с тем вполне очевидно, что защита прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц обеспечивается согласованием интере-

сов государства и адвокатуры как института гражданского общества [2, с. 269]. В частности, применительно к уголовному судопроизводству это означает, что должна быть найдена та «золотая середина» при регламентации полномочий участников процесса, позволяющая выполнять на должном уровне функции уголовного преследования и защиты, а значит и реализовать принцип состязательности. При этом нельзя не указать на то, что «реализация в полной мере принципа состязательности и равенства сторон осуществляется лишь на стадии судебного разбирательства; ... говорить о последовательном действии принципа состязательности и равенства сторон на предыдущих и последующих после судебного разбирательства стадиях не приходится» [3, с. 50]. Это с одной стороны.

С другой стороны, каким бы объемом, пусть даже и самым обширным, прав не был бы наделен тот или иной участник процесса, без соответствующих гарантий это будет всего лишь декларацией. Как известно, выделяют различные виды гарантий. Одним из таких видов являются юридические. В свою очередь к последним относится обязанность одного субъекта процесса обеспечить реализацию права, предоставленного другому субъекту, ибо, как совершенно справедливо отмечается в литературе, «если законодатель предоставляет участнику процесса какое-либо право, он должен внести в закон корреспондирующую с этим правом обязанность следователя и суда осуществить это право в полном объеме» [4]. Причем это следует особенно подчеркнуть обязанность должна быть реально выполнимой.

С учетом этих посылок представляется необходимым остановиться на некоторых правах адвоката-защитника, закрепленных в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК) [5] и в Законе Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» [6], реализация которых вызывает как серьезные затруднения на практике, так и бурные дискуссии в теории:

1. В соответствии с ч. 4 ст. 44 УПК защитник имеет право быть допущенным к участию в деле с момента фактического задержания. Согласно ч. 2 ст. 45 УПК обязательное участие защитника при производстве следственных и иных процессуальных действий должно быть обеспечено с момента фактического задержания. Исходя из буквального толкования данной нормы, защитник, например, несовершеннолетнему задержанному должен быть предоставлен сразу же после его фактического задержания, т. е. даже до доставления его в орган уголовного преследования. Однако на практике обеспечить участие защитника, скажем, при проведении личного обыска как по месту фактического задержания несовершеннолетнего, так и после его доставления в орган уголовного преследования не представляется возможным, исходя как из специфики задержания и личного обыска, так и порядка предоставления адвоката для осуществления защиты.

Особенность задержания и личного обыска состоит в неотложности проведения и необходимости отыскания, изъятия и закрепления доказательств по уголовному делу, предупреждения реального и возможного противодействия

лица, скрывающего при себе разыскиваемые, а также запрещенные к обороту предметы, законной деятельности правоохранительных органов. Безотлагательность личного обыска при задержании, обусловленная угрозой утраты доказательств совершения преступления либо опасностью причинения вреда здоровью людей, предполагает возможность некоторого ограничения прав задержанного, в том числе и права на защиту.

Кроме того, в соответствии с ч. 7 ст. 46 УПК заведующий юридической консультацией или председатель территориальной коллегии адвокатов обязаны незамедлительно, но не позднее 24 часов с момента обращения выделить адвоката для осуществления защиты подозреваемого, что также делает невозможным реализацию права на защиту в момент проведения личного обыска при задержании. Необходимо также учитывать и то, что ч. 1 ст. 40 УПК определяет подозреваемого как лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления. Здесь речь идет об уголовно-процессуальном задержании, а не фактическом (захвате). Ст. 110 УПК предусматривает, что немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, в котором указываются основания, место и время фактического задержания (с указанием часа и минут), результаты личного обыска, а также время составления протокола. Протокол объявляется задерживаемому и при этом разъясняются предусмотренные ст. 41 УПК права, в том числе право пригласить защитника и давать показания в его присутствии, что отмечается в протоколе. Протокол подписывается лицом, его составившим, и задержанным.

Таким образом, в целях согласованного правового регулирования и обеспечения надлежащей, а не формальной реализации права на защиту представляется необходимым исключить из формулировки ч. 4 ст. 44 и ч. 2 ст. 45 УПК слово «фактического», тем самым предусмотрев обязанность предоставления защитника с момента задержания, т. е. с момента составления протокола о задержании. Такое изложение указанных норм позволит устранить имеющиеся в УПК противоречия относительно порядка и времени предоставления адвоката для осуществления защиты.

2. Запрашивать справки, характеристики и иные документы, необходимые в связи с оказанием юридической помощи, у государственных органов и иных организаций, которые обязаны в установленном порядке выдавать эти документы или их копии.

Одной из проблем правовой регламентации и практической реализации профессионального права адвоката-защитника на получение ответов на запросы является то, что как в законодательстве об адвокатуре и адвокатской деятельности, так и в уголовно-процессуальном законодательстве не определен перечень сведений, которые адвокат вправе получить по своему запросу.

Законодательство допускает отнесение значительного объема информации к коммерческой, служебной и профессиональной тайне. Это существенно уменьшает возможность получения адвокатом-защитником ответов на запрос при наличии соответствующей правовой базы для отнесения данной инфор-

мации к одному из этих видов тайн. При этом не исключен субъективизм либо ошибки правоприменения при принятии решений о возможности или невозможности ответа на конкретный запрос адвоката-защитника.

Следует также отметить, что неисполнение адвокатских запросов во многом обусловлено тем обстоятельством, что какая-либо ответственность за непредоставление адвокату соответствующих сведений в белорусском законодательстве не установлена. Не предусмотрена такая ответственность и в Российской Федерации, на что обращается внимание в печати [4, с. 6; 7, с. 126].

Вместе с тем отсутствие санкции за неисполнение какой-либо обязанности нередко превращает в правовую фикцию как саму обязанность, так и право соответствующего субъекта требовать исполнения этой обязанности.

В связи с этим в литературе, в большей степени российской, высказываются предложения о том, что адвокат должен быть включен в перечень лиц, за непредоставление информации которым, согласно ст. 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [8], наступает административная ответственность.

Представляется, что в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях [9] должна быть включена норма, предусматривающая ответственность за не предоставление информации по запросу адвоката, как это сделано применительно к запросам нотариусов в ст. 23.70. «Нарушение порядка представления сведений и (или) документов, необходимых для совершения нотариальных действий». Тем более, что в ст. 11.74. «Нарушение порядка приема наличных денежных средств при осуществлении нотариальной и адвокатской деятельности» адвокаты и нотариусы прописаны вместе.

3. Представление доказательств. Исходя из определения доказательств (ст. 88 УПК), под которыми понимаются любые фактические данные, полученные в предусмотренном законом порядке, на основе которых орган, ведущий уголовный процесс, устанавливает наличие или отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, виновность лица, совершившего это деяние, либо его невиновность и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, в специальной литературе сделан правильный вывод о том, что только властно-распорядительная деятельность должностных лиц и органов, осуществляющих уголовный процесс, влечет появление в материалах уголовного дела доказательств [10, с. 225; 11, с. 44]. Это означает, что сам термин «представление доказательств» применительно к защитнику является весьма условным, также своего рода фикцией. Для того, чтобы это устранить, предлагается ч. 3 ст. 103 УПК, в которой указывается на право защитника представлять доказательства и собирать сведения, дополнить обязанностью, по крайней мере, органов уголовного преследования, приобщать представленные материалы в качестве доказательств.

4. Заявление ходатайств. Гарантией права защитника на заявление ходатайств должна стать законодательно закрепленная обязанность органов уголовного преследования удовлетворять любое ходатайство о пополнении доказа-

тельственной базы путем проведения необходимых защите следственных действий. Необходимость в этом объясняется тем, что в настоящее время в ч. 2 ст. 137 УПК установлено, что ходатайство должно быть удовлетворено, если оно способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела, обеспечению прав и законных интересов участников уголовного процесса или других лиц. Предлагаемая гарантия соответствовала бы принципу равенства прав участников процесса и требованиям объективности и не ставила бы сторону защиты в зависимость от усмотрения органа уголовного преследования.

5. Участвовать в допросах подозреваемого, обвиняемого и задавать с разрешения органа, ведущего уголовный процесс, вопросы подозреваемым, обвиняемым, а также потерпевшим, свидетелям, экспертам, специалистам. Однако в УПК не разрешен вопрос по поводу того, как поступать с отведенными следователем вопросами защитника. В ст. 221 УПК указывается об обязанности следователя занести отведенный вопрос в протокол и указать причину отвода, однако данная статья определяет особенности допроса несовершеннолетних свидетеля и потерпевшего, а о вопросах речь идет применительно к педагогу, психологу, родителям и иным законным представителям. Здесь относительно вопросов защитника на допросе подозреваемого или обвиняемого сложно применить какую-либо аналогию. Поэтому в УПК должна быть четко закреплена обязанность следователя при допросе подозреваемого и обвиняемого заносить отведенные вопросы в протокол.

Список цитированных источников

1. Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – М., 1912. – Т. 1. – 579 с.
2. Кемали, М.С. Права человека и механизм их защиты: учебное пособие / М.С. Кемали. – Алматы: NURPRESS, 2012. – 420 с.
3. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.]; под науч. ред. М.А. Шостака; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230 с.
4. Рагулин, А.В. Некоторые проблемы регламентации и практической реализации права адвоката-защитника на получение ответа на запросы / А.В. Рагулин // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2014.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь от 16 июля 1999 г. № 194-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 июля 2012 г. № 417-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2014.
6. Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 30 декабря 2011 г. № 334-З; в ред. Закона Респ. Беларусь от 29 декабря 2012 г. № 7-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр». – Минск, 2014.
7. Дабижа, Т.Г. Процессуальные гарантии реализации полномочий адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве / Т.Г. Дабижа // Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 125–132.

8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г.: в ред. Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 277-ФЗ // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

9. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 июля 2014 г. № 176-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

10. Адвокат в уголовном процессе: учеб. пособие / под ред. Н.А. Колоколова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010. – 375 с.

11. Озорнина, Д.М. Правоохранительная деятельность адвоката в уголовном процессе / Д.М. Озорнина // Российский судья. – 2013. – № 4. – С. 43–46.

Дата поступления статьи – 01.08.2014.

Статья посвящена отдельным вопросам, возникающим в ходе реализации некоторых прав адвоката-защитника, закрепленных в УПК Республики Беларусь. В частности, авторами проанализированы проблемы, возникающие при заявлении защитником ходатайств, предоставлении доказательств, а также вопросы, касающиеся момента допуска защитника к участию в деле в случае задержания лица, предоставления информации по запросу адвоката и участия защитника в допросах подозреваемого, обвиняемого. В статье предлагаются некоторые меры по совершенствованию национального законодательства, которые позволят обеспечить надлежащую реализацию прав адвоката-защитника в уголовном судопроизводстве.

The article is devoted to the specific issues arising in the implementation of some of the rights defense contained in the Criminal Procedure Code. In particular, the authors analyze the problems that arise when the defense a statements motions, provides evidence, as well as issues related to the time of admission to participate the defense in case in the event of detention of a person to provide information on request counsel and participation of the defense in the interrogation of a suspect or accused. Some measures to improve national legislation that will ensure proper implementation of the rights of defense counsel in criminal proceedings are offered in the article.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Дмитренко Д.И.

Впервые мысль о возможности использования голограммного метода для создания изобразительной техники, которая бы воспроизводила полную иллюзию действительности, была озвучена в работах ученого-физика Ю.Н. Денисюка еще в 60-х – начале 70-х гг. прошлого века [2]. Высказанная научная гипотеза непреднамеренно положила начало синтезированию знания о новом физическом явлении собственно на криминалистическом фундаменте. Тогда еще никто не мог предположить, что всего через несколько десятилетий метод голографирования реальных объектов и их сочетаний будет призван на службу криминалистике и участвовать в борьбе с преступностью в качестве прикладного инновационного метода. В конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. А.В. Дулов в своем научном труде, посвященном основам расследования преступлений, предложил рассматривать преступление в виде специфической системы, познание которой требует осмысления ее структуры как внутреннего строения данной системы. Для этого необходимо выявлять совокупность материальных элементов, которые обязательно имеются в наличии при совершении конкретного вида преступления, поскольку без них последнее не может быть совершено [5, с. 35]. Примерно в это же время голография как прикладной криминалистический метод стала эффективно участвовать в познании преступления как системы, имеющей свою материальную структуру. Собственно голографические технологии, используемые для моделирования материальной среды преступного события, оказали огромное влияние на эволюционный скачок информационного технологического общества в рамках противодействия преступности.

При расследовании преступлений моделирование материальной структуры преступления начинается с исследования материальной обстановки, в которой развивались преступные события. Современная голография как прогрессивный метод криминалистики направлена, прежде всего, на построение объемных моделей материальных следовых отображений преступного события, возникающих в результате взаимодействия элементов материальной структуры преступления и оставленных в результате такого взаимодействия в каком-либо исследуемом пространстве, т. е. на месте происшествия.

Применение интерференционной, видовой и композиционной голографии в нынешней следственной и экспертной практике – результат интегрирования новой технологии в криминалистическую науку. При этом сегодняшние следователи и специалисты, применяющие при расследовании преступлений го-

логографические новации, возможно, не задумываются об их разновекторном научном базисе и о том, что имплементация положений голографической теории в криминалистическую теорию отражения открывает перспективы: во-первых, для оптимизации построения и проверки следственных и экспертных версий и, во-вторых, для повышения раскрываемости уголовных дел ввиду более качественной фиксации и моделирования элементов следовой картины и места происшествия в целом. Сущность криминалистической голографии состоит в запечатлении объектов, попавших в поле уголовно-опасной деятельности, следообразующих и следовоспринимающих элементов материальной структуры преступления, обстановки места преступного события в целях дальнейшего их исследования и использования в процессе доказывания истины по делу.

Сегодня в вопросе криминалистического применения голографии в большей степени рассматривается *объектно ориентированный подход*. Он предполагает голографическое построение материальных следовых отображений преступного события в каком-либо исследуемом пространстве (место происшествия) и в перспективе создание (на основе подобного построения) трехмерных моделей обстановки места происшествия. Это криминалистическая голография в статике, отражающая только застывшие материальные отражения следовой картины происшедшего преступления и позволяющая приблизиться к визуализации системных взаимосвязей между элементами материальной структуры каждого конкретного преступления. Однако возможности современной голографии на этом не иссякают. Некоторая функциональная ограниченность анализируемого подхода порождает детерминанты для появления в обозримом будущем иного прикладного научного направления в сфере криминалистического применения голографии, основанного на динамической визуализации связей между элементами следовой картины преступления, возникающих в результате участия в преступном событии соответствующих лиц [4, с. 24]. Преактивизм голографической теории с большой долей вероятности прогнозирует появление в скором времени *субъектно ориентированного подхода*, нацеленного на построение интерактивной управляемой голограммы в рамках ретроспективного анализа генезиса следовых связей между элементами материальной структуры преступления. В настоящее же время теоретическое обоснование и техническое обеспечение голографической эволюции позволяет наиболее качественным образом отрабатывать следственные версии и экспертные предположения на основе статического голографического исследования обстановки места происшествия и ее деталей.

В изучении материальной структуры преступления посредством *объектно ориентированного* голографического моделирования следует выделить несколько ступеней.

Первая ступень криминалистического применения голографии реализуется в рамках построения голограммы как трехмерной модели единичного следового криминалистического объекта для отработки следственных версий и экспертных предположений: *единично-объектная* (рис. 1).

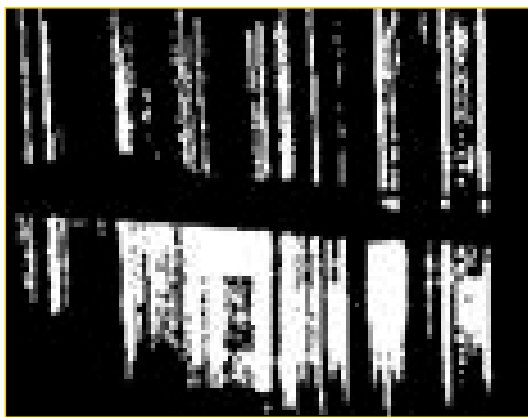

Рисунок 1 – Интерференционная картина микроследов на гильзе

На данной ступени следователь при помощи специалиста фиксирует и изучает единичный объект преступления, руководствуясь задачами первичного сбора доказательственного информации, а эксперт, в свою очередь, осуществляет моделирование голограмм в качестве специфического метода изучения следовых характеристик данного объекта.

Вторая ступень криминалистического применения голографии предполагает создание трехмерной модели целостной следовой картины для отработки следственных версий и экспертных предположений: *совокупно-объектная*. Здесь следователь (эксперт) сопоставляет уже несколько объектов в совокупности в рамках единой голографической модели места происшествия (рис. 2).

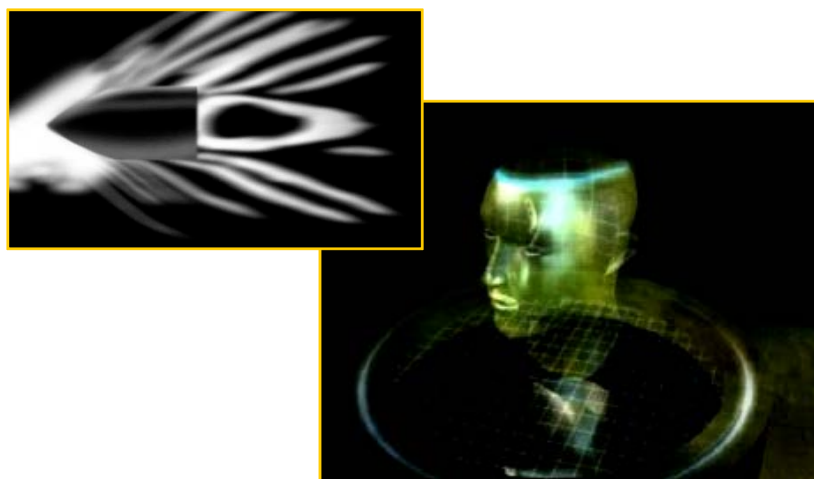

Рисунок 2 – Пример второй ступени применения голографии

И первая, и вторая ступень криминалистического применения голографии реализуется посредством двух вариантов создания голограммы объемного типа: *традиционного (аналогового)* и *цифрового*. Традиционная аналоговая голограмма записывается в результате процесса формирования изображения в два этапа – получение голограммы и восстановление изображения объекта.

При реализации второго варианта алгоритм получения трехмерного голографического изображения криминалистического следового объекта в пространстве (на плоскости) включает следующие шаги: сканирование; конверсия; воспроизведение (премоделирование; текстурирование; освещение; анимация; динамическая симуляция; визуализация (рендеринг); компоновка (компози́тинг); вывод полученного изображения, т. е. созданной трехмерной модели, на устройство вывода – 3D-графическую плоскость – или в некое ограниченное пространство).

Типы построения трехмерных голограмм имеют ценные для исследования криминалистических объектов и их следовых характеристик возможности: не подвергают объект разрушительному воздействию; обеспечивают полную фиксацию и сохранность изображения объекта; точно воспроизводят форму и особенности его внешнего строения в трех измерениях; позволяют осуществлять фиксацию через искажающую среду.

Указанные две ступени применения голографии представляют собой обязательные формы реализации *объектно-ориентированного*, статического *подхода* в исследовании материальной структуры преступления.

Однако, на наш взгляд, исходя из перспективы появления динамического подхода – *субъектно ориентированного*, считаем возможным выделить в качестве следующей (*третьей*) эволюционной *ступени* применения метода голографического моделирования *семантико-субъектную ступень*. Именно она позволит использовать криминалистическую голограмму в качестве средства динамической визуализации связей между следовыми характеристиками элементов материальной структуры преступления в пределах отдельно взятого конкретного места происшествия.

Объектно ориентированный подход основан на фундаментальных положениях криминалистической науки о материальной структуре преступления в части аналитики материальных следовых отображений как характеристик ее элементов. Подобным образом он определяет криминалистическую голографию в статике, т. е. просто устанавливает объекты и следы, подлежащие криминалистическому анализу со стороны следователя и эксперта. В отличие от него будущий *субъектно ориентированный подход* предвосхищает криминалистическую голографию в динамике, фиксирует не просто объекты и следы, а устанавливает взаимосвязи между ними, вариативно предполагает, как их можно сопоставить между собой и проследить вычислительным ретроспективным путем генезис следообразования, квинтэссенцию криминального взаимодействия, чтобы получить полную картину преступления, которая была в момент его совершения.

Если представить любое преступление в виде описания его криминалистической (материальной) структуры, становятся очевидными следующие закономерности (по А.Е. Гучку):

- 1) обуславливающие включение отдельных объектов материального мира в систему преступления в качестве элементов структуры;
- 2) функционирования в качестве элементов структуры;

3) функционирования связей между элементами криминалистической структуры преступления и окружающей средой;

4) развития преступления;

5) образования отражений;

6) обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения, исследования следов преступления [1, с. 116].

Объектно ориентированный подход криминалистического применения голографии позволяет инновационно подойти в основном к практике применения исследования закономерностей шестого порядка из приведенного списка, т. е. закономерностей обнаружения, фиксации, изъятия, сохранения, исследования следов преступления. Также данный подход позволяет работать с закономерностями первого и второго порядка из вышеприведенного списка – участвует в процессе включения отдельных объектов материального мира, найденных на месте происшествия, в систему преступления в качестве резонирующих элементов материальной структуры. Область его функционирования, таким образом, очевидно ограничена.

В свою очередь *субъектно ориентированный подход*, которому в отечественной криминалистике вообще не уделяется внимания, направлен на системное обслуживание всех остальных закономерностей возникновения и функционирования (взаимодействия) элементов материальной структуры преступления. Он основан на голографическом построении динамической ретроспекции поведенческих линий предполагаемого преступника, жертвы (потерпевшего) в привязке к элементам материальной среды, прежде всего к таким как средства, оружие преступления и следовые отображения в реальной обстановке. Иными словами речь идет о голографическом воссоздании особенностей динамики наступления и развития преступного события (рис. 3) [3, с. 145].

Рисунок 3 – Построение управляемой голографии посредством нового поколения квантовых оптических генераторов

Итак, при реализации объектно-ориентированного подхода в рамках изучения закономерностей существования материальной структуры преступления голографирование может применяться:

- в части закономерностей первого и второго порядка – для построения объемных моделей криминалистических следовых объектов и целостных голографических следовых картин,
- в части закономерностей шестого порядка – для проведения экспертных измерений и сравнительного анализа материальных следовых характеристик объектов с мест происшествия.

Современная голография как прогрессивный метод криминалистики, направлена, прежде всего, на моделирование материальных следовых отображений преступного события, возникающих в результате взаимодействия элементов материальной структуры преступления и оставленных в результате такого взаимодействия в каком-либо исследуемом пространстве, т. е. на месте происшествия. При этом в дальнейшем возможности голографии позволяют заняться построением уже целостных трехмерных моделей обстановки места происшествия. Все это свидетельствует о перспективном развитии в настоящее время такого криминалистического подхода в голографическом исследовании материальной структуры преступления как объектно ориентированный подход, но также не исключает возможность становления и более прогрессивного – субъектно ориентированного подхода.

В настоящее время криминалистическая голография приближается к пику своего развития, она является одной из наиболее эффективных и востребованных отраслей научного знания, призванного совершенствовать методологические подходы в изучении преступления как системного явления и, соответственно, в исследовании материальной структуры последнего.

Результативность синтезирования голографии на криминалистическом фундаменте очевидно высоко оценивается, прежде всего, практиками-криминалистами – следователями, специалистами и экспертами, использующими для установления истины по делу ряд оптимизированных под нужды следствия технических аппаратно-программных средств, прямого или опосредованного голографического назначения.

Список цитированных источников

1. Гучок, А.Е. Криминалистическая структура преступления / А.Е. Гучок. – Минск: БГУ, 2007. – 151 с.
2. Денисюк, Ю.Н. Оптическая голография и ее применение / Ю.Н. Денисюк. – Л.: ЛДНТП, 1974. – 105 с.
3. Дмитренко, Д.И. Голографический метод в криминалистике: генезис субъектно-ориентированного подхода / Д.И. Дмитренко, Т.М. Шульгина // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире: материалы I Междунар. научн.-практ. конф., Санкт-Петербург, 13–15 марта 2013 г. / Стратегия будущего; А.В. Воронцов [и др.]; СПб, 2013. – С. 139–146.

4. Дмитренко, Д.И. Криминалистическая голография как фактор обеспечения национальной безопасности / Д.И. Дмитренко, Т.М. Шульгина // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2013. – № 1 (1) / Стратегия будущего; под ред. Л.Г. Ивашов. – СПб., 2013. – С. 20–26.

5. Дулов, А. В. Основы расследования преступлений, совершенных должностными лицами / А.В. Дулов. – Минск: Университетское, 1985. – 168 с.

Дата поступления статьи – 10.09.2014.

В настоящее время одним из наиболее прогрессивных методов, используемых для фиксации и исследования криминалистических объектов, является голографический метод. Данная статья посвящена исследованию криминалистической сущности указанного метода в контексте его применения в следственной и экспертной практике. Анализируя вопросы современной эмпирической актуализации голографического метода в исследовании материальной структуры преступления, автор приходит к выводу, что нынешней криминалистикой в большей степени рассматривается и обосновывается именно объектно ориентированный подход, который направлен лишь на создание трехмерных моделей обстановки места происшествия на основе голографического создания материальных следовых отображений преступного события в конкретном исследуемом пространстве. Формулируется авторское предложение по внедрению в криминалистическую теорию и следственно-экспертную практику нового подхода – субъектно ориентированного, сущность которого заключается в голографическом ретроспективном построении динамических поведенческих линий предполагаемого преступника, жертвы (потерпевшего) в привязке к элементам материальной среды.

At the present time one of the most progressive methods for fixing and research of forensic facilities used is the holographic method. This article is devoted to the research of forensics essence of this method in the context of its use in the investigation and expert practice. After analyzing the questions of modern empirical actualization of the holographic method in the research of the crime material structure, the author comes to the conclusion that the current forensics an object-oriented approach is increasingly being considered and substantiated, which is aimed only at creation of three-dimensional models of the incident place situation on the basis of a holographic interfeeration of material trace reflections of the criminal events in particular the space. The author's proposal is formulated for the implementation in the criminalistic theory and the investigative-expert practice of a new approach – the subject-oriented approach, the essence of which lies in the holographic retrospective building a dynamic behavioural lines of the alleged offender, the victim (injured) in relation to the elements of the material environment.

СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ХИЩЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИМИ

Талалаев В.А.

Безопасность является необходимым условием независимости, территориальной целостности, суверенитета Республики Беларусь. В нашем государстве в силу принятых мер сформирована и реализуется политика обеспечения национальной безопасности, определены и научно обоснованы сущность и

содержание видов деятельности по поддержанию баланса интересов личности, общества, государства, их защите от угроз различных видов.

Одно из направлений такой деятельности представлено комплексом мероприятий по борьбе с противоправными действиями в отношении предметов вооружения. Анализ современной криминогенной ситуации свидетельствует, что оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства выступают в качестве потенциального фактора и питательной среды для совершения особо тяжких преступлений. В этой связи определены задачи правоохранительным органам по повышению эффективности расследования преступлений отдельных видов и групп, в том числе и в обозначенной сфере.

Хищения предметов вооружения боевого вида объективно более опасны среди других подобных преступлений. При разработке рекомендаций по расследованию указанных преступлений необходимо учитывать качественные характеристики и показатели, которые определены законодателем в связи с их общественной опасностью.

К числу субъектов рассматриваемых преступлений относятся отдельные военнослужащие. Они в соответствии со своим статусом обязаны действовать в интересах личности, общества и государства. Поэтому каждое подобное преступление дополнительно посягает на безопасность общества и военную безопасность государства. При этом дестабилизируется установленный порядок несения военной службы, подрывается доверие граждан не только к военной службе, но и к государству, которое выступает гарантом их безопасности.

Теоретические положения о назначении, месте, подходах к построению криминалистической характеристики хищений огнестрельного оружия, совершенных военнослужащими, в литературе не встречаются. Представляется, что обозначенные вопросы целесообразно рассматривать исходя из накопленного опыта в области теории криминалистической характеристики преступлений [1, с. 116; 2, с. 101; 3, с. 28; 4, с. 8; 6 и др.].

В обобщенном виде и применительно к рассматриваемым преступлениям их криминалистическая характеристика предназначена для разработки рекомендаций аналитико-ситуационного, организационного, тактического, морально-психологического, этического, профилактического, правового характера по расследованию указанных хищений.

На современном этапе целесообразно учитывать модель системно-структурного построения криминалистической характеристики преступлений [5, с. 280]. В этом отношении криминалистическая характеристика хищений предметов вооружения, совершенных военнослужащими, является частной видовой и выступает в качестве составной части групповой криминалистической характеристики незаконных действий в отношении предметов вооружения, родовой криминалистической характеристики преступлений против общественной безопасности.

Криминалистическую характеристику преступлений отдельных видов и групп в настоящее время предлагается рассматривать за пределами частной

криминалистической методики, так как ее объем и содержание в определенной мере могут превышать методические рекомендации.

Применительно к криминалистической характеристике хищений отдельных видов некоторые ее элементы могут рассматриваться в качестве системообразующих (узловых) [7, с. 87; 8, с. 157–158].

На современном этапе развития криминалистики и с учетом специфики хищений предметов вооружения, совершенных военнослужащими, целесообразно избрать «элементный» подход к построению их криминалистической характеристики. Его использование применительно к отдельным видам преступлений позволяет «лучше продемонстрировать имеющиеся корреляционные зависимости, сохранить целостность криминалистической характеристики как информационной модели и наилучшим образом обеспечить выполнение ее целевого назначения» [9, с. 31].

В данном контексте следует остановиться на отдельных проблемных вопросах структуры и содержания элементов криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений.

В структуру криминалистической характеристики хищений предметов вооружения до настоящего времени не включались сведения (данные) о цикле оборота предметов вооружения. Вместе с тем сведения об этапах оборота вооружения имеют определяющее криминалистическое значение при расследовании хищений, совершенных военнослужащими.

Выделение таких этапов в качестве связующего элемента указанной характеристики определяется:

- положениями локальных нормативных правовых актов о специфике оборота боевого оружия;

- наличием одновременно осуществляемых взаимосвязанных разноплановых этапов: выполнение задач караулом по охране объектов хранения оружия в воинской части; вооруженная охрана оружия при его перемещении и т. п., причем обстановка совершения хищения здесь может распространяться, как минимум, на два относительно самостоятельных этапа оборота оружия;

- спецификой нормативной регламентации оборота боевого оружия: на одних этапах это положения локальных нормативных актов службы вооружения (хранение на складах, ремонт, утилизация), на других – Общевоинские уставы Республики Беларусь в рамках требований к организации внутренней, гарнизонной и караульной службы (этап использования оружия для обеспечения физической защиты объектов хранения вооружения), на третьих – распоряжения, приказания, инструкции, приказы командования воинской части (этап использования вооружения при выполнении задач военной службы по охране общественного порядка, конвоированию осужденных, охране государственной границы и др.);

- разницей в квалификации и опыте по вопросам оборота оружия субъектов расследования и должностных лиц воинской части;

– особенностями организации и тактики следственных действий применительно к условиям отдельных этапов оборота вооружения и др.

В этой связи выделение этапов оборота предметов вооружения позволяет:

– использовать их в качестве связующего элемента криминалистической характеристики рассматриваемых хищений;

– комплексно подойти к выявлению и систематизации криминалистически значимой информации о данном преступлении;

– обеспечить качество структуры криминалистической характеристики обозначенных хищений, ее целостность, индивидуальность, относительную устойчивость;

– дать объективное представление об этих преступлениях и указать именно их характерные черты, являющиеся отправными для разработки соответствующей методики расследования;

– установить более точно взаимосвязи сведений (данных) о рассматриваемой группе преступлений, причинами их совершения и сокрытия, наступившими последствиями, задачами расследования и рекомендациями по выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению изучаемых хищений;

– избрать их в качестве классификаторов способов совершения таких преступлений;

– определить более точно особенности физической защиты предметов вооружения и их охраны техническими средствами на каждом из этапов;

– определить этапы оборота вооружения, наиболее подверженные хищениям, что позволяет их прогнозировать и принимать дополнительные профилактические меры;

– детализировать задачи расследования применительно к хищению на конкретном этапе оборота вооружения;

– устанавливать связи хищений вооружения с воинскими преступлениями и иными правонарушениями;

– выявлять обстоятельства и факторы, детерминирующие хищения как на одном этапе оборота вооружения, так и на других, связанных с ним;

– дать более точную юридическую оценку действиям (бездействию) материально ответственных или должностных лиц из числа военнослужащих, объективно способствующих наступлению преступного результата, сокрытию рассматриваемых хищений, уклонению субъекта хищения или соучастников от ответственности;

– определять и учитывать в расследовании проявления отдельных форм сокрытия преступлений, в частности так называемой круговой поруки и др.;

– применять комплексно профилактические мероприятия (от конкретных военнослужащих до личного состава воинской части в целом);

– разрабатывать рекомендации по организации и тактике проведения отдельных следственных действий, тактических операций и иным направлениям, связанным с указанными.

Сведения об этапах оборота вооружения позволяют более точно определять временные и пространственные параметры следственной ситуации. Данные параметры учитываются преступником, который способен своими действиями изменить складывающуюся обстановку в выгодную для себя сторону. Это в последующем находит отражение в способах подготовки, совершения и сокрытия, следовой картине хищения и др. Таким образом, включение этапов оборота вооружения в криминалистическую характеристику в качестве ее самостоятельного узлового элемента способствует разработке более качественных практических рекомендаций по расследованию хищений предметов вооружения военнослужащими.

В разработанных рекомендациях описаны все формы хищений оружия [10, с. 38; 11, с. 72–76]. По нашему мнению, большую практическую значимость представляют сведения о типичных формах хищений на отдельных этапах оборота предметов вооружения и связях между ними. В рамках указанных форм целесообразно установить и описать основные способы подготовки, совершения и сокрытия хищений вооружения, характерные для различных этапов оборота вооружения и отдельных категорий преступников из числа военнослужащих. При этом важно указать сведения о типичных орудиях и средствах, следовой информации о данных хищениях применительно к наиболее подверженным хищениям этапам оборота вооружения.

Каждый этап оборота характеризуется его связью с определенными видами вооружения. Индивидуальные признаки похищенных предметов вооружения, а также сопутствующих им объектов (тара, упаковка, укупорка, техническая документация, запасные инструменты и принадлежности к оружию и др.) имеют криминалистическое значение. Данные признаки способствуют решению отдельных задач расследования по конкретизации этапа оборота, на котором оружие похищено, организации его розыска, возмещению вреда, причиненного данным преступлением и др.

Важно также обозначить основания дифференциации предметов хищения. По нашему мнению, при их описании таким основанием целесообразно избрать вид вооружения. В отношении видов вооружения закреплены присущие только им правила оборота, целевое назначение, свойства, характеристики (форма, состояние и т. п.), поисковое значение [12–16] и др.

Предметы вооружения выступают в качестве слеодообразующих и следовоспринимающих объектов. Это востребовано при установлении этапа оборота вооружения, избранной формы хищения, места, времени, способа, орудий и других обстоятельств совершения и сокрытия рассматриваемых преступлений. Данные обстоятельства позволяют продемонстрировать связи между предметом хищения и другими элементами криминалистической характеристики хищений оружия, совершенных военнослужащими. При этом следует учитывать положения уголовно-процессуального законодательства, так как предметы вооружения при расследовании их хищений выступают в качестве носителя доказательственной информации (ст. 88 УПК), вещественного доказательства (ст. 96 УПК), обстоятельства, подлежащего доказыванию (ст. 89 УПК) [17].

Сведения о мотивах рассматриваемых преступлений следует рассматривать с учетом специфики личности преступника. Именно внутреннее психическое побуждение субъекта хищения вооружения выступает одним из источников информации о нем. Мотивированное волеизъявление в итоге и направлено на достижение цели завладения предметами преступления. Применительно к исследуемым нами хищениям, целесообразно выявить и охарактеризовать особенности личности преступников из числа военнослужащих различных категорий (по призыву, по контракту, материально-ответственных, должностных лиц и др.), а также соучастников, не являющихся военнослужащими. Данный подход позволит полнее характеризовать преступные группы.

Способы совершения хищений предметов вооружения в проведенных исследованиях рассматривались с учетом их уголовно-правового значения. Кроме того, соотношение способов совершения и сокрытия хищений огнестрельного оружия не определялось. В этой связи востребованная практикой информация о сокрытии данных преступлений после достижения преступного результата, охватываемого единым замыслом, осталась вне поля зрения.

В целях разработки современных функционально-адресных рекомендаций целесообразно в качестве классификаторов способов совершения исследуемых хищений избрать этапы оборота предметов вооружения в воинских частях. Данный подход дает возможность выявлять и систематизировать способы совершения хищений, характерные как для конкретного этапа, так и для нескольких из них [18, с. 152].

Связь хищений предметов вооружения с другими преступлениями в определенной степени обозначена. Однако такие хищения тесно связаны и с другими правонарушениями, в том числе воинскими преступлениями, дисциплинарными, административными проступками и др. Причем отдельные правонарушения совершаются специально в целях сокрытия хищений предметов вооружения. Такие сведения целесообразно отразить в криминалистической характеристике при описании способов хищения.

Таким образом, в качестве структурных элементов криминалистической характеристики хищений предметов вооружения, совершенных военнослужащими, целесообразно рассматривать сведения (данные) о специфике этапов оборота предметов вооружения в государственных воинских формированиях, типичных форм и предмета хищения на этих этапах, личности преступника, его мотивов и целей, особенностях способов совершения и сокрытия, орудий и средств, следов обозначенных преступлений, связи хищений предметов вооружения с другими правонарушениями.

Список цитированных источников

1. Васильев, А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 143 с.

2. Винокуров, С.И. Криминалистическая характеристика преступления, ее содержание и роль в построении методики расследования конкретного вида преступлений // С.И. Винокуров // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы науч.-практ. конф., Одесса, ноябрь 1976 г. / редкол.: Н.А. Селиванов [и др.]. – М., 1976. – С. 101–104.
3. Ермолович, В.Ф. Построение и проверка версий при раскрытии и расследовании краж: учеб. пособие / В.Ф. Ермолович. – Минск: Акад. милиции Респ. Беларусь, 1995. – 36 с.
4. Образцов, В.А. Проблемы раскрытия преступлений против населения, связанных с пищевыми отравлениями: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.А. Образцов. – М., 1976. – 26 с.
5. Ермолович, В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Амалфея, 2001. – 304 с.
6. Ермолович, В.Ф. Научные основы криминалистической характеристики преступлений / В.Ф. Ермолович. – Минск: Веды 1999. – 310 с.
7. Ермолович, В.Ф. Системно-структурное построение криминалистической характеристики преступлений / В.Ф. Ермолович // Сацыяльна-эканамічныя і прававыя даследаванні. – 2013. – № 3(33). – С. 78–88.
8. Ермолович, В.Ф. Концептуальные проблемы криминалистической характеристики преступлений / В.Ф. Ермолович // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики при раскрытии и расследовании преступлений: тез. докл. респ. науч.-практ. конф., Минск, 15 нояб. 2013 г. / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД Респ. Беларусь. – Минск, 2013. – С. 151–158.
9. Шруб, М.П. Криминалистическое обеспечение расследования торговли людьми с целью сексуальной эксплуатации (в стране происхождения – на примере Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.П. Шруб. – Минск, 2010. – 226 л.
10. Ефименко, В.В. Расследование хищений огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (по материалам следственно-прокурорской практики военной прокуратуры Дальневосточного военного округа): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / В.В. Ефименко. – Владивосток, 2002. – 192 л.
11. Капустина, И.В. Первоначальный этап расследования хищений огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / И.В. Капустина. – СПб., 1999. – 227 л.
12. О мерах по совершенствованию регулирования оборота боевого, служебного, гражданского оружия и боеприпасов к нему на территории Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь, 30 авг. 2002 г., № 473: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 02.05.2014 г., № 193 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
13. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с незаконными действиями в отношении оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (ст.ст. 294–297 УК): постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 3 апр. 2008 г., № 1 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2008. – № 94. – 6/703.
14. Об оружии: Закон Респ. Беларусь, 13 нояб. 2001 г., № 61-3: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.12.2013 г., № 84-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.
15. Об утверждении инструкции о порядке организации учета и хранения оружия и боеприпасов в Вооруженных Силах Республики Беларусь: приказ М-ва обороны Респ. Беларусь, 8 июня 2007 г., № 26 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2007. – № 159. – 8/16699.
16. Об утверждении инструкции о порядке приема, учета, хранения, передачи и уничтожения изъятых, конфискованных, добровольно сданных и переданных оружия и боеприпасов: постановление Министерства внутренних дел Респ. Беларусь, 19 июня 2006 г., № 157: в ред. постановления МВД от 10.07.2013 г., № 301 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 110. – 8/14672.

17. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 24 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г., № 295-3; в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012 г., №417-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

18. Ермолович, В. Ф. Концептуальные подходы к классификации и систематизации способов совершения преступлений / В.Ф. Ермолович, Д.В. Ермолович // Проблемы управления. – 2012. – № 1 (42). – С. 147–153.

Дата поступления статьи – 11.09.2014.

В статье рассмотрены теоретические положения о построении и использовании на практике частной видовой криминалистической характеристики хищений огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ, совершенных военнослужащими: назначение и подходы построения; обоснование избрания этапов оборота предметов вооружения в качестве связующего элемента криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений; элементный состав криминалистически значимых сведений о данном преступлении, их соотношение и связи.

The article examines theoretical aspects of construction and use in practice of particular types of criminal characteristic of theft of firearms, ammunition or explosives, committed by military: purpose and approaches of building; justification election stages turnover of armaments as a binder of criminal characteristics of these crimes; elemental composition of criminal important information about this crime, their relationship and connection.

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ РЕЙДЕРСКОГО ЗАХВАТА КАК МЕХАНИЗМА ПЕРЕДЕЛА СОБСТВЕННОСТИ

Третьяков Г.М.

Преступные посягательства, направленные против порядка осуществления экономической деятельности, традиционно выступают в качестве одной из наиболее серьезных угроз экономической безопасности государства. Они зачастую связаны с нанесением большого материального ущерба, неизбежно приводят к нарушению эффективного взаимодействия рыночных институтов. Качественное развитие экономической преступности, выражающееся в появлении новых видов преступлений, отрицательно отражается на функционировании экономики. Это обуславливает необходимость разработки эффективных способов ее защиты от различных противоправных посягательств.

В настоящее время достаточно широкое распространение и общественный резонанс приобретает сравнительно новый вид преступной деятельности, связанный криминальным захватом субъектов хозяйственной деятельности и их имущества – рейдерство. Способы подготовки, совершения и сокрытия данных преступлений интегрируются в высокоинтеллектуальные криминальные технологии, содержащие самые современные и эффективные знания, приемы,

методы, средства, соответствующие умения и навыки, объединенные в преступных целях.

Сегодня принято воспринимать недружественное поглощение как сугубо криминальное явление, требующее принятия уголовно-правовых мер реагирования. В то же время, как отмечается, необходимо различать два различных понятия «недружественное (враждебное) поглощение» т. е. не планировавшееся и в целом нежелательное для собственника и руководства и «поглощение с применением противозаконных методов» [1, с. 18]. Первая ситуация может представлять собой вполне нормальный, закономерный процесс, результат типично рыночной конкуренции. Для предупреждения возникновения нежелательных ситуаций государство, как показывает практика, может предусматривать особый правовой порядок перехода прав собственности и иных действий в отношении таких предприятий (например, нераспространение норм законодательства о банкротстве на отдельные категории субъектов, необходимость определенных согласований с высшими должностными лицами и т. д.) и иные механизмы защиты.

Традиционно виды недружественных поглощений условно подразделяют на три категории:

1) «белое» рейдерство – поглощение, путем применения методов, не выходящих за рамки закона. Данный вид рейдерского захвата осуществляется в рамках правового поля без нарушений нормативных правовых актов и отличается от дружественного поглощения тем, что происходит вопреки воле собственника поглощаемого субъекта хозяйствования;

2) «черное» рейдерство – поглощение за счет противозаконных действий, в том числе уголовных преступлений;

3) «серое» рейдерство – поглощение путем нарушения гражданско-правового законодательства, либо путем использования пробелов и нестыковок в нормативных правовых актах, регулирующих соответствующие правоотношения.

Отмечается, что современные технологии захвата имущества по «серым» схемам, характеризуются совершенством с интеллектуальной точки зрения. Данные действия пока еще не получили должной уголовно-правовой оценки в правоприменительной практике.

Способы совершения рейдерских захватов отличаются большим многообразием, что, безусловно, отражается на иных элементах криминалистической характеристики.

В литературе отмечается, что процедура недружественного поглощения состоит из следующих этапов:

- сбор и анализ информации о потенциальном объекте или поступление заказа на объект;
- разработка бизнес-плана;
- разработка плана захвата;

- привлечение необходимых ресурсов (информационных, материальных, кадровых, административных);
- корректировка бизнес-плана;
- реализация плана захвата;
- реализация захваченных активов» [2, с. 19].

Сложность противодействия рейдерскому захвату определяется тем, что каждый из вышеназванных этапов определяет организационные и тактические особенности противодействия различными правоохранными структурами и их подразделениями. В этой связи большое значение приобретает наличие эффективного взаимодействия между различными структурами в процессе выявления преступной деятельности, фиксации следовой информации, определения ее доказательственного значения.

К.В. Васильченко выделяет 4 этапа процесса недружественного поглощения:

- «первый этап – действия, направленные на получение минимального (формального) права на часть имущества намеченного к захвату предприятия;
- второй этап – смена руководства посредством организации и проведения общего собрания акционеров с гарантированным перевесом голосов со стороны захватчиков;
- третий этап – легитимизация нового руководства, заключающаяся в направлении протокола общего собрания акционеров (участников) и соответствующих учредительных документов со внесенными в них изменениями в соответствующие органы государственного управления;
- четвертый этап – действия по фактическому захвату имущественного комплекса предприятия, т. е. когда совершаются действия, направленные на отстранение прежнего руководства от фактического управления предприятием [3, с. 25].

Во многих странах рейдерство стало одним из видов высокодоходного бизнеса. Существуют организации, специализирующиеся на рейдерских захватах. Они могут иметь различное официальное прикрытие, значительные объемы свободных финансовых средств, отработанные механизмы эффективного привлечения силового, судебного, административного ресурсов. Такие организации способны как выполнить рейдерский захват самостоятельно под заказ или под дальнейшую реализацию захваченных активов либо оказывать высококвалифицированную поддержку компании-агрессору.

Выбор объекта рейдерского захвата осуществляется по многим критериям. Чаще всего рейдеры руководствуются следующими соображениями:

- организация-объект не входит в вертикально интегрированную структуру (холдинг или финансово-промышленную группу);
- объект захвата занимается перспективным и прибыльным бизнесом;
- наличие нескольких собственников (учредителей) и степень распределения акций (долей) между ними;
- низкий уровень готовности к защите от рейдерства;
- наличие корпоративного конфликта внутри организации-объекта захвата;

– организационно-правовая форма объекта захвата: чаще всего рейдеры обращают внимание на хозяйственные общества (ЗАО, ОАО, ООО) [2, с. 19].

Кроме того, данный перечень можно дополнить такими, критериями как:

– наличие финансовых проблем (большая «неподконтрольная» кредиторская задолженность, отсутствие резервов финансовых средств, которые могут быть оперативно привлечены для разрешения финансовых проблем);

– низкая компетентность управленческого состава, малый опыт работы в соответствующей сфере.

Поскольку, как уже было отмечено выше, осуществление рейдерского захвата представляет собой длительное, растянутое во временных рамках мероприятие, оно может включать в себя множественность действий, в том числе криминальных, т. е. предусматривать совершение не одного, а нескольких преступных действий, объединенных единым умыслом. Данный комплекс действий может охватываться различными статьями УК Республики Беларусь.

Отмечается, что основными способами, которыми пользуются рейдеры можно отнести:

а) законное и незаконное завладение акциями (долями) хозяйственного общества с целью перерегистрации субъекта, приобретение права на акции (доли) и т. п.;

б) организация помех, которые приводят к нарушению правил проведения общих собраний участников общества с целью последующего обращения в суд;

в) создание условий, вынуждающих основных собственников (учредителей) организации передать контроль над активами в руки других лиц через множественные проверки налоговых, финансовых, природоохранных, противопожарных, иных контролирующих и правоохранительных органов, организуемые по заявлениям подставных лиц;

г) установление контроля над лицами, входящими в органы управления обществом;

д) инициирование ложных и преднамеренных банкротств, когда рейдером ставится задача: добиться назначения «своего» временного или антикризисного управляющего с практически более широкими полномочиями, чем у руководителя данной организации;

е) инициирование дел о взыскании задолженности с объекта будущего захвата [2, с.19].

Анализ мировой практики, мнений различных исследователей, занимавшихся проблемами противодействия рейдерским захватам позволяют выделить несколько принципиально важных моментов, определяющих криминалистический портрет личности лиц, осуществляющих данный вид деятельности:

1. В подавляющем большинстве случаев криминальные рейдерские захваты осуществляются организованными преступными группами; в преступной группе, осуществляющей рейдерский захват, всегда присутствует четкое разграничение функциональных обязанностей.

К.А. Сергеев выделяет следующее деление участников преступной группы по функциональному признаку:

- лица, оценивающие экономическую составляющую поглощаемого предприятия;

- лица, осуществляющие разработку плана и способов (как правовых, так и противоправных) перехвата права управления и использования имущественных комплексов и других активов поглощаемых юридических лиц, их реализацию;

- лица, используемые при совершении лишь отдельных криминальных действий, имеющих подготовительный характер в общей схеме механизма преступной деятельности;

- лица, осуществляющие организацию и объединение в направлении реализации преступного умысла участников трех вышеперечисленных групп [4, с. 83].

Четкое функциональное распределение обязанностей позволяет с одной стороны установить в случае эффективного проведения таких следственных действий, как допрос и очная ставка роль каждого участника в совершении преступного действия, однако в то же время позволяет уйти от ответственности тем участникам группы, чьи действия не несли признаков уголовно-наказуемого деяния. К тому же во многих случаях, именно данные лица могут выступать в качестве организаторов рейдерского захвата.

2. Рейдерский захват представляет собой высокоинтеллектуальное мероприятие. В большинстве случаев это лица, имеющие большой опыт работы в сфере хозяйственной деятельности, опыт в сфере корпоративных взаимоотношений, в области бухгалтерского учета, управления финансовыми и материальными ресурсами и т. д.

Как показывают исследования, в подавляющем большинстве случаев лица, совершающие рейдерские захваты, имеют высшее образование. Они обладают хорошим знанием законодательства, в том числе уголовного и уголовно-процессуального. Хорошо владеют вопросами экономики, гражданского, хозяйственного права и иными знаниями. Кроме того, как отмечается, основная возрастная группа лиц, совершающих рейдерские захваты, – это лица в возрасте от 40 до 50 лет (56,25 %), что свидетельствует о наличии у них, как правило, достаточно большого опыта. В большинстве случаев они ранее не привлекались к уголовной ответственности [5, с. 235].

3. Криминальное рейдерство неразрывно связано с коррупцией. Л.А. Андреевой отмечается, что рамках этой криминальной взаимосвязи «происходит «захват бизнеса» с использованием властных полномочий для обеспечения теневого контроля отдельных групп над целыми отраслями или даже над экономикой в целом. Наметилась тенденция захвата рейдерами непрофильного бизнеса, который может понадобиться не как предприятие, а как занимаемое им здание или земельный участок. В подобном случае наблюдается согласованность и одновременность действий госструктур, органов местного само-

управления, предполагаемых собственников или арендаторов здания или земельного участка» [6, с. 22].

Влияние на формирование всех исследуемых элементов криминалистической характеристики преступления оказывает обстановка совершения преступления. При расследовании преступных посягательств, связанных с криминальным рейдерством, исследование обстановки совершения преступления должно выражаться в установлении времени, места, условий совершения преступления, взаимосвязей между обстановкой совершения преступления и выбором определенного способа его совершения в зависимости от условий, в которых функционирует субъект хозяйствования, профессиональных и иных качеств лиц, совершающих исследуемую категорию преступлений.

По данной категории преступлений в структуру обстановки включаются две категории обстоятельств: основные и дополнительные. К первым относят объекты, явления и процессы, которые характеризуют «вещественные, технические, пространственные, временные, природно-климатические и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся независимо или по воле участников в момент преступления, влияющие на способ его совершения и механизм, проявляющиеся в различного рода следах, позволяющих судить об особенностях этой системы и содержании преступления». К дополнительным относятся обстоятельства, способствующие созданию уязвимости предприятия для рейдерских захватов [1, с. 54–55].

С позиции анализа слеодообразующих событий при совершении преступлений, связанных с криминальным рейдерством, следовая информация состоит из двух связанных между собой частей:

- неправомерного получения контроля над субъектом предпринимательской деятельности, его активами;
- легализации результата, полученного в результате преступной деятельности.

Основным источником следовой информации, отражающим признаки криминального рейдерства, будут являться документы, связанные с деятельностью юридического лица.

Все документы, отражающие следы преступной деятельности, связанной с криминальными переходами прав собственности на юридические лица и их имущественные комплексы можно подразделить:

- на учредительные документы, содержащие сведения, отражающие наименование субъекта, состав его учредителей и участников, структуру и компетенция органов управления и порядок принятия ими решений, размеры уставного капитала и т. д.;
- документы, фиксирующие правовой статус и объем прав физических и юридических лиц в отношении владения и распоряжения акциями, ценными бумагами, имуществом и т. д.

- документы, подтверждающие изменение права отдельных лиц на участие в управленческой и хозяйственной деятельности юридического лица;
- документы, отражающие организационно-управленческую деятельность юридического лица;
- документы, отражающие административно-хозяйственную деятельность юридического лица;
- документы, отражающие удостоверительную деятельность юридического лица [4, с. 95].

Таким образом, подводя итог рассмотрению криминалистической характеристики рейдерства как механизма передела собственности, можно сделать следующие выводы.

С криминалистической точки зрения криминальное рейдерство можно определить следующим образом: тщательно спланированная, высокотехнологичная цепь преступных посягательств, складывающихся из общих элементов механизмов отдельных преступлений и комплексных правовых, экономических и организационных мероприятий, направленных на завладение активами субъекта предпринимательской деятельности.

Механизм криминального рейдерского захвата состоит из отдельных самостоятельных этапов, включающих в себя различные сочетания, законных, противоправных и коллизионных методов достижения преступных целей.

Список цитированных источников

1. Зенкин, А.Н. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным захватом («недружественным поглощением») организаций с использованием подложных документов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Н. Зенкин. – М., 2009. – 274 с.
2. Каменков, В.С. Рейдеры – пираты в белых воротничках / В.С. Каменков // Директор. – 2008. – №. 1. – С. 18–24.
3. Васильченко, К.В. Оперативно-розыскная деятельность в процессе выявления и раскрытия криминального рейдерства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / К.В. Васильченко. – Екатеринбург, 2010. – 175 с.
4. Сергеев, М.А. Основы криминалистической методики расследования преступлений, связанных с присвоениями права на владение и управление предприятиями и организациями (по материалам Уральского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / М.А. Сергеев. – М., 2008. – 166 с.
5. Степанов, С.Д. Криминалистически значимые сведения о лицах, совершивших преступления, связанные с незаконными захватами имущественных комплексов юридических лиц (рейдерство) / С.Д. Степанов // Общество и право. – 2012. – № 4 (41). – С. 234–237.
6. Андреева, Л.А. Рейдерство – общеуголовное преступление / Л.А. Андреева // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 30. – С. 20–28.

Дата поступления статьи – 15.09.2014.

В статье предлагается общее содержательное наполнение отдельных элементов криминалистической характеристики преступлений, связанных с рейдерскими захватами. С криминалистической точки зрения криминальное рейдерство представляет собой тщательно спланированную, высокотехнологичную цепь преступных посягательств, склады-

вающихся из общих элементов механизмов отдельных преступлений и комплексных правовых, экономических и организационных мероприятий, направленных на завладение активами субъекта предпринимательской деятельности. Способы подготовки, совершения и сокрытия данных преступлений интегрируются в высокоинтеллектуальные криминальные технологии, содержащие самые современные и эффективные знания, приемы, методы, средства, соответствующие умения и навыки, объединенные в преступных целях. На основании анализа существующих научных исследований по проблемам противодействия рейдерским захватам рассмотрены такие элементы, как способы подготовки и совершения рейдерских захватов, обстановка совершения, характеристика информации о субъектах совершения, характеристика следовой информации.

In article the general substantial filling of separate elements of the criminalistic characteristic of the crimes connected with raider captures is offered. From the criminalistic point of view criminal raiding represents carefully planned, hi-tech chain of the criminal encroachments consisting of the general elements of mechanisms of separate crimes and complex legal, economic and organizational actions, directed on a taking assets of the subject of business activity. Ways of preparation, commission and concealment of these crimes are integrated into the highly intellectual criminal technologies containing the most modern and effective knowledge, receptions, methods, the means, the corresponding skills united in criminal intents. On the basis of the analysis of existing scientific researches on problems of counteraction to raider captures such elements as ways of preparation and commission of raider captures, a commission situation, the characteristic of information on subjects of commission, the characteristic of trace information are considered.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ

Чуприна Е.П.

Предъявление живых лиц для опознания является одним из важнейших средств установления личности преступника, изобличения его в совершении преступления. Достоверность результатов этого следственного действия напрямую зависит от качества его подготовки и организации. Высокий уровень ответственности следователя за надлежащее выполнение этой задачи определяет также тот факт, что предъявление для опознания по общему правилу не может быть произведено повторно.

Анализ специальной литературы по вопросам тактики предъявления для опознания [1–9], а также следственной практики свидетельствует о том, что процессуальные нормы, регламентирующие порядок производства данного следственного действия, уже давно не отвечают реалиям сегодняшнего дня. Так, возможность опознания живых лиц по функциональным признакам (походке, голосу, устной речи) уже давно реализуется на практике, тем не менее, нормы ст.ст. 223 и 224 УПК Республики Беларусь (далее – УПК) [10] не содержат даже указания на такую возможность, не говоря уже о детальной регламентации порядка ее реализации. В то же время имеющиеся в этих статьях правила предъявления для опознания лица по признакам внешности (т. е. анатомическим признакам), не могут быть в полной мере применены к данной

ситуации. Указанные факторы неизбежно порождают проблемы и разногласия как в теории, так и на практике.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выявить специфику предъявления для опознания живых лиц по сравнению с иными опознаваемыми объектами, пересмотреть и дополнить организационно-тактические основы производства этого следственного действия, а также сформулировать конкретные предложения по вопросам совершенствования его правового регулирования.

Предъявление для опознания живых лиц имеет несколько существенных особенностей, обусловленных спецификой опознаваемого объекта.

Первая особенность лежит в плоскости психологии и заключается в том, что *когда опознаваемым объектом является живой человек, со своими интересами, целями, мотивами, психическим и эмоциональным состоянием, он может намеренно или ненамеренно препятствовать нормальному ходу производства данного следственного действия.*

В большей степени это характерно, когда в роли опознаваемого выступает подозреваемый или обвиняемый, – именно эти участники процесса чаще всего противодействуют расследованию и установлению истины по делу. Мотивами противодействия могут быть страх перед наказанием, стыд за содеянное, боязнь позорящей огласки, желание продолжать преступную деятельность и др.

Типичные способы противодействия опознаваемого лица при предъявлении для опознания:

- перед предъявлением для опознания опознаваемый предпринимает попытки изменить признаки своего внешнего облика;

- во время предъявления для опознания опознаваемый пытается негативно воздействовать на опознающее лицо путем высказывания угроз, демонстрации оскорбительных жестов, агрессивного выражения лица, ухмылки и т. п.;

- во время предъявления для опознания опознаваемый опережает опознающее лицо «разоблачающей» себя фразой («Я – преступник!», «Я – тот самый человек!» и т. п.), и тем самым срывает следственное действие;

- подозреваемый (обвиняемый) настаивает на готовности опознать своих соучастников, намереваясь в действительности исказить результаты следственного действия и сформировать «противодоказательство»;

- опознаваемый отказывается участвовать в предъявлении для опознания.

Очевидно, что все обозначенные ситуации могут отрицательно сказаться на ходе и результатах предъявления для опознания. Поэтому задача следователя состоит в том, чтобы это спрогнозировать и предупредить.

Прогнозирование поведения и действий опознаваемого лица осуществляется посредством глубокого изучения его личности по материалам дела и непосредственно – при производстве следственных действий с его участием. Одним из наиболее эффективных методов, используемых в целях прогнозирования, является рефлексия – размышление, связанное с имитацией мыслей

и действий «противника» и анализом собственных рассуждений. Важную роль в прогнозировании выполняет также интуиция следователя.

Борьба с противодействием предполагает воздействие на мотивы, которые лежат в его основании. В соответствии с мотивами должны выбираться и методы воздействия. В первую очередь, это метод убеждения и различные тактические приемы, направленные на установление психологического контакта с опознаваемым и демонстрацию бессмысленности занятой им позиции (предъявление изобличающих доказательств с целью внушения неизбежности уголовной ответственности, создание впечатления об определенном объеме осведомленности следователя и т. д.).

При неожиданном отказе опознаваемого лица от участия в предъявлении для опoznания к нему могут быть применены тактические приемы, используемые для преодоления отказа от дачи показаний на допросе.

Можно рассмотреть вопрос о целесообразности проведения других видов предъявления для опoznания (по фотографии, видеозаписи, фонограмме), либо вообще отказаться от производства данного следственного действия и – если это возможно – заменить его другим.

Заслуживает внимания также ситуация, когда будущий опознаваемый не противодействует деятельности по расследованию, но обладает неустойчивой психикой, и есть опасения, что на опoznании он будет ненамеренно привлекать к себе внимание опознающего вследствие беспокойства. С таким человеком следователю желательно заранее побеседовать. В рамках беседы необходимо наладить с ним психологический контакт, попытаться ненавязчиво успокоить, настроить на позитивный лад. Можно дать определенный объем информации о предстоящем следственном действии: рассказать о его порядке, составе участников (без сообщения их личных данных), времени, которое оно займет. При необходимости для оказания помощи в организации такой беседы можно привлечь специалиста в области психологии.

Вторая особенность предъявления для опoznания живых лиц заключается в том, что *перед следователем может возникнуть проблема выбора опознающего и опознаваемого из двух лиц, которые изъявляют готовность опознать друг друга.*

Одновременное опознание двумя лицами друг друга противоречит требованиям УПК и является недопустимым. При возникновении указанной проблемы у следователя имеется два варианта действий.

Первый вариант – это последовательное проведение двух самостоятельных предъявлений для опoznания, при этом первое из них проводится в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. Если одно из двух лиц – потерпевший или свидетель, а другое – подозреваемый или обвиняемый, то вначале в качестве опознаваемого выступает подозреваемый (обвиняемый). Важно отметить, что данный вариант действий приемлем при условии, что подозреваемый (обвиняемый) не отрицает свою причастность к совершению преступления и не противодействует процессу расследования.

Второй вариант предполагает однозначный выбор опознаваемого и опознающего. В качестве опознающего лица обычно выбирается тот, кто не имеет заинтересованности в исходе дела, либо тот, чьи показания подкрепляются другими материалами дела и вызывают большее доверие у следствия.

На практике возможна ситуация, когда опознающий не узнает опознаваемого, а последний вдруг заявляет, что узнает опознающего. Данное заявление не имеет доказательственного значения как результат предъявления для опознания, поскольку был получен с нарушением процессуальной процедуры. В любом случае следователь должен зафиксировать его в протоколе предъявления для опознания, а по окончании следственного действия – обязательно допросить опознаваемого. В рамках допроса выясняется, при каких обстоятельствах произошла прежде встреча с опознающим. Впоследствии полученная информация должна быть проверена.

Третья особенность предъявления для опознания живых лиц состоит в том, что *только живое лицо может быть опознано по двум видам признаков: анатомическим и внешним функциональным.*

Соответственно, если с учетом конкретных обстоятельств дела это возможно, в ходе предварительного допроса опознающего информация об опознаваемом выясняется в двух основных направлениях. Решение вопроса о том, по каким признакам – анатомическим или функциональным – следует организовать опознание, зависит от объема и содержания информации, сообщаемой опознающим лицом на допросе. Если допрашиваемый достаточно полно характеризует и те, и другие признаки, вначале организуется опознание по функциональным, а затем – по анатомическим признакам.

При опознании человека по анатомическим признакам в помещение приглашаются понятые, статисты, в числе которых будет предъявлен опознаваемый, а затем сам опознаваемый. Следователь удостоверяется в личности участников, разъясняет им права и обязанности, а также порядок производства следственного действия. Следует обратить внимание понятых на то, что требование закона о предъявлении опознаваемого в числе лиц, схожих с ним по внешности, выполнено. Затем следователь предлагает опознаваемому лицу занять любое место среди статистов.

После этого в помещение входит опознающий. Пригласить его войти может помощник следователя или понятой. Эту задачу может выполнить и сам следователь, но покидать помещение ему при этом нежелательно – лучше воспользоваться телефоном. Это послужит дополнительной гарантией достоверности результатов опознания.

Как только опознающий войдет, следователь удостоверяется в его личности, разъясняет права и обязанности, порядок следственного действия. Если опознающим является потерпевший или свидетель, он предупреждается об уголовной ответственности за отказ или уклонение от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

Затем опознающему предлагается внимательно посмотреть на предъявленных лиц и ответить на вопрос, сформулированный примерно так: «Узнае-

те ли Вы кого-нибудь из этих граждан?» Дальнейшие действия следователя зависят от того, какой ответ дает опознающий:

1. Если опознающий дает уверенный положительный ответ и указывает на конкретное лицо, утверждая, что узнает его, следователь спрашивает опознающего о том, по каким именно приметам и особенностям он опознал этого человека, когда и при каких обстоятельствах он его видел, а также о том, не отмечает ли он каких-либо изменений в его внешнем облике и, если да, то в чем конкретно они выражаются. В заключение следователь предлагает опознанному лицу назвать свою фамилию, имя и отчество, а при отказе – сам оглашает эти данные, ссылаясь на материалы дела.

2. Если опознающий дает отрицательный ответ, утверждая, что никого не узнает, следователь должен уточнить, на чем основывается данное заключение: либо опознающий недостаточно хорошо запомнил человека, которого ранее наблюдал, либо он хорошо его помнит и уверен, что среди предъявленных лиц его нет.

3. Если опознающий не может дать категорического положительного или отрицательного ответа на вопрос следователя, заявляя, что не уверен, есть ли среди предъявленных ему лиц человек, которого он ранее наблюдал, либо выделяя одного из этих лиц фразой типа «он больше всех похож», следователь не должен оказывать на него давление и добиваться ответа в категорической форме – это недопустимо с точки зрения закона и этических норм.

При предъявлении для опознания лица по внешним функциональным признакам все рассмотренные выше процессуальные требования, касающиеся удостоверения в личности участников, разъяснения им прав и обязанностей, подбора лиц, сходных по соответствующим признакам, и т. д., также выполняются. Рассмотрим особенности организации данного следственного действия отдельно по видам опознаваемых функциональных признаков.

Предъявление для опознания **по голосу и устной речи** необходимо проводить в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающим опознаваемого. По нашему мнению, это важное положение должно найти закрепление в УПК, учитывая следующие обстоятельства.

По данным психологической науки, визуальное наблюдение опознающим опознаваемых лиц рассеивает его внимание и не дает в полной мере сосредоточиться на признаках их голосов и устной речи. Кроме того, на достоверность опознания могут оказывать негативное влияние стереотипы восприятия, сформировавшиеся в сознании опознающего, например: «человек с такой приятной внешностью не может быть преступником» или «какое неприятное у него выражение лица – скорее всего, это и есть преступник» и т. п. Наконец, следует учитывать, что при предъявлении для опознания лиц по голосу и устной речи в условиях визуального наблюдения опознающим опознаваемого в качестве статистов должны быть подобраны лица, одновременно схожие с проверяемым лицом и по признакам внешности, и по признакам голоса и устной речи, что крайне сложно реализовать на практике.

С учетом изложенного, рассматриваемое следственное действие рекомендуется проводить в помещении, состоящем из двух смежных комнат, разделенных между собой плотной занавеской или перегородкой, не препятствующей хорошей слышимости. В одной из комнат размещаются следователь, опознаваемое лицо и статисты, в другой – опознающий и понятые.

До приглашения опознающего в смежную комнату следователь предлагает опознаваемому выбрать номер, соответствующий тому, каким по счету он будет говорить (это подходящий аналог процессуальной нормы о предложении опознаваемому занять любое место в группе предъявляемых лиц – очевидно, что сама эта норма в данном случае не работает), и распределяет оставшиеся номера среди статистов. В дальнейшем номер используется в качестве формы обращения к участникам – называть их фамилии и процессуальный статус недопустимо из тактических соображений.

Выделяют четыре основные формы подачи звукового материала предъявляемыми лицами: монолог, диалог, повторение и чтение. Независимо от выбранной формы следователь должен сделать так, чтобы в произносимом тексте неоднократно звучали слова и словосочетания, которые опознающий слышал в момент первоначального восприятия. По просьбе опознающего или усмотрению следователя предъявляемые лица могут повторять отдельные фразы, увеличивать или снижать темп речи, громкость голоса и т. д.

Далее перед опознающим ставится вопрос, узнает ли он кого-нибудь из предъявленных лиц по голосу и устной речи.

Организация предъявления для опознания человека **по походке** предполагает наличие подходящего просторного места, позволяющего обеспечивать надлежащую охрану опознаваемого лица в целях предупреждения какого-либо эксцесса с его стороны. При этом опознающий не должен догадываться, кто является объектом охраны.

Перед началом следственного действия следователь предлагает всем предъявляемым лицам пройти некоторое расстояние, чтобы убедиться в правильном подборе статистов (в строгом соответствии с законом, статисты должны быть схожи с проверяемым лицом не только по признакам походки, но и по признакам внешности). Далее следователь намечает маршрут и объясняет значение сигналов, которые он будет подавать в целях изменения направления и скорости движения. Затем он присваивает опознаваемому номер, соответствующий тому, каким по счету он желает идти, и распределяет остальные номера среди статистов. Все перечисленные действия производятся в отсутствие опознающего.

Указав опознающему место для наблюдения, следователь начинает подавать предъявляемым лицам сигналы для движения в установленной очередности. После завершения процесса перед опознающим ставится вопрос, не узнает ли он походку кого-либо среди предъявленных ему лиц.

Последующие действия следователя – и при опознании по походке, и при опознании по голосу и устной речи – аналогичны по своей сути тем, что были

рассмотрены нами применительно к предъявлению для опознания лица по анатомическим признакам.

Некоторые авторы, указывая на опасность намеренного искажения опознаваемым лицом своих функциональных признаков, рекомендуют проводить данное следственное действие таким образом, чтобы опознаваемый не догадывался об истинном значении происходящего, и только в конце ему должно быть сообщено о сущности совершенного действия и его результатах [7, с. 374–385]. Мы выступаем против подобной практики.

Во-первых, сообщение опознаваемому о проведенном следственном действии только по его окончании нарушает требования целого ряда статей УПК, в частности: ч. 1 ст. 192 и ст. 195, предусматривающих обязанность следователя при привлечении лиц к участию в следственном действии разъяснить им права и обязанности, а также порядок производства данного следственного действия; ч. 2 ст. 224, закрепляющей право опознаваемого занять любое место среди предъявленных для опознания лиц; и, наконец, п. 4 ч. 1 ст. 48, наделяющей защитника правом участвовать в следственных действиях, проводимых с участием его подзащитного, – ведь очевидно, что защитник в рассматриваемой ситуации также остается в неведении.

Во-вторых, приведенная рекомендация противоречит нормам морали. Дело в том, что предъявление для опознания лиц по функциональным признакам производится, как правило, в случае, если данные признаки характеризуются значительным отклонением от нормы, наличием некоторого дефекта (хромота, картавость и т. п.). Известно, что внешне воспринимаемые дефекты порождают определенные психологические проблемы, комплексы у их носителя; и если такой человек *post factum* узнает, что являлся объектом целенаправленного восприятия со стороны других лиц, выполнял для них какие-то двигательные команды и специально не был заранее предупрежден о действительной цели и значении своих действий, это причинит ему психологический дискомфорт, будет воспринято как унижение. А ведь впоследствии может выясниться, что этот человек не имеет никакого отношения к преступному событию.

Для обеспечения достоверности результатов предъявления для опознания лица по функциональным признакам можно дать следующие рекомендации:

1) проводить это следственное действие следует только в случае, если опознающий уверен в возможности опознать лицо и указывает на его конкретные индивидуализирующие функциональные признаки;

2) если в ходе производства по делу предъявлению для опознания лица предшествуют какие-либо другие следственные действия с его участием, целесообразно в процессе их проведения применять видеозапись (либо звукозапись, если предполагается опознание по голосу или устной речи). Тогда непосредственно перед предъявлением для опознания можно напомнить данному лицу, что его внешние признаки, в том числе функциональные, уже запечатлены и теперь нет смысла пытаться их изменять;

3) предъявлять подозреваемого, обвиняемого для опознания в натуре целесообразно в том случае, когда их поведение характеризуется деятельным раскаянием либо хотя бы толерантным отношением к производству по уголовному делу. Если же указанные лица проявляют крайний негатив, цинизм, явное нежелание участвовать в данном следственном действии, следует рассмотреть вопрос о целесообразности предъявления их для опознания по видеозаписи (фонограмме).

В заключение следует отметить, что на практике опознание людей строго по анатомическим и строго по функциональным признакам встречается редко. Чаще всего они используются в комплексе. Так, в процессе предъявления для опознания человека по анатомическим признакам любому из предъявленных лиц, по инициативе опознающего, может быть предложено встать, повернуться, пройти некоторое расстояние и т. д. А предъявление для опознания по походке уже само по себе предполагает возможность наблюдения признаков внешности опознаваемого.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Главной особенностью предъявления для опознания живых лиц является потенциальная возможность опознаваемых намеренно или ненамеренно влиять на ход и результаты данного следственного действия. Задача следователя заключается в том, чтобы спрогнозировать и предотвратить возможное негативное влияние и срыв следственного действия. Решение этой задачи обеспечивается, главным образом, на стадии подготовки к предъявлению для опознания, а также в ходе организации и проведения иных следственных действий посредством: а) глубокого изучения личности опознаваемого; б) принятия организационно-тактических и процессуальных мер, убеждающих опознаваемого в бессмысленности противодействия или практически исключающих саму его возможность; в) привлечения помощи психолога для консультаций и участия в следственном действии; г) тактически грамотного выбора опознаваемого и опознающего.

2. Практика предъявления для опознания без ведома опознаваемого лица противоречит УПК и является недопустимой.

3. Живое лицо является единственным объектом, который может быть опознан по двум видам признаков: анатомическим и функциональным. Ныне действующий процессуальный порядок не отражает специфику предъявления для опознания живых лиц по указанным признакам и поэтому является несовершенным. Представляется целесообразным внести соответствующие изменения и дополнения в ст. 224 УПК, предусматривающие, в частности: а) организацию предъявления для опознания лиц по голосу и устной речи в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающим опознаваемого; б) исключение из общего правила о схожести по внешности с опознаваемым лиц, предъявляемых в группе с ним, если опознание производится по голосу и устной речи, – предъявляемые лица должны быть схожи только по указанным функциональным признакам; в) самостоятельный выбор опознава-

емым лицом очередности демонстрации своих функциональных признаков в группе лиц.

Список цитированных источников

1. Бурыка, Д.А. Проблемы организации и тактики предъявления для опознания / Д.А. Бурыка. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 240 с.
2. Вольская, Т.А. Процессуальные и тактические аспекты предъявления для опознания лиц по голосу и речи: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Т.А. Вольская. – Воронеж, 2006. – 201 с.
3. Гапанович, Н.Н. Оpozнание в следственной и судебной практике / Н.Н. Гапанович. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – 176 с.
4. Гинзбург, А.Я. Оpozнание в следственной, оперативно-розыскной экспертной практике: учеб.-практ. пособие / А.Я. Гинзбург; под ред. Р.С. Белкина. – М., 1996. – 128 с.
5. Дулов, А.В. Тактика следственных действий / А.В. Дулов, П.Д. Нестеренко. – Минск: Вышэйш. школа, 1971. – 272 с.
6. Коршунова, О.Н. Отождествление личности по голосу и речи на предварительном следствии / О.Н. Коршунова. – СПб.: ИПК ПСР ГП РФ, 1995. – 32 с.
7. Криминалистика: учеб. пособие / А.В. Дулов [и др.]; под ред. А.В. Дулова. – Минск: Экоперспектива, 1998. – 416 с. – С. 374–385.
8. Михайлов, А.Е. Предъявление для опознания: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / А.Е. Михайлов. – Владимир, 2011. – 233 с.
9. Ревтов, Ю.И. Оpozнание человека по голосу и особенностям речи в процессе расследования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Ю.И. Ревтов. – Минск, 1988. – 127 с.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З; с изм. и доп. по сост. на 22.09.2012 г. // Эталон – Беларусь [Электронный ресурс] Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014.

Дата поступления статьи – 06.09.2014.

В статье рассмотрены проблемы организации и тактики предъявления для опознания, обусловленные спецификой опознаваемого объекта – живого лица. Сформулированы практические рекомендации по решению выявленных проблем. Особое внимание уделяется вопросам преодоления противодействия со стороны опознаваемых лиц. Обосновывается недопустимость предъявления для опознания без ведома опознаваемых. Автор подробно излагает порядок предъявления для опознания лиц по функциональным признакам (походке, голосу, устной речи), который до сих пор не урегулирован в законе, и предлагает внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь.

The article deals with the issues of organization and tactics of persons' identification conditioned by the specific nature of the object identified, that is of a living person. Practical recommendations are stated to solve the issues revealed. The special attention is given to the matter of breaking opposition of persons' being identified. It is proved that the persons' identification without their knowledge about it is impermissible. The author sets out rules of identification of persons by their functional features (gait, voice, spoken language) that still have not been provided for in law. She offers to make pertinent changes in the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ПРАВОНАРУШЕНИЯМИ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА ДЛЯ СОЗДАНИЯ СПЕЦИАЛЬНО УПОЛНОМОЧЕННОГО СУБЪЕКТА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Гречанюк Р.В.

Коррупция представляет значительную опасность для развития государства и человечества. Это обусловило необходимость разработки средств защиты мирового сообщества, что подтверждается в международных антикоррупционных инициативах, в разработке фундаментальных международных документов по борьбе с коррупцией.

Целью статьи является анализ международных нормативных правовых актов в сфере противодействия коррупции, а также исследование опыта зарубежных стран в вопросах борьбы с коррупцией и создание специально уполномоченных субъектов в сфере противодействия коррупции.

Целью украинского государства, которое направлено на интеграцию Украины в мировое сообщество является приближение украинского законодательства к международным стандартам, имплементация положений международных договоров в такой важной сфере, как борьба с коррупцией. В Украине в сфере противодействия коррупции сделано достаточно много, в частности

1 июля 2011 г. вступили в силу Законы Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» и «О внесении изменений в некоторые законодательные акты». Также были ратифицированы Рамочная Конвенция ООН против организованной преступности; Декларация ООН о преступности и общественной безопасности; Декларация ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях. Украина является членом международных организаций, целью которых является противодействие коррупции.

Значительное внимание вопросам усиления борьбы с коррупцией, ставшей сегодня международной проблемой, уделяется Советом Европы. В последние годы эти вопросы рассматривались на многих европейских форумах. Были приняты совместный проект Комиссии Европейского общества и Совета Европы «Октопус», Конвенция о коррупции в контексте гражданского права, Конвенция о коррупции в контексте уголовного права, Соглашение о создании Группы государств против коррупции (GRECO), утверждены уставы Группы государств по борьбе с коррупцией и комиссии по предотвращению коррупции. Советом Европы создана международная Группа по противодействию коррупции, которая работает под руководством Комитета по уголовным проблемам. Именно этой Группой, в которой принимают участие 16 во-

сточно-европейских стран, в том числе и Украина, вместе с Европейским Союзом разработан проект «Октопус». Эта программа является первой попыткой реальных шагов по борьбе с коррупцией в странах Центральной и Восточной Европы [1, с. 54].

Украина присоединилась к Группе государств Совета Европы против коррупции 1 января 2006 г. Тем самым государство дало согласие проходить оценку со стороны GRECO относительно имплементации в национальное законодательство положений Уголовной и Гражданской конвенций Совета Европы против коррупции, Руководящих принципов борьбы с коррупцией Совета Европы, принятых в рамках выполнения Программы действий против коррупции, одобренной Советом Европы.

Еще одной платформой сотрудничества в сфере предотвращения и противодействия коррупции является Организация экономического и социального развития (ОЭСР), в частности ее Антикоррупционная сеть для Восточной Европы и Центральной Азии. В рамках работы ОЭСР в 2003 г. представителями правительственных делегаций Армении, Азербайджана, Грузии, Российской Федерации, Таджикистана и Украины одобрен Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией Антикоррупционной сети для Восточной Европы и Центральной Азии ОЭСР [2].

Одной из главных рекомендаций указанных международных организаций есть концентрация правоохранительных полномочий в сфере борьбы с коррупцией, которые сейчас фрагментированы; создание специализированных антикоррупционных служб; рассмотрение вопроса о создании национального антикоррупционного органа, который будет специализироваться и иметь полномочия по выявлению, расследованию и преследованию коррупционных правонарушений. Такой орган мог бы быть интегрированным, но структурно независимым, или отдельным органом в рамках существующего правоохранительного органа и/или прокуратуры. Помимо работы над важными коррупционными делами, одной из главных задач такого органа должно быть улучшение межведомственного сотрудничества между многочисленными правоохранительными органами, органами безопасности и финансового контроля в ходе расследования коррупционных нарушений (например, с помощью четких правил отчетности и обмена информацией, создание следственных групп в сложных делах и т. п.).

На сегодняшний день в Украине существуют несколько специально уполномоченных субъектов в сфере противодействия коррупции. Согласно ст. 5 Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции» такими субъектами являются: органы прокуратуры, специальные подразделения по борьбе с организованной преступностью Министерства внутренних дел Украины, по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Службы безопасности Украины. Это приводит к значительному дублированию функций этих органов, а также к неэффективному выполнению ими возложенных на них обязанностей [3].

Проанализировав международный опыт противодействия коррупции, можно сделать вывод, что во многих иностранных государствах уже созданы

специальные антикоррупционные институты, осуществляющие мероприятия, направленные на борьбу с этим негативным явлением.

Изучение основных положений научных публикаций, а также некоторых нормативных правовых актов, регулирующих вопросы противодействия коррупции в отдельных иностранных государствах, позволяет выделить признаки, которым должны соответствовать субъекты такого противодействия:

во-первых, создание органа или органов, специализирующихся на борьбе с коррупцией с помощью правоохранительных мер предусмотрено нормативными правовыми документами ООН, Совета Европы;

во-вторых, важными факторами обеспечения эффективного функционирования таких органов является их независимость, высокий профессионализм сотрудников, надлежащее правовое урегулирование полномочий и деятельности, достаточное финансовое, материальное, техническое и информационное обеспечение мероприятий, которые должны ими реализовываться; поддержка общественности и СМИ;

в-третьих, среди антикоррупционных институтов выделяют: самостоятельные многоцелевые органы, службы в структуре правоохранительных органов, в том числе и специализированные прокурорские, органы по предупреждению коррупции [4, с. 122].

Довольно интересный опыт противодействия коррупции сформировался во Франции. В 1993 г. здесь была создана Центральная служба по борьбе с коррупцией. На нее положены такие важные функции, как централизация информации, необходимой для предупреждения (обнаружения) фактов активной и пассивной коррупции, злоупотребления служебным положением как со стороны государственных служащих, так и частных лиц, взяточничества, действий в корыстных целях, также оказание помощи судебно-следственным органам в случаях их обращений о предоставлении информации, свидетельствующей о фактах правонарушений. Центральная служба также обязана информировать прокурора республики о проведении антикоррупционного расследования [5, с. 40].

В несколько ином формате функционирует субъект противодействия коррупции в Республике Польша. В 2006 г. в стране был создан новый, сверхмощный орган – Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ).

Важным направлением деятельности ЦАБ является контроль доходов и расходов польских служащих. Польские чиновники обязаны декларировать не только свои доходы, но и расходы. Уголовный кодекс прописывает уголовную ответственность в виде лишения свободы сроком до 3 лет за представление ложных сведений о доходах и расходах в декларации.

Другими направлениями работы ЦАБ является профилактика преступности и серьезная аналитическая работа. Выполнение всех этих функций в Польше осуществляет около 1000 человек, работающих в центральном офисе и 11-местных представительствах.

Одной из положительных практик ЦАБ является то, что они не работают для выполнения показателей. Цель работы органа не в том, чтобы прийти и

кого-то наказать. Когда при проверке работники находят мелкие нарушения, это не является причиной для применения санкций.

В борьбе с коррупцией ЦАБ использует огромный арсенал современных спецслужб. Часто применяют они и такую технологию как провокация взятки. Этот исключительный метод используется только к должностным лицам, в отношении которых есть очень серьезные и аргументированные подозрения в коррупции.

Для эффективной борьбы с коррупцией работники ЦАБ должны быть защищены от политического давления. Поэтому Центральное антикоррупционное бюро максимально защищено от любого лишнего вмешательства.

Законодательство республики предусматривает максимально прозрачную процедуру формирования органа и прекрасно защищает его от изменений политической конъюнктуры. В частности, шеф Антикоррупционного бюро назначается на должность и освобождается от нее Премьер-министром только после консультаций с Президентом Польши и при условии наличия соответствующего вердикта со стороны профильной комиссии Сейма. Также каденция председателя ЦАБ не совпадает со сроком полномочий Сейма, и соответственно партийные трансформации совершенно не означают кадровых изменений в бюро.

Хотя Антикоррупционное бюро в своей работе особенно тесно взаимодействует с Премьер-министром и Министерством юстиции, это не мешает ему оставаться беспристрастным и объективным. Способствует этому и чрезвычайно серьезный кадровый отбор сотрудников, ведь чтобы устроиться на работу в ЦАБ нужно иметь безупречную репутацию, пройти десятки различных проверок и тест на полиграфе. Также кадры этой структуры стимулируются достаточно высокими зарплатами [6].

Похожая модель существует и в Республике Молдова. Национальный Центр по борьбе с коррупцией (Центр) Республики Молдова является специализированным органом по предупреждению и борьбе с коррупцией, смежными с коррупцией актами и фактами коррупционного поведения.

Задачами этого Центра являются:

- 1) предупреждение, выявление, расследование и пресечение правонарушений и преступлений в виде актов коррупции, смежных с ними актов и фактов коррупционного поведения;

- 2) предупреждение и борьба с отмыванием денег и финансированием терроризма;

- 3) осуществление антикоррупционной экспертизы проектов законодательных актов и проектов нормативных актов правительства, а также других представленных в Парламент законодательных инициатив в целях установления соответствия их государственной политике по предупреждению и пресечению коррупции;

- 4) обеспечение проведения оценки риска коррупции в органах публичной власти и публичных учреждениях путем обучения и консультирования, мони-

торинга и анализа данных, относящихся к оценке рисков коррупции, а также координирование разработки и выполнения антикоррупционных планов.

Кандидаты на зачисление в Центр подвергаются специальной проверке, тестированию психологических способностей для выполнения обязанностей и тестированию на детекторе симуляции (полиграфе).

Также кандидат, прошедший по конкурсу, зачисляется на должность только после выражения в письменном виде согласия:

1) на тестирование его профессиональной неподкупности, мониторинг его образа жизни;

2) периодическое тестирование сохранения или психологических способностей, необходимых для осуществления своих обязанностей;

3) тестирование на детекторе симуляции (полиграфе) при осуществлении периодических или выборочных проверок служебной деятельности [7].

В Украине Президентом также анонсировано принятие Закона «О системе специально уполномоченных субъектов в сфере противодействия коррупции», целью которого является создание Национального антикоррупционного бюро.

Антикоррупционное бюро будет заниматься расследованием коррупционных преступлений, совершенных высокопоставленными должностными лицами, в частности: министрами, народными депутатами, государственными служащими 1–2-й категории, судьями, работниками Генеральной прокуратуры, военнослужащими высшего офицерского состава, руководителями крупных государственных предприятий.

Антикоррупционное бюро будет создаваться Президентом. Президент будет одобрять состав комиссии бюро из трех представителей от парламента, трех от Президента и трех от правительства. Эта комиссия будет проводить отбор кандидатов на должность главы Антикоррупционного бюро, который затем будет назначаться Президентом. Кандидат на должность директора Антикоррупционного бюро будет назначаться только на 1 срок – на 7 лет, без права быть переизбранным. Законодатели планируют заинтересовать его высокой зарплатой – около 60 тыс. гривен.

На службу в бюро не смогут быть приняты люди, которые до этого занимались борьбой с коррупцией в Генеральной прокуратуре Украины, Министерстве внутренних дел Украины, Службе безопасности Украины, налоговой милиции, военной службе правопорядка в Вооруженных силах Украины и таможенных органах.

Планируется, чтобы в Антикоррупционном бюро работало до 700 человек, из них не более 200 будут аттестованными, со званиями. Антикоррупционное бюро будет вести оперативно-розыскную работу и досудебное расследование. Этот орган на регулярной основе будет отчитываться Президенту, Верховной Раде и правительству.

Антикоррупционное бюро будет заниматься досудебным расследованием преступлений, если предмет преступления будет равен или превысит 610 000

гривен и если одна из сторон, которая совершит преступление будет публичным служащим.

Каждая страна создает для борьбы с коррупцией собственные, в определенной степени специфические, формы и методы, которые учитывают различные культурные и национальные особенности, однако изучение опыта создания и функционирования таких антикоррупционных органов в зарубежных странах представляет значительный теоретический и практический интерес. Отдельные положения, например, по формированию, подотчетности или комплектованию, могут быть взяты за основу при разработке отечественной модели специального антикоррупционного органа.

Список цитированных источников

1. Камлык, М. Коррупция в Украине / М. Камлык, Е. Невмержицкий. – М.: КОО, 1998 – 187 с.
2. Участие Украины в международном сотрудничестве в сфере предотвращения и противодействия коррупции: письмо Министерства юстиции Украины от 22 июня 2011 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/n0042323-11>.
3. О принципах предотвращения и противодействия коррупции: Закон Украины от 7 апреля 2011 года № 3206-VI [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/3206-17>.
4. Заброда, Д.Г. Основные модели государственных институтов, ответственных за реализацию государственной антикоррупционной политики / Д.Г. Заброда, А. Кашкаров // Форум права. – 2013 – № 4 – С. 121–126 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nbuv.gov.ua/jpdf/FP_index.htm_2013_4_23.pdf.
5. Мартел, Ж.-Ф. Служба чиновника. Управление его карьерой: правовое регулирование или анархия? / Ж.-Ф. Мартел // Кадровая работа за рубежом. – М.: ИНПАБ, 1998 – Вып. 4 – С. 34–48.
6. Ustawa z dnia 9 czerwca 2006 r. o Centralnym Biurze Antykorupcyjnym (Dz. U. z dnia 23 czerwca 2006 r.) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prawo.lego.pl>.
7. О Национальном центре по борьбе с коррупцией: Закон Республики Молдова от 6 июня 2002 г. № 1104-XV [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5117.

Дата поступления статьи – 08.09.2014.

В статье анализируются международные нормативные правовые акты в сфере противодействия коррупции, а также исследуется опыт зарубежных стран в вопросах борьбы с коррупцией и создания специально уполномоченных субъектов в сфере противодействия коррупции.

Одной из главных рекомендаций международных организаций по борьбе с коррупцией есть концентрация правоохранительных полномочий в сфере борьбы с коррупцией; создание национального антикоррупционного органа, который будет специализироваться и иметь полномочия по выявлению, расследованию и преследованию коррупционных правонарушений.

В статье анализируется положительный опыт создания специально уполномоченного субъекта в сфере противодействия коррупции на основании изучения нормативных правовых актов Франции, Республики Польша и Республики Молдова.

Также рассмотрено основные положения анонсированного Президентом Украины законопроекта «О системе специально уполномоченных субъектов в сфере противодействия коррупции», целью которого является создание в Украине Национального антикоррупционного бюро.

The article analyzes the international legal acts in the field of anti-corruption and investigates the experience of foreign countries in the fight against corruption and the creation of a specially authorized subject in the field of anti-corruption.

One of the main recommendations of the international organizations in the fight against corruption is the concentration of the powers of law enforcement in the fight against corruption; establishment of a national anti-corruption body, which will specialize and have the authority to identify, investigate and prosecute corruption offenses.

The article analyzes the positive experience of creating a specially authorized subject in the field of anti-corruption on the basis of the study of legal acts of France, the Republic of Poland and the Republic of Moldova.

Also the main provisions of the bill announced by the President of Ukraine «On the system of specially authorized subjects in the field of anti-corruption», which aims to create in Ukraine National Anti-Corruption Bureau, were examined.

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РИСКА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬШИ И БОЛГАРИИ)

Цуприк А.Н.

В условиях модернизации экономики и формирования деловой активности в Республике Беларусь проблема обоснованного делового риска приобретает все большую актуальность. Совершенствование хозяйственных отношений требуют принятия инновационных управленческих решений от руководителей субъектов хозяйствования. Однако принятие таких решений содержат определенную степень риска наступления вреда правоохраняемым интересам материально-правового характера с точки зрения приращения экономического эффекта от экономической деятельности. В силу общественно полезного характера рискованной деятельности законодатели многих европейских стран пошли по пути закрепления в уголовных законах понятия риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, определив условия его правомерности [1, с. 33–40].

При анализе нормы белорусского уголовного законодательства об обоснованном риске (ст. 39 Уголовного кодекса Республики Беларусь) (далее УК) как обстоятельстве, исключающем преступность деяния в экономической сфере деятельности, интерес представляют соответствующие положения законодательства ряда зарубежных европейских стран.

В большинстве уголовных кодексов стран мира не содержится вообще прямых указаний на допустимость причинения вреда в ситуациях риска. Институт обоснованного риска не предусматривается и в уголовном законода-

тельстве многих стран континентальной Европы, за исключением Польши, Болгарии и стран СНГ.

В основном такая позиция законодателя связана с тем, что соответствующие действия могут признаваться непроступными при наличии условий правомерности крайней необходимости. Конструкция статей о крайней необходимости в УК таких стран по существу охватывает случаи оправданных рискованных действий. Хотя соответствующие нормы не содержат термин «риск», но само явление ими охватывается (например, по УК Франции, КНР, Швейцарии).

Отсутствие в уголовных законах конкретной нормы об обоснованном риске не является свидетельством того, что рискованные деяния не находят должной оценки со стороны судебно-следственных органов таких государств. В уголовно-правовой доктрине и практике существуют различные подходы и способы в оценке правомерности допускаемого риска. Так, УК Франции не предусматривает обоснованный риск в качестве оправдательного факта, освобождающего от уголовной ответственности. Судебно-следственные органы оценивают действия лица в ситуации допущенного риска как обоснованные (правомерные) только в том случае, если «совершенные действия разрешены или предписаны законом или подзаконным актом» (ст. 122-4 УК Франции), и оценка правомерности дается на основе дифференциации условий правомерности различных видов риска [2, с. 12]. Таким же образом рассматривается риск в уголовном законодательстве Испании: действия лица признаются правомерными (обоснованными), если они осуществляются на основании «своего законного права, профессиональных или должностных обязанностей» и освобождают рискующего от «уголовной ответственности» в случае причинения вреда правоохраняемым интересам (ч. 7 ст. 21 УК Испании) [3, с. 18].

В уголовных законах ряда европейских государств (Болгария, Польша, Литва, Латвия, страны СНГ) содержатся нормы об обоснованном риске. При этом юридическая природа риска, признаки рискованных ситуаций и условия правомерности осуществления рискованных действий, причинивших вред, в разных странах определяются неодинаково. Так, уголовные законы Кыргызстана, Казахстана и других государств СНГ, а также УК Польши указывают, что причинение вреда в такой ситуации устраняет преступность деяния. В Уголовном законе Латвии отмечается, что при этом исключается уголовная ответственность [4, с. 81].

Кроме того, сферы деятельности, в которых причинение вреда признается правомерным, также не идентичны и соответствующая статья УК не во всех кодексах называется «Обоснованный риск». Основные виды риска, наиболее чаще встречающиеся в зарубежных УК, это профессиональный риск (в любой сфере профессиональной деятельности), экспериментальный риск (при проведении научных экспериментов) и экономический (риск при осуществлении хозяйственной деятельности). В УК Украины речь идет о деянии, связанном с риском, в УК Грузии – о правомерном риске, УК Латвии – только об оправ-

данном профессиональном риске, УК Узбекистана – об оправданном профессиональном и экономическом риске. УК Польши ограничивает сферу дозволенного риска областью эксперимента, проводимого в познавательных, медицинских, технических или экономических целях, УК Литвы оправданным называет профессиональный или экономический риск, а УК Болгарии – только экономический риск.

В ст. 39 УК говорится об обоснованном риске, при этом не выделяются сферы деятельности действия данной нормы. В этой связи высказано мнение о необходимости расширить основания применения обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния, дополнив соответствующую норму УК понятием «экономический (деловой) риск». Речь идет о принятии управленческих решений непосредственно уполномоченными на это субъектами ведения бизнеса (экономической деятельности), которые объективно и субъективно направлены на решение определенных экономических задач при сохранении риска возникновения нежелательных в экономическом отношении последствий для себя и иных субъектов экономической деятельности [5, с. 262].

Весомым аргументом для введения понятия экономического (делового) риска является положительный опыт наличия норм об обоснованном экономическом риске в уголовном законодательстве зарубежных стран. Рассмотрим законодательные решения по данному вопросу в УК Польши и Болгарии.

В УК Болгарии норма об обоснованном риске закреплена в ст. 13-а. В п. 1 этой статьи сказано, что не является общественно опасным деяние, совершенное при оправданном экономическом риске для достижения существенного общественно полезного результата или во избежание значительного вреда, если оно не противоречит определенному запрету, установленному нормативным актом, отвечает современным научно-техническим достижениям и опыту, не подвергает опасности жизнь и здоровье другого лица, и лицо предприняло все, зависящее от него, для предотвращения наступления вредных последствий [6].

Законодателем Болгарии понятие обоснованного риска ограничено лишь оправданным экономическим риском и особенно выделено то обстоятельство, что важным признаком и условием правомерности риска является отсутствие опасности для жизни и здоровья других лиц при осуществлении рискованной деятельности.

Такая позиция законодателя по сути является отражением существующей в доктрине уголовного права точки зрения, согласно которой объектом риска должны являться только материальные и вещественные факторы [7, с. 137].

По нашему мнению, данная точка зрения является абсолютно оправданной относительно обоснованного экономического риска, так как объектом такого риска являются материальные ресурсы, а не жизнь и здоровье человека, что демонстрирует его существенное отличие от других видов обоснованного риска.

Нестандартную позицию избрал законодатель Польши, ограничив понятие обоснованного риска (том числе экономического) проведением соответствующей

щего эксперимента. В УК Польши весьма подробно регламентированы условия правомерности обоснованного риска. Согласно § 1 ст. 27 не совершает преступления тот, кто действует с целью проведения познавательного, медицинского, технического или экономического эксперимента, если ожидаемый результат имеет существенное познавательное, медицинское или хозяйственное значение, а надежда на его достижение, целесообразность и способ проведения эксперимента обоснованы в свете современного уровня знаний [8].

Таким образом, УК Польша четко ограничивает область дозволенного экономического риска областью эксперимента, проводимого в экономических целях. При этом польский законодатель экономический риск выделяет отдельной категорией, подчеркивая исключительность данной сферы деятельности. Однако в УК Польши (в отличие от УК Болгарии) хотя содержится условие-запрет на проведение эксперимента без согласия участников, которые в нем участвуют при условии их осведомленности о грозящих им отрицательных последствиях, а также о вероятности их возникновения (§ 2 ст. 27 УК). Но в буквальном понимании указанная норма не содержит прямого запрета ставить в опасность жизнь и здоровье человека при проведении экономического эксперимента.

УК Беларуси (ч. 3 ст. 39) хотя и содержит требование на получение свободного и информированного волеизъявления лица на участие в рискованных действиях, связанных с возможностью причинения вреда их здоровью, но также не содержит четкого запрета на причинение такого вреда.

Такая ситуация в польском и белорусском законодательствах сложилась из-за того, что законодателем не разграничивается риск производственный, где жизнь человека может быть поставлена в опасность, и собственно экономический риск, связанный с нестандартным управленческим решением экономического свойства, реализация которого не исключает возможности наступления нежелательных последствий исключительно материального характера.

УК Болгарии требует при определении степени оправданности экономического риска принимать во внимание как соотношение ожидаемого положительного результата и возможных отрицательных последствий, так и вероятность их наступления (ст. 13-а (2)). То есть дополнительно содержит требование определенной соразмерности угрожающей опасности и причиненного при рискованных действиях вреда. Наличие такого определения степени оправданности рискованных действий, более характерное для понятия крайней необходимости. Возможно, это связано с тем, что в УК Болгарии отсутствует такой ограничительный признак, вызывающий наибольшее количество дискуссий в научных кругах, как невозможность достижения поставленной экономической цели нерискованными действиями.

Отсутствие данного признака обоснованности экономического (делового) риска явилось отражением научных дискуссий в доктрине уголовного права многих европейских стран относительно специфики данного вида риска. Следует согласиться с мнением, что экономический (управленческо-деловой) риск должен признаваться оправданным и в том случае, если поставленные

экономические цели могли быть достигнуты и не рисковыми действиями [7, с. 12; 9, с. 31].

Считаем действующую позицию законодателя приемлемой только для производственно-технологических рисков. Но она неприемлема как условие обоснованности (оправданности) для экономического (делового) риска. Обоснованием такой позиции является то, что объектом экономического (делового) риска выступает неудача сугубо материально-правового характера с точки зрения прироста и получения желаемого экономического результата. Излишние ограничения приведут лишь к управленческой безынициативности в принятии новаторских и нестандартных решений в области организации, планирования и осуществления экономической деятельности.

Важным условием правомерности экономического (делового) риска является необходимость принятия лицом, допускающим риск, всех возможных мер для предотвращения вреда правоохраняемым экономическим интересам. В ст. 13-а УК Болгарии оно звучит следующим образом: «Лицо предприняло все, зависящее от него, для предотвращения наступления вредных последствий».

Подводя итог, следует отметить, что по своей сути экономический (деловой) риск имеет ряд особенностей по сравнению с другими видами обоснованного риска, а общие условия правомерности делают невозможным его применение на практике применительно к рискованным управленческим решениям. Полагаем, что оптимальным является введение в УК Республики Беларусь понятия обоснованного делового риска и определение для него наряду с действием общих условий правомерности и специфических условий его применения.

Список цитированных источников

1. Файгер, А. Регламентация обоснованного риска в национальном и зарубежном уголовном законодательстве / А. Файгер // Закон и жизнь. – 2008. – № 4. – С. 33–40.
2. Козаев, Н.Ш. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Н.Ш. Козаев; Московская академия МВД России. – М., 2000. – 23 с.
3. Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова. – М.: Зерцало, 1998. – 218 с.
4. Михайлов, В.И. Обоснованный риск в уголовном праве / В.И. Михайлов // Законодательство. – 2001. – № 7. – С. 73–82.
5. Коррупционная преступность: криминол. характеристика и науч.-практ. коммент. к законодательству о борьбе с коррупцией / В.В. Асанова [и др.]; под общ. ред. В.М. Хоми-ча. – Минск: Тесей, 2008. – 504 с.
6. Уголовный кодекс Республики Болгария / под ред. А.И. Лукашова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 298 с.
7. Шурдумов, А.Ю. Обоснованный риск, как обстоятельство, исключающее преступность деяния: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / А.Ю. Шурдумов; Москов. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2003. – 190 с.
8. Уголовный кодекс Республики Польша / под ред. А.И. Лукашова, Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 234 с.

Дата поступления статьи – 25.08.2014.

Статья посвящена изучению уголовного законодательства зарубежных стран, регулирующего допустимость причинения вреда в ситуациях экономического риска. Автором изложены основания для совершенствования существующего белорусского законодательства об обоснованном риске в результате проведенного анализа условий его правомерности. Экономический риск имеет ряд особенностей по сравнению с другими видами обоснованного риска, а общие условия правомерности делают невозможным его применение на практике. Сделан вывод о необходимости введения в уголовный кодекс Республики Беларусь понятия обоснованного делового риска и определение для него собственных условий правомерности.

Article examines the criminal laws of foreign countries governing the admissibility of harm-doing in situations of risk. The author sets out the grounds for improving the existing Belarusian legislation on the grounded risk as a result of the analysis of conditions of its legality. Economic risk has a number of specific features if compared with other types of reasonable risk, and the general conditions of legality make it impossible to enforce in in practice. The conclusion is made about the need to introduce into the Criminal Code of the Republic of Belarus the concept of informed business risk and definition for it own conditions legitimacy.

ЛОББИЗМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Шакель Н.В.

Лоббирование – это оказание воздействия на государственные органы (в основном – законодательные) с целью склонения их к принятию политических решений или распределения ресурсов, отвечающих интересам определенных групп. Деятельность по оказанию такого воздействия в юридической литературе определяется понятием «лоббизм».

Термин «лоббизм» происходит от англ. слова *lobby* (кулуары). Появление данного термина связано с тем, что именно в коридорах британского парламента в XIX в. собирались различные группы для того, чтобы встретиться с членами палат парламента в целях оказания влияния на принимаемые решения. Следует отметить, что существование таких связей между законодателями и частными лицами в англо-саксонской правовой системе воспринималось (и воспринимается) положительно (как показатель наличия гражданского общества и высокой оценки значимости его вклада в принятие решений) [1].

Вместе с тем на постсоветском пространстве лоббизм, наряду с фаворитизмом, протекционизмом, кумовством и т. п., традиционно относится к деятельности, которая воспринимается как имеющая непосредственное отношение к коррупции [2].

Так, например, отечественные исследователи отмечают, что в основе негативного отношения к этому и иным подобным явлениям «лежит внутренне при-

сущее им неправомерное получение преимуществ, хотя изначально и не материальных, но в своем итоге предоставляющих доступ к получению благ материальных, размеры которых могут несравнимо превосходить доходы от примитивного взяточничества. ... Стремление бизнеса к прямым рычагам управления экономикой – это стремление подчинить себе власть, в этом стремлении бизнес срастается с организованной преступностью, что создает непосредственную угрозу государственной и национальной безопасности» [2].

Российские ученые также говорят о том, что в России любое влияние на властные органы для продвижения частных интересов всегда воспринимается в негативном ключе как проявление коррупции [3].

В зарубежной практике достаточно давно идет поиск механизмов, направленных на приведение деятельности групп и лиц, лоббирующих те или иные интересы, в правовое русло. Признавая отсутствие возможности исключить воздействие заинтересованных юридических и физических лиц на деятельность уполномоченных государственных органов, ряд стран пошли по пути создания максимально прозрачных условий их деятельности.

Представляется, что цивилизованное лоббирование интересов – важный шаг в противодействии коррупционным проявлениям. При этом следует учитывать, что далеко не каждое воздействие на уполномоченные государственные органы и организации является негативным, незаконным, свидетельствует о наличии коррупции.

Об этом говорят результаты исследования, проведенного в 2009 г. Парламентской ассамблеей Совета Европы. Как отмечается в отчете: «Лоббирование, которое происходит в соответствии с ясными, прозрачными правилами, – это законная часть демократической системы и один из способов, позволяющих гражданам выразить беспокоящие их вещи. Более того, ... обратная связь помогает информированному и сбалансированному осуществлению общественных дел» [1].

Правила, регулирующие осуществление лоббизма в зарубежных государствах, обычно включают в себя следующие меры:

- 1) создание специального реестра лоббистов (включение в данный реестр может быть как добровольным, так и обязательным);
- 2) создание и применение кодекса этики для лоббистов;
- 3) включение соответствующих положений в кодекс этики для публичных должностных лиц.

Включение лоббистов в реестр влечет для них определенные последствия, как в части предоставления им дополнительных прав (на получение информации, посещение заседаний), так и определенных обязанностей.

Так, например, в Европейском союзе лица, которые осуществляют деятельность, целью которой является прямое или косвенное воздействие на формулирование или имплементацию политики, а также процессы принятия решений институтами Европейского союза, должны регистрироваться в Совместном реестре Европейской комиссии и Европейского парламента. При этом такие лица обязаны указать сферу своих интересов, чтобы получать уве-

домления на электронную почту о каких-либо общественных обсуждениях, начинаемых Европейской комиссией в этих сферах.

Во Франции, наряду с определенными правами, на зарегистрированных при Сенате лоббистов возлагается обязанность декларировать любые приглашения в зарубежные поездки, которые они могут предоставить сенаторам, их персоналу, иным сотрудникам Сената.

В США зарегистрированные лоббисты обязаны каждые шесть месяцев предоставлять детализированный отчет о своей деятельности, включая примерную сумму своих расходов, относящихся к лоббистской деятельности. Сенаторы не могут становиться зарегистрированными лоббистами до истечения двух лет с момента оставления должности.

По состоянию на октябрь 2012 г. в Конгрессе США было примерно 34 000 лоббистов. Список «групп лиц, действующих в интересах определенных кругов» (лобби) в Бундестаге Германии, насчитывал порядка 2 100 групп. В Совместном реестре Европейской Комиссии и Европейского парламента имелось 5 431 зарегистрированных лоббистов, которые представляли около 27 000 заинтересованных лиц [1].

Следует отметить, что в настоящее время деятельность по лоббированию не получила в Республике Беларусь должного внимания ни в юридической литературе, ни в законопроектной деятельности.

Возможно отметить только, наверно, положения Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», в п. 9.4 которой содержится требование ввести в практику работы республиканских органов государственного управления и иных государственных организаций, подчиненных Правительству Республики Беларусь, облисполкомов и Минского горисполкома обязательное общественное обсуждение проектов актов законодательства, которые могут оказать существенное влияние на условия осуществления предпринимательской деятельности, в том числе посредством создания при этих государственных органах (организациях) общественно-консультативных и (или) экспертных советов с участием представителей субъектов предпринимательской деятельности, их объединений (союзов, ассоциаций), а также размещения указанных проектов на официальных сайтах государственных органов, других организаций в глобальной компьютерной сети Интернет и (или) средствах массовой информации.

Анализируя данную норму, П.В. Агеенков отмечает, что именно через участие в ассоциациях предприятия страны получают «возможность не только быть в курсе предстоящих изменений в законодательстве, но и оказывать непосредственное влияние на их суть и содержание. С реализацией данной нормы лоббирование интересов отдельных предприятий уступит место активному волеизъявлению групп предприятий, представляющих различные отрасли экономики страны» [4, с. 57].

На постсоветском пространстве в плане регламентации лоббизма представляет интерес Модельный закон «О регулировании лоббистской деятельности в ор-

ганах государственной власти» (постановление МПА СНГ от 15 ноября 2003 г. № 22-16) (далее – Модельный закон СНГ) [5]. В числе целей данного закона – содействие осуществлению конституционных прав граждан на участие лично или через различные организации в управлении делами государства посредством воздействия на процесс принятия решений органами государственной власти; легализация продвижения в структурах власти отраслевых, региональных, корпоративных, общественных, частных и иных групповых интересов.

Модельный закон СНГ определяет лоббистскую деятельность как деятельность граждан, а также их объединений по установлению контактов с должностными лицами и депутатами органов законодательной власти с целью оказания влияния от имени и в интересах конкретных клиентов на разработку, принятие и осуществление указанными органами законодательных актов, политических решений, подзаконных нормативных актов, административных решений.

Таким образом, лоббистом является гражданин, осуществляющий за денежное (гонорар) либо иное вознаграждение лоббистскую деятельность в интересах третьих лиц, прошедший государственную регистрацию и имеющий доверенность от клиента с указанными полномочиями, а также сотрудник организации, в служебные обязанности которого входит осуществление лоббистской деятельности от имени и в интересах этого юридического лица. Лоббистом может быть только физическое лицо.

В соответствии с Модельным законом СНГ лоббист имеет право на получение в соответствующих государственных органах любой открытой информации, а также всех поправок и предложений по интересующему его законопроекту, иному нормативному акту. Эту информацию лоббист получает в канцеляриях соответствующих органов государственной власти в качестве платной услуги. Лоббисту гарантируются допуск в органы исполнительной и законодательной власти, их структурные подразделения и департаменты, возможность встреч с соответствующими депутатами и должностными лицами в порядке, установленном указанными органами. Лоббист вправе передавать на рассмотрение в органы государственной власти информационно-аналитические материалы, а также предложения по законопроектам, политическим и административным решениям.

Лоббист обязан, в числе прочего:

- зарегистрироваться в министерстве юстиции и получить лицензию на право занятия лоббистской деятельностью;
- получить аккредитацию в том органе, в котором предполагается осуществлять лоббистскую деятельность;
- представить должностному лицу, с которым вступает в лоббистский контакт, информацию о своей регистрации в министерстве юстиции, в том числе дату регистрации и номер лицензии;
- представлять по итогам деятельности отчеты в установленном порядке.

Вместе с тем рассматриваемый Модельный закон СНГ пока не стал основой для принятия соответствующих правовых актов на постсоветском пространстве.

Так, несмотря на то что данная проблематика достаточно давно обсуждается в Российской Федерации (далее – РФ), действующие правовые акты по вопросу лоббизма в настоящее время отсутствуют. Если проследить историю вопроса, то еще Указом Президента РФ от 31 июля 2008 г. Пр-1568, утвердившим Национальный план противодействия коррупции, Министерству юстиции РФ было поручено внести до 1 октября 2010 г. в президиум Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции предложение о целесообразности формирования в РФ института лоббизма [6]. Национальный план противодействия коррупции на 2012–2013 гг. требовал от уполномоченных государственных органов «организовать обсуждения с представителями различных социальных групп вопроса о механизме формирования в Российской Федерации института лоббизма. По результатам обсуждений и с учетом опыта других государств, а также рекомендаций международных организаций внести до 1 декабря 2012 г. конкретные предложения по формированию в Российской Федерации института лоббизма в президиум Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции» [7]. Наконец, действующим в настоящее время Национальным планом противодействия коррупции на 2014–2015 гг. Правительству РФ поручено внести предложения о создании нормативной правовой основы деятельности граждан и организаций по продвижению интересов социальной группы или индивида в государственных и муниципальных органах в целях принятия наиболее благоприятного для данной социальной группы или данного индивида решения (лоббизма), включая подготовку предложений о нормативном закреплении за соответствующим федеральным органом исполнительной власти функции разработки и реализации мер по последовательному введению в практику института лоббизма и о соответствующем кадровом усилении этого направления работы

(о результатах исполнения следует доложить до 1 марта 2015 г.) [8].

Следует отметить, что в истории России неоднократно предпринимались попытки создания правовых актов в сфере лоббизма, в которых определялись конкретные сферы, методы, субъекты лоббистской деятельности, их статус. Первый такой акт был внесен в Государственную Думу РФ в 1996 г. (проект Федерального закона «О регулировании лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти»), однако он был отозван субъектом законодательной инициативы. В 1997 г. в Государственную думу РФ был внесен проект Федерального закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», авторы которого пытались ограничить иностранное влияние на принятие решения органами государственной власти. Данный проект, как и проект Федерального закона «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти», внесенный в Государственную Думу РФ в 2003 г., не были приняты. Как

отмечают российские правоведы, все указанные акты были направлены на создание соответствующих цивилизованных механизмов, но они не в полной мере учитывали особенности российского лоббизма [9, с. 56].

Очевидным является тот факт, что деятельность по лоббированию интересов определенных групп осуществляется в той или иной мере во всех странах мира. При этом достаточно часто такое лоббирование носит противоправный характер. В связи с этим в основные конвенции по борьбе с коррупцией включен запрет на осуществление злоупотребления влиянием (см. ст. 12 Конвенции Совета Европы № 173 «Об уголовной ответственности за коррупцию (ETS N 173)», ст. 18 Конвенции ООН против коррупции).

Вместе с тем, исходя из сложившихся за рубежом подходов, если влияние оказывается правомерно, в соответствии с установленной процедурой, должной степенью прозрачности и подотчетности, это не является коррупционным деянием. При этом признается отсутствие необходимости принятия специального законодательного акта, посвященного вопросу лоббирования. Результаты исследования, проведенного Советом Европы, показывают, что из 32 членов Совета Европы только в Австрии, Литве, Македонии, Сербии, Польше и Словении есть нормативные правовые акты по лоббизму в парламенте. В остальные страны данная сфера не получила законодательного регулирования [9]. Соответствующие правила содержатся в кодексах этики, локальных актах парламентов и иных органов, чья деятельность подвержена лоббированию.

В заключение отметим, что лоббирование интересов тех или иных лиц в органах государственной власти, в особенности – законодательной, является реалией сегодняшнего дня. Данное явление, однако, не должно восприниматься исключительно в негативном свете, как однозначно свидетельствующее о наличии коррупционных взаимоотношений между представителями общества и государства. Более того, лоббирование, учитывающее законные интересы и потребности общества, осуществляемое в соответствии с установленными процедурами на принципах открытости и прозрачности, может стать значимым инструментом противодействия коррупции. При формировании отечественных подходов к проблематике лоббизма в целях обеспечения понятных «правил игры» надлежит учитывать положения международных конвенций и опыт зарубежных государств.

Список цитированных источников

1. Doublet, Y.-M. Lobbying and corruption / Y.-M. Doublet / GRECO: Thirteenth General Activity Report [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: [http://coe.int/t/dghl/monitoring/greco/documents/2013/Greco\(2013\)1_Gen.Act.Report2012EN.pdf](http://coe.int/t/dghl/monitoring/greco/documents/2013/Greco(2013)1_Gen.Act.Report2012EN.pdf). – Mode of access: 12.05.2014.
2. Бабий, Н.А. Может ли взятка быть нематериальной? / Н.А. Бабий // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.
3. Едкова, Т.А. Участие институтов гражданского общества в борьбе с коррупцией: науч.-практ. пособие / Т.А. Едкова [и др.]; отв. ред. Ю.А. Тихомиров // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2014.

4. Агеенков, П.В. Создаем ассоциацию / П.В. Агеенков // Промышленно-торговое право. – 2011. – № 5. – С. 56–61.
5. О модельном законе «О регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти»: постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств № 22-16 (г.Санкт-Петербурге, 15.11.2003) // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». – Минск, 2014.
6. Национальный план противодействия коррупции на 2010–2011 годы: утв. През. Рос. Фед., 31.07.2008, № Пр-1568 // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2014.
7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 годы и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции: Указ Президента РФ, 13.03.2012, № 297 // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2014.
8. О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы: Указ Президента РФ от 11.04.2014 № 226 // Консультант Плюс: Версия Проф [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2014.
9. Колосова, Н.М. Лоббизм и коррупция / Н.М. Колосова // Журнал российского права. – 2014. – № 2. – С. 53–59.

Дата поступления статьи – 19.08.2014.

В настоящей статье рассмотрены истоки появления механизма лоббирования, изучены соответствующие правовые нормы и некоторые аспекты зарубежного опыта практической деятельности лоббистов. Отмечается, что попытки оказать влияние на принятие решений уполномоченными органами предпринимались всегда, что зачастую становилось основанием для подозрений в коррупции. Автор приходит к выводу о том, что если механизмы влияния на принятие решений прозрачны для публики, лоббизм может стать одним из инструментов борьбы с коррупцией.

Lobbying as instrument of counteracting corruption: foreign experience

The article studies sources of emergence of the lobbying mechanism, relevant legal norms and some aspects of foreign experiences of practical activities of lobbyists. It is noted that attempts to impact the decision-making of competent authorities were made throughout the history, which sometimes led to suspicions of corruption. The author concluded that when instruments of influencing the decisions are transparent for public lobbyism itself becomes one of the instruments of fight against corruption.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЯЖКОЙ И ОСОБО ТЯЖКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Хомич В.М., Русецкий О.В.

Вводные положения

В действующем Уголовном Кодексе Республики Беларусь (ст. 12) все преступления делятся на четыре базовые группы. Основанием данной классификации выступают характер и степень общественной опасности, которые определяют величину наказаний в санкциях уголовных норм. Ведущим в характере общественной опасности преступлений закон признал вину. Тяжкие и особо тяжкие преступления – только умышленные деяния.

Впервые в отечественном уголовном законодательстве попытка такой классификации была предпринята в конце существования СССР. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., не вступившие в силу из-за развала Союза, содержали ст. 9 «Классификация преступлений», которая устанавливала, что преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности подразделяются на не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. До этого на протяжении более века законодатель использовал двух- и трехчленную категоризацию преступных деяний, в основе которой лежали соответствующие тому или иному периоду представления о степени и характере общественной опасности деяний.

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года преступные деяния подразделялись на две большие группы – преступления и проступки. Уголовное уложение 1903 года приняло трехчленную категоризацию преступных деяний. Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание смертная казнь, каторга или ссылка на поселение, именовались тяжкими преступлениями. Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, именовались преступлениями. Преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание арест или денежная пеня, именовались проступками.

В советский период первую категоризацию содержали Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. Они различали две категории преступлений, по их общественной опасности и кон-

струкции санкций в статьях УК. Первая категория – «наиболее опасные, направленные против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волею рабочих и крестьян». Вторая – «все иные». За первую категорию санкции конструировались с указанием нижнего предела, не подлежащего смягчению. В санкциях второй категории напротив указывались высшие пределы наказания.

В Основах 1958 г. категоризация преступлений на большие группы не была завершена. В первоначальной редакции Основ ее вовсе не содержалось. В 1970 г. в Основы была включена ст. 71, которая вводила понятие тяжкого преступления. В 1977 г. в Основы была включена норма о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности. Республиканские УК до этого общесоюзного закона 1977 г. говорили о малозначительных преступлениях, дела о которых можно было передавать на рассмотрение товарищеских судов, и о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, виновные в которых взрослые лица могли быть переданы трудовым коллективам на поруки, а несовершеннолетние – в комиссии по делам несовершеннолетних. В научной и учебной литературе выделяли также менее тяжкие преступления.

В настоящее время в соответствии с УК Республики Беларусь к тяжким преступлениям относятся умышленные преступления, за которые законом предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок не свыше двенадцати лет, к особо тяжким – умышленные преступления, за которые законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двенадцати лет, пожизненного заключения или смертной казни. Изменения в ст. 12 УК, направленные на смещение границ санкций и расширение спектра менее тяжких и тяжких преступлений за счет преступных деяний большей тяжести, вносились в 2003 г.

В большинстве УК государств мира уголовно-правовые деяния дифференцируются на две или три категории и самые мелкие часто называются уголовными проступками. Наиболее общим основанием категоризации преступлений являются характер и степень общественной опасности деяний, которые конкретизированы формой вины и величиной санкций в виде максимального срока лишения свободы.

УК Франции 1992 г. подразделяет все уголовно наказуемые деяния на три категории по материальному (социальному) критерию – их тяжести. Ст. 111-1 устанавливает: «Преступные деяния классифицируются в соответствии с их тяжестью на преступления, проступки и нарушения». Тяжесть преступных деяний при их классификации конкретизируется формой вины и санкциями. Преступления – только умышленные деяния, за которые в санкциях предусмотрены пожизненное либо срочное заточение. Преступность неосторожных деяний должна специально оговариваться. Максимальные санкции за них в виде тюремного заключения – до десяти лет. Нарушения – умышленные и неосторожные деяния, наказуемые по закону штрафом, лишением либо ограничением прав.

Федеральный УК США 1948 г. предусматривает трехчленное деление преступлений. П. 1 гл. 1 «Классификация посягательств» гласит: «Безотноси-

тельно к тому, что каким-либо актом Конгресса может быть установлено иное: 1) любое посягательство, караемое смертной казнью или тюремным заключением, более одного года, является фелонией; 2) любое другое посягательство является мисдиминором; 3) любой мисдиминор, наказание за который не превышает тюремного заключения сроком на шесть месяцев или штрафа на сумму 500 долларов США, или назначаемых одновременно, является мелким посягательством (*petty offence*)».

Некоторые зарубежные УК не регламентируют в общих частях институт категоризации преступлений. Однако они нередко используют ее в особенных частях УК, называя преступления тяжкими или незначительными (например, УК КНР). УК Швеции в ряде норм конкретизирует тяжкие преступления примерным перечнем квалифицирующих признаков¹.

Преимущество конструкции института категоризации преступлений в Общей части УК прослеживается в случаях, когда характеристика социальной опасности преступления (соотношение характера и степени общественной опасности) надлежащим образом сочетаются с формальной законодательной оценкой размеров наказаний за конкретные преступления.

Значение категоризации преступлений, прежде всего в том, что она обязывает законодателя учитывать соответствующие критерии их классификации при конструировании уголовно-правовых институтов и норм. Так, в Общей части УК ответственность за приготовление к преступлениям установлена с учетом категорий преступлений. Приготовление к преступлению, не представляющему большой общественной опасности, уголовную ответственность не влечет (ст. 13 УК). Виды рецидива преступлений и сроки давности также поставлены в зависимость от категорий преступлений.

Основной критерий категоризации преступлений (характер и степень общественной опасности) выступает первым и основным критерием индивидуализации наказания (ст. 62 УК). В судебной практике категоризация преступлений ориентирует суды при избрании конкретного наказания, а также при решении вопросов об освобождении от уголовной ответственности и наказания. Например, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ст. 88 УК) и в связи с примирением с потерпевшим (ст. 89 УК) допускается лишь для лиц, совершивших преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление.

Динамика и структура тяжкой и особо тяжкой преступности

В действующем УК Республики Беларусь из 683 составов, предусмотренных в Особенной части, 130 (19,1 %) относятся к категории тяжких преступлений, 66 (9,7 %) – к особо тяжким преступлениям. Таким образом, на долю

¹ Полный курс уголовного права: в 5 т. / Ю.В. Голик; под ред. А.И. Коробеева [и др.]. Т. I: Преступление и наказание. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 1136 с. - (Учебники и учебные пособия).

рассматриваемых преступлений приходится менее одной трети деяний, предусмотренных УК.

За последние 10 лет общее количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в Республике Беларусь (см. табл. 1 в приложении 1), снизилось более чем в 2 раза (с 21 731 до 9265). В сравнении с 2004 г. уменьшение данного показателя составило 57,4 %. В то же время показатель удельного веса рассматриваемой группы преступлений в общем объеме преступности уменьшился не столь значительно (снижение на 25,6 %).

В основном данные изменения произошли за счет относительно равномерного снижения тяжких преступлений за исследуемое десятилетие. Их количество по сравнению с 2004 г. снизилось более чем в 2,5 раза (с 18 125 до 7079). Число особо тяжких преступлений снизилось в 1,6 раз, при этом снижение происходило неравномерно. В 2007, 2009, 2013 гг. отмечался рост преступлений данной категории. Показатель удельного веса тяжких преступлений в общем объеме преступности за десять лет снизился на 31,8 %, особо тяжких (с учетом роста их количества в 2013 г.) увеличился на 8,7 %.

Значительное увеличение количества зарегистрированных особо тяжких преступлений (+29,7 %) в 2013 г. произошло, в том числе из-за существенного роста в стране числа выявленных преступлений, связанных с наркотиками. Увеличение в 2013 г. удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений связано не только с ростом числа преступных деяний этих категорий, но также и с существенным уменьшением в структуре преступности доли краж, не относящихся к тяжким преступлениям (чч. 1 и 2 ст. 205 УК).

В качестве оснований для классификации преступлений используются также положения учения об элементах состава преступления. Уголовно-правовые признаки общественно опасных деяний могут быть использованы в качестве оснований для выделения различных групп преступлений. Эта классификация используется и при создании криминологических характеристик.

Исследование рассматриваемых преступлений, структурированных в зависимости от объекта преступного посягательства, показывает, что для Республики Беларусь в основном характерно совершение тяжких и особо тяжких преступлений против собственности (гл. 24 УК), особо тяжких – против жизни и здоровья (гл. 19 УК) и против здоровья населения (гл. 29 УК). По сумме зарегистрированных преступлений за последние 7 лет лидирующую позицию по тяжким уголовным деяниям занимают уголовные деяния, предусмотренные гл. 24 УК (25368 преступлений), по особо тяжким – гл. 99 УК (5500 преступлений).

В динамике структурных изменений тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в основных сферах жизнедеятельности за период последних 7 лет (см. табл. 2 в приложении 1), отмечаются следующие особенности. На фоне общей тенденции относительно равномерного снижения рассматриваемых преступлений отмечается значительное увеличение количества особо тяжких уголовных деяний, предусмотренных гл. 29 УК. Прирост числа данных преступлений по сравнению с 2007 г. составил 35 %. Наиболее неста-

бильны показатели количества зарегистрированных в различные годы тяжких преступлений против интересов службы. В период с 2009 по 2013 г. их ежегодное выявляемое число изменялось следующим образом 976, 1127, 819, 585, 939 соответственно. Показатели прироста (снижения) варьировались от 15 до 38 %.

Важными с точки зрения криминологической характеристики преступности являются данные о преступлениях, демонстрирующие характер преступной деятельности, наносимый ею ущерб. Группы преступлений, формируемые на основе указанных данных, различны с позиций уголовно-правовых признаков, однако в значительной степени однородны с точки зрения криминологии, так как в их этиологии прослеживаются общие факторы, составляющие содержание ситуации преступления.

Анализ статданных (см. табл. 3 в приложении 1) показывает, что число приготовлений и покушений на совершение рассматриваемых преступлений в среднем составляет около 4,5 % от их общего количества (для всей преступности за 2013 г. – 2 %). За последние 4 года изменение данного показателя в отношении тяжких преступлений варьировалось от 3,5 до 4,3 %, в отношении особо тяжких – от 4,3 до 5,8 %.

Особенности структурного состава тяжкой и особо тяжкой преступности придают ей в основном городской, скрытый и в значительной степени организованный (по сравнению с остальной преступностью) характер. В среднем более чем 75 % тяжких и особо тяжких преступлений совершаются в городах и поселках городского типа. В общественных местах (за период с 2010 г.) совершено в среднем 14 % рассматриваемых преступлений. Количество тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных организованной группой, в среднем составляет около 2,5 % от их общего объема и последнее время снижается (за период с 2010 г. с 2,8 % до 1,9 % по тяжким преступлениям и до 0,6 % по особо тяжким).

Материальный ущерб, нанесенный тяжкой и особо тяжкой преступностью, за последние 4 года в сумме достиг 1,3 трлн рублей, что составляет 75 % от совокупного объема всего криминального ущерба за данный период времени. В 2013 г. отмечается кратное увеличение размера ущерба, причиненного рассматриваемыми преступлениями (со 119,3 до 600,7 млрд руб.). Процент возмещения ущерба по особо тяжким преступлениям имеет тенденцию к увеличению и, как правило, выше в сравнении с тяжкими. В 2013 г. данный показатель составил 69,8 % (в 2012 г. – 64,7 %), по тяжким преступлениям – 27,9 % (в 2012 г. – 45,2 %).

Среди всех стандартных характеристик преступности наиболее информативны, а значит, приближены к запросам практики, узкогрупповые криминологические характеристики. В структурном составе особо тяжких уголовных деяний можно выделить группу преимущественно корыстных и насильственных преступлений, формирующих их основной статистический объем. К ним относятся преступления, связанные со сбытом наркотиков, убийства, квалифицированные разбои и тяжкие телесные повреждения, насильственные действия сек-

суального характера. По итогам 2013 г. удельный вес данной группы преступлений в общем объеме особо тяжких уголовных деяний составил 91,1 %.

Лидирующую позицию по количеству совершенных особо тяжких преступлений занимают предусмотренные чч. 3 и 4 ст. 328 УК (см. табл. 4 в приложении 1). В 2013 г. зарегистрировано 1009 таких преступлений (удельный вес – 46,2 %, прирост по сравнению с предыдущим годом – 48 %). За 4 месяца текущего года совершено 768 рассматриваемых преступлений (удельный вес – 67,4 %, прирост по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года – 68,1 %).

После продолжительного семилетнего периода снижения числа зарегистрированных убийств в 2013 г. произошло увеличение (+6,5 %) этих наиболее опасных насильственных преступлений. За 4 месяца текущего года совершено 137 убийств (удельный вес – 12 %, прирост по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года – 5,9 %).

Увеличившееся в 2013 г. количество разбойных нападений, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 207 УК (+11,4 %), по итогам 4 месяцев текущего года достигло показателя, равного аналогичному в предыдущем году (71).

После значительно снижения в 2013 г. числа насильственных действий сексуального характера, предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 167 УК (–28,9 %) по итогам 4 месяцев текущего года отмечается более чем двукратное увеличение (54,2 %) количества данных преступлений.

Среди тяжких преступлений наиболее распространенными являются: фальшивомонетчество (ч. 1 ст. 221 УК), кражи в крупном и особо крупном размере (чч. 3 и 4 ст. 205 УК), тяжкие телесные повреждения (чч. 1 и 2 ст. 147 УК), квалифицированные мошенничества (чч. 3 и 4 ст. 209 УК), незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ (чч. 2 и 3 ст. 295 УК). Данную группу составов, составляющую половину (50,2 %) всех совершенных в 2013 г. тяжких преступлений, можно условно обозначить как преимущественно *корыстную антигосударственную и антиобщественную преступность, включающую компоненты личного насилия и обмана*.

Динамика преступлений данной группы (см. табл. 4 в приложении 1) в прошедшем и текущем году в целом позитивна. Исключение составляют преступления, предусмотренные чч. 3 и 4 ст. 209 УК, количество которых на 28,7 % возросло в 2013 г. и на 23,4 % по итогам 4 месяцев текущего года.

Ко второй по величине группе тяжких преступлений относятся преступления против собственности, предусмотренные ст.ст. 210 (ч. 2-4), 214 (чч. 2 и 3), 218 (чч. 2 и 3) УК, против порядка осуществления экономической деятельности, предусмотренные ст.ст. 223 (ч. 2), 243 (ч. 2) УК, незаконный сбыт наркотиков (ч. 2 ст. 328 УК), злостное хулиганство (ч. 3 ст. 339 УК), получение и дача взятки (чч. 1 и 2 ст. 430, чч. 2 и 3 ст. 431 УК). Данная группа также характеризуется *преимущественно корыстным, антиобщественным и антигосударственным характером преступной мотивации субъектов*. Удельный

вес преступлений данной группы в общем объеме тяжких уголовных деяний в 2013 г. составил 37 %.

Относительно динамики указанных преступлений наиболее неблагоприятные тенденции (рост в текущем и в 2013 г.) отмечаются в отношении составов, предусмотренных ст.ст. 218 (чч. 2 и 3), 223 (ч. 2), 243 (ч. 2), 339 (ч. 3) УК.

Криминологическая оценка лиц, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления

Характер и степень общественной опасности деяний являются основными критериями категоризации преступлений, используемой в уголовном законодательстве Республики Беларусь, а также основными составляющими принципа индивидуализации наказания при его назначении судом. В криминологическом ракурсе преступность рассматривается как массовый феномен, обусловленный комплексом деструктивных факторов, и связанный с наиболее негативными проявлениями отклоняющегося от социальных норм поведения. В этой связи в целях исследования степени и потенциала криминального ущерба преступности, ее социальных, групповых и личностных причин и условий, а также разработки адекватных мер предупреждения важное значение приобретает криминологическая оценка общественной опасности преступников. Это также необходимо для совершенствования мер уголовно-правовой политики государства, связанных с установлением и назначением наказаний, адекватных деяниям, предусмотренным УК, в том числе повышения эффективности уголовно-правовой превенции.

В уголовно-правовом понимании характер и степень общественной опасности более всего зависят от объекта посягательства, содержания преступных последствий (экономических, физических, дезорганизационных, социально-психологических и пр.), способов совершения преступлений (индивидуальные, групповые, организованные, общеопасные), причиненного ущерба и вреда объектам посягательства – личности, обществу, государству. В криминологическом ракурсе наряду с этим большой интерес представляют субъективные элементы – степень вины (предумысел, внезапно возникший умысел, грубая неосторожность), а также степень низменности мотивации преступников и их целенаправленность.

Исследование данных уголовной статистики за определенный период времени позволяет оценить массовый характер и степень проявления указанных особенностей преступности в динамике, прогнозировать потенциал криминальной активности различных социальных групп населения. При этом криминологические данные о субъектах преступлений отражают специфику предупредительного воздействия, обусловленную характером (уровнем, объемом, масштабом) действия тех или иных социально-групповых детерминант.

В среднем до 4 % тяжких и особо тяжких преступлений совершается иностранными гражданами (см. табл. 5 в приложении 1). За последние 7 лет в

общем объеме тяжких преступлений удельный вес совершенных иностранцами составил 3,3 %, в отношении особо тяжких – 3,9 %. В указанном периоде динамика данных показателей проявилась неравнозначно. Так, по тяжким преступлениям в сравнении с 2007 г. отмечается значительное увеличение удельного веса иностранной преступности (с 2,6 до 4 %), по особо тяжким – снижение (с 3,6 до 3,3 %).

В силу ряда социально статусных особенностей несовершеннолетние как социально-демографическая группа не являются потенциальным субъектом большинства тяжких и особо тяжких преступлений. Удельный вес преступности несовершеннолетних в республике с 2007 г. снижался и в 2013 г. составил 4,1 %. В то же время удельный вес всех совершенных подростками преступлений в общем объеме уголовных деяний соответствующей категории в совокупности за последние 7 лет составил 3,4 % по тяжким и 4,5 % по особо тяжким преступлениям. Следует отметить позитивные динамические изменения данных показателей. По сравнению с 2007 г. удельный вес преступности несовершеннолетних в объеме тяжелой преступности снизился почти в 2 раза (с 4,2 до 2,3 %), в особо тяжелой – в 2,5 раза (с 6,5 до 2,6 %).

Женщины в Беларуси совершают до 15 % тяжких и не более 12 % особо тяжких преступлений. Последние годы показатели удельного веса женской преступности снижались и в 2013 г. составили 13,2 % по тяжким и 6,7 % по особо тяжким преступлениям. Необходимо отметить, что доля всей женской преступности в нашей стране (14,8 %) является одной из самых высоких на территории СНГ.

В Республике Беларусь наблюдается тенденция снижения удельного веса преступлений, совершенных группой лиц. В 2013 г. данный показатель составил 8,5 %. Для тяжких и особо тяжких преступлений при наличии аналогичной тенденции соответствующие показатели значительно выше. В 2013 г. удельный вес тяжелой групповой преступности в общем объеме преступлений данной категории составил 13,8 %, особо тяжелой – 10,7 %.

Удельный вес рецидивной преступности в нашей стране (46,7 % в 2013 г.) является одним из самых высоких в СНГ. Анализ данных статистики за последние 7 лет показывает, что в среднем 22 % тяжких преступлений совершаются при рецидиве, особо тяжких – 43,8 %. При этом удельный вес рецидива по данным группам преступлений не имеет выраженной тенденции к снижению.

Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии алкогольного опьянения, по республике в 2013 г. составил 31,6 %. Данный показатель на протяжении последних лет остается относительно стабильным, а также самым высоким в СНГ. В нетрезвом состоянии чаще всего совершаются наиболее опасные насильственные и корыстно-насильственные преступления. Так, в совокупном объеме особо тяжких преступлений за последние 7 лет 48,3 % составляют совершенные в состоянии алкогольного опьянения. Для тяжких преступлений данный показатель 21,7 %.

Состояние наркотического возбуждения также характерно в основном для субъектов особо тяжких преступлений. Показатели удельного веса, аналогичные указанным выше, по данной характеристике составляют 5,6 и 0,9 % соответственно.

Анализ статданных МВД о выявленных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений лицах демонстрирует следующие характеристики субъектов данных преступлений.

Около половины особо тяжких преступлений совершается лицами в возрасте 30 лет и старше (см. табл. 6 и 7 в приложении 1). Средний показатель удельного веса лиц указанного возраста в общем объеме выявленных лиц, совершивших *особо тяжкие* преступления, за последние 5 лет составил 49,1 %. При этом отмечается тенденция к увеличению возраста преступников. По сравнению с 2009 г. указанный показатель вырос на 15 % (с 44,4 до 52,4 %). Показатели удельного веса особо тяжкой преступности несовершеннолетних и лиц молодежного возраста за последние 5 лет снизилась соответственно на 29,4 и 12,9 %. Для динамики возрастного состава преступников, совершающих *тяжкие* преступления, характерно проявление тех же особенностей и аналогичной тенденции. По сравнению с 2009 г. показатель удельного веса лиц старше 30 лет в общем объеме выявленных лиц, совершивших *тяжкие* преступления, вырос на 10 % (с 51,9 до 57,7 %).

Социальный статус преступников, совершающих *тяжкие* и *особо тяжкие* преступления, характеризуется следующим образом.

Не работали и не учились на момент совершения *особо тяжкого* преступления в 2013 г. 65,4 % выявленных лиц, *тяжкого* – 46,1 %. За последние пять лет данные показатели *значительно не изменялись*. На социальном обеспечении находилось 4,4 и 6,7 % лиц соответственно. Таким образом, прослеживается в значительной мере стабильный *изживденческий характер* личностных установок правонарушителей.

Рабочие и служащие в среднем составляют четвертую часть преступников, совершивших *особо тяжкие* преступления, и треть совершивших *тяжкие* преступления. За последние 5 лет данные показатели *достаточно стабильны*. Представители сферы частного бизнеса (ИП) составляют менее 2 % в числе лиц, совершающих *тяжкие* и *особо тяжкие* преступления. Учащиеся и студенты в среднем не более 6 %.

Уровень образования преступников *в целом достаточно низкий*. Среди лиц, выявленных за совершение *особо тяжких* преступлений, в среднем менее 30 % имели высшее и среднее специальное образование. Для лиц, совершающих *тяжкие* преступления, данный показатель выше и в 2013 г. достиг 40,8 %.

Из числа выявленных лиц, допустивших рецидив *особо тяжкого* преступления в 2013 г., 27,4 % находилось под профилактическим наблюдением, 8,1 % под превентивным надзором. Для лиц, выявленных за совершение *тяжких* преступлений, данные показатели – 17,9 и 5,1 % соответственно.

Показатели удельного веса выявленных лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, находясь под воздействием алкоголя или наркотиков, за последние 5 лет в среднем увеличились незначительно.

Дополнительную информацию об особенностях субъектов особо тяжких преступлений, характеризующих общественную опасность рассматриваемой социальной группы, можно получить посредством контент-анализа сведений о событии преступления, отражаемых в сводках МВД. Такой анализ позволяет исследование обстоятельств совершения преступлений в сопоставлении с демографическими и социально-статусными особенностями преступников и их жертв. Так, на примере данных об особо тяжких насильственных преступлениях, регистрируемых по ст. 139, ч. 3 ст. 147 УК, в результате которых наступила смерть потерпевшего, можно выделить ряд особенностей преступников, их совершающих.

Следует отметить, что после продолжительного семилетнего периода снижения числа зарегистрированных убийств в 2013 г. произошло увеличение на 6,5 % этих наиболее опасных насильственных преступлений. В 2013 г. установлено 416 лиц, совершивших убийство, из которых около 80 % находились в состоянии алкогольного опьянения, свыше 59 % – были не работающими либо не учащими, а более 33 % – имели судимость. Число погибших в результате совершения преступлений, предусмотренных ст. 139, ч. 3 ст. 147 УК, за 5 месяцев текущего года составило 195 (в аналогичном периоде предыдущего – 185).

Изучение данных о социально-демографических характеристиках преступников показало, что в основном это мужчины. Женщины составили 15,5 % лиц, совершивших рассматриваемые преступления. Примерно такое же соотношение характерно для различных населенных пунктов страны.

Оценка данных о возрасте преступников не позволила выделить наиболее криминально активную возрастную группу. Рассматриваемые преступления сравнительно в равной степени распространены в группах лиц молодежного, постмолодежного, зрелого и предпенсионного возраста. Это говорит об отсутствии приоритета влияния обусловленных возрастными особенностями развития человека личностных факторов на детерминацию рассматриваемых преступлений в Беларуси. Следует отметить, что данный баланс прослеживается не повсеместно в стране. Так, сопоставление данных о возрасте преступников и месте совершения преступлений показало, что для г. Минска наиболее криминально активной группой являются лица в возрасте от 31 до 50 лет, в областных и районных центрах, городах районного подчинения и на селе рассматриваемая преступность более выражена среди молодежи (19–30 лет) и лиц предпенсионного возраста (51–65 лет).

По данным исследования для всех возрастных категорий характерно сравнительно равномерное распределение данных об обстоятельствах совершения преступлений. Почти все рассмотренные преступления совершены гражданами Республики Беларусь. Фактически все совершенные преступления являются «традиционными» и не относятся к сфере организованной, профессио-

нальной преступности. Доля преступлений, совершенных из корыстных побуждений, на почве ревности, лицами, страдающими психическими заболеваниями, незначительна. Причиной большинства преступлений явилась доведенная до крайности обстоятельственная внутренняя озлобленность, обусловленная трудностями социально-бытового устройства жизни.

Большая часть преступников нигде не работали и не учились. В то же время 43,6 % были заняты или имели постоянный источник дохода, в том числе 33,6 % работали, 0,9 % учились, 8,2 % получали пенсию. В основном работающие преступники были задействованы в сфере промышленности и сельского хозяйства. По должностному положению это, как правило, были рабочие.

Исследование показало, что рассмотренные преступления происходят, как правило, в среде социального окружения преступников. В большинстве случаев отношения между преступником и жертвой имели характер личного знакомства, обусловленного в том числе совместным проведением досуга, связанного с употреблением алкоголя. Брачно-семейные официальные и неофициальные (сожительство) отношения преступников и жертв, отношения близкого родства, а также факты проживания на одной жилплощади имели место в более чем одной трети случаев.

В подавляющем большинстве случаев совершение преступлений сопровождалось потреблением алкоголя. В рассматриваемых преступлениях алкоголь выступает в качестве стимулирующего фактора, катализатора противоправных действий преступника. Исследование позволило выделить следующие особенности его действия.

Влияние алкоголя на совершение преступлений в основном характерно для преступников мужского пола, независимо от возраста лиц, совершивших преступления. Также не прослеживается выраженной зависимости количества случаев употребления алкоголя преступниками от их занятости и наличия постоянного дохода. В то же время влияние алкоголя на совершение преступления особенно проявилось при их совершении ранее судимыми лицами.

Наиболее негативная ситуация в плане влияния алкоголя имеет место в районных центрах. Наименьшее количество связанных с алкоголем преступлений отмечено в городах районного подчинения.

В то же время примерно каждое третье преступление совершается в трезвом виде на почве личной неприязни, обусловленной, в том числе бытовыми и психологическими проблемами (совместное проживание на одной жилплощади, неустроенность, отсутствие занятости и постоянного дохода преступника и жертвы, достигших зрелого возраста).

Отдельные аспекты социальной опасности субъектов тяжкой и особо тяжкой преступности проявляются также в ходе анализа *данных о потерпевших* в результате рассматриваемых преступлений (см. табл. 9 в приложении 1).

Несовершеннолетние среди жертв всех преступлений в 2013 г. составляют 10,6 %, а их удельный вес среди потерпевших в результате тяжких преступлений – 2,3 % и особо тяжких – 13 %. Это в основном обусловлено высокой

ювенальной виктимностью, характерной для особо тяжких уголовных деяний против половой свободы. Так, в структуре потерпевших в результате насильственных действий сексуального характера в 2013 г. удельный вес несовершеннолетних достигает 72,5 %, изнасилований – 25,9 %.

В сравнении с общей картиной преступности для тяжких и особо тяжких преступлений имеет место *нанесение более значительного ущерба менее защищенным социальным группам, выражено возрастное несоответствие преступников и их жертв*. Доля лиц в возрасте старше 30 лет, потерпевших от всех преступлений, в 2013 г. составила 63,2 %, от особо тяжких – 68,3 %, тяжких – 67,3 %. При этом, как отмечено выше, показатель удельного веса лиц указанного возраста, совершивших особо тяжкие преступления, в данном отчетном периоде составил 52,4 %, тяжкие – 57,7 %.

Изучение возрастных характеристик жертв особо тяжких насильственных преступлений, регистрируемых по ст. 139, и ч. 3 ст. 147 УК также показало, что в среднем их возраст значительно превышает возраст преступников. К группе лиц, обладающих повышенным виктимным риском, были отнесены лица предпенсионного и пенсионного (женщины) возраста (51–65) лет. В отношении данной группы было совершено 34,1 % преступлений. На втором месте по степени возможной виктимизации лица в возрасте 41–50 лет (21,8 %).

В отличие от лиц, совершивших данные преступления, среди их жертв отмечается незначительный процент судимых. 94,5 % были ранее не судимы, 2,7 % судимы за хищения, 2,7 % за насильственные преступления.

Используя данные судебной статистики (см. табл. 9 в приложении 1), можно на примере наиболее распространенных тяжких и особо тяжких преступлений проследить *особенности развития и степень общественной опасности* осужденных за их совершение лиц.

Среди *насильственных* преступников, осужденных за убийство в 2013 г., одну треть (34,4 %) составили лица, имевшие неснятую и непогашенную судимости на момент совершения преступления, из их 70 % имели две и более судимости. В основном (48,7 %) это были лица, ранее судимые за преступления против собственности, за преступления против жизни и здоровья осуждались 24,3 %, против порядка осуществления экономической деятельности – 20,9 %. В период отбывания наказания за ранее совершенное преступление совершили убийство 8,7 % от общего числа осужденных по ст. 139 УК в 2013 г.. В основном (34,5 %) это были лица, осужденные к ограничению свободы. Будучи освобожденными по амнистии и другим основаниям, в том числе условно-досрочно, в период неотбытой части наказания, рассматриваемые преступления совершили 3,6 % осужденных. В течение 1 года после отбытия наказания совершили убийство 38 человек (11,4 %), из которых большинство (76,3 %) составили лица, освободившиеся из мест лишения свободы.

По иным распространенным насильственным тяжким и особо тяжким преступлениям следует отметить схожие показатели, демонстрирующие довольно высокий уровень общественной опасности совершающих их преступ-

ников, обусловленный значительной долей лиц, имеющих выраженные криминальные личностные установки, не претерпевшие значительных изменений под воздействием пенитенциарных мер. При этом можно говорить о ступенчатом характере развития (увеличения) общественной опасности как характеристике субъектов рассматриваемых преступлений, а также в значительной мере об универсальности их личностных противоправных установок, обуславливающих трансформацию криминальной мотивации действий преимущественно из корыстной в насильственную.

Для *корыстно-насильственных* тяжких и особо тяжких преступлений данные особенности негативного развития потенциала общественной опасности проявляются более значительно, при более выраженной стабильности характера криминальной мотивации преступников. Так, из 281 осужденных в 2013 г. за разбой лиц большую половину (53 %) составили лица, имевшие неснятую и непогашенную судимость на момент совершения преступления, из них 74 % имели две и более судимости. В основном (69,1 %) это были лица, ранее судимые за преступления против собственности, 7,4 % – за преступления против жизни и здоровья, 6 % – за преступления против порядка осуществления экономической деятельности. В период отбывания наказания за ранее совершенное преступление, разбойное нападение совершили 14,6 % от общего числа осужденных по ст. 207 УК в 2013 г. В течение 1 года после отбытия наказания разбой совершили 15,2 % осужденных, из которых большинство (77,8 %) составили лица, освободившиеся из мест лишения свободы.

Корыстные преступники, совершающие тяжкие и особо тяжкие преступления, по рассматриваемым показателям в среднем занимают переходную позицию. Так, из 102 осужденных в 2013 г. за мошенничество, совершенное организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 209 УК), четвертую часть (25,5 %) составили лица, имевшие неснятую и непогашенную судимость на момент совершения преступления, из их 46,2 % имели две и более судимости. Подавляющее большинство (76,9 %) ранее осуждались за преступления против собственности. В период отбывания наказания за ранее совершенное преступление совершили мошенничество 6,9 % от общего числа осужденных по ч. 4 ст. 209 УК в 2013 г. Будучи освобожденным по амнистии и другим основаниям, в том числе условно-досрочно, в период неотбытой части наказания за рассматриваемые преступления, совершили мошенничество 3,9 % осужденных, в течение 1 года после отбытия наказания – 6,9 %, из которых большинство составили лица, освободившиеся из мест лишения свободы.

В наименьшей степени потенциал общественной опасности субъектов прослеживается при анализе данных об осуждении лиц за *корыстно-служебные* (коррупционные) преступления. Это в значительной мере обусловлено особенностями специального субъекта большинства данных уголовных деяний. При назначении должностных лиц, как правило, учитываются вопросы их судимости. В то же время данные по отнесенным к коррупционным преступлениям составы уголовных деяний, предусмотренных ст. 431 УК, показывают, что даже при отсутствии специального субъекта рассмотренные

выше особенности не проявляются. Так, из 29 преступников, осужденных за дачу взятки в 2013 г., только 7 (24 %) имели неснятую и непогашенную судимость. 3 совершили данное уголовное деяние в период отбывания наказания за ранее совершенное преступление, 1 в течение одного года после отбытия наказания. Следует также отметить, что за последние 5 лет по ч. 3 ст. 431 УК (дача взятки лицом, ранее судимым за преступления, предусмотренные ст.ст. 430, 431 и 432 УК) было зарегистрировано в совокупности только 67 преступлений, за 5 месяцев текущего года – 1.

Для сравнения: всего в 2013 г. осуждено 19 498 лиц (50,7 %), которые имели неснятую и непогашенную судимости, 8 тыс. лиц (20,7 %), совершивших преступления в период отбывания наказания и иных мер уголовной ответственности, а также 1000 лиц (2,5 %), условно-досрочно освобожденных либо освобожденных по амнистии и другим основаниям. Кроме того, 6,5 тыс. лиц (16,8 %) совершили преступление в первый год после отбытия наказания.

Уголовно-правовая политика в отношении лиц, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления

Требования к назначению наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления

Вопросы судебной практики применения наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления помимо УК и УПК регулируются рядом постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, в числе которых от 26.03.2002 № 1 «О назначении судами уголовного наказания», от 25.03.2009 № 1 «О назначении судами наказания в виде лишения свободы», от 17.12.2002 № 9 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 УК)», от 29.03.2006 № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения», от 26.03.2003 № 1 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными веществами, их прекурсорами и аналогами, сильнодействующими и ядовитыми веществами (ст.ст. 327–334 УК)» и др.

Раскрывая и конкретизируя принципы уголовного закона и уголовной ответственности, отраженные в ст. 3 УК, исходя из данных в ст.ст. 47 и 62 УК понятия и общих начал назначения наказания, постановления определяют ряд *общих, специальных и специфических требований* к назначению наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления. В частности, к первым можно отнести:

– обязательность учета стадии осуществления преступного намерения, причин, вследствие которых преступление не было доведено до конца, формы соучастия и степени участия лица в преступлении, а также специальных правил назначения наказания, установленных ст.ст. 65–76 УК;

– учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления, мотивов и целей содеянного, личности виновного, характера нанесенного вреда и размера причиненного ущерба, обстоятельств, смягчающих и

отягчающих ответственность, обязательность совокупной оценки данных обстоятельств судом, являющейся основанием мотивации избранной меры наказания;

- обязательность самостоятельного и полноценного учета данных, как отрицательно, так и положительно характеризующих личность виновного;

- и др.

В числе *специальных* требований:

- обеспечение применения предусмотренных законом строгих мер наказания к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, в особенности в составе организованных групп или преступных организаций;

- возможность назначения наказания ниже низшего предела в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления при тщательной оценке исключительности обстоятельств, дающих основание для применения ст. 70 УК;

- обязательность рассмотрения вопроса о необходимости применения дополнительных наказаний к лицам, признанным виновными в совершении тяжких и особо тяжких преступлений;

- не допустимость назначения необоснованно мягких наказаний лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, сопряженные с умышленным посягательством на жизнь и здоровье человека, коррупцией, а также допустившим опасный и особо опасный рецидив преступлений;

- и др.

К *специфическим* требованиям следует отнести устанавливающие критерии назначения наказания за конкретные виды тяжких и особо тяжких преступлений. К ним относятся:

- возможность назначения наиболее строгого наказания из предусмотренных УК за умышленное противоправное лишение жизни другого человека (убийство);

- обязательность учета совокупности всех обстоятельств, при которых совершено убийство: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и стадию совершения преступления, личность виновного и обстоятельства дела, смягчающие и отягчающие ответственность, а также данных, относящихся к личности потерпевшего, его взаимоотношений с обвиняемым, а также поведения, предшествовавшего убийству;

- недопустимость назначения исключительных мер наказания за совершение убийства при отягчающих обстоятельствах без необходимости их назначения, обусловленной особыми обстоятельствами, отягчающими ответственность, и наряду с этим данными, характеризующими виновного как лицо, представляющее исключительную опасность для общества, а также без исследования данных о психическом состоянии обвиняемого;

- обязательность строгого соблюдения требований УК об индивидуализации наказания и учета повышенной общественной опасности умышленного причинения тяжкого телесного повреждения;

– недопустимость назначения неоправданно мягких мер наказания лицам, виновным в совершении деяний, способствующих незаконному распространению и немедицинскому потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов;

– и др.

Данные требования в значительной мере отражаются в практике назначения наказаний за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Реализация мер уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления

За последние 10 лет в Республике Беларусь в связи с сокращением числа зарегистрированных и расследованных тяжких преступлений ежегодное количество осужденных лиц за данные деяния уменьшилось на 64,8 %. Показатель удельного веса числа осужденных за тяжкие преступления в их общем количественном объеме по сравнению с 2004 г. снизился на 32,4 %.

Основным видом наказания, применяемым за *тяжкие преступления*, является лишение свободы (см. табл. 10 в приложении 1). За последние 10 лет оно применялось в среднем в 60 % случаев осуждения за данные уголовные деяния. Следует отметить наметившуюся в последние годы тенденцию к снижению случаев применения лишения свободы. С 2009 г. данный показатель не превышал 60 % и в 2013 г. составил 50,9 % к общему количеству осужденных за тяжкие преступления.

В основном совершившие тяжкие преступления лица, осуждаются к лишению свободы на срок от 3 до 5 лет. По итогам 2013 г. таких лиц было 49,8 % от всех осужденных к лишению свободы за тяжкие преступления. К срокам свыше 5 лет осуждено 20,7 %, от 2 до 3 лет – 20,5 %, до 2 лет – 9,1 %. Данные показатели в 2004 г. составляли 42,2, 28,4, 21,6, 7,7 % соответственно. В 2009 г. – 49,0, 20,9, 25,2, 4,7 % соответственно. Таким образом, можно говорить об относительно стабильной структуре мер уголовного наказания в виде лишения свободы, применяемых за совершение тяжких преступлений. Удельный вес лишения свободы на сроки, не превышающие 3-х лет, в сравниваемые годы составил от 29,4 до 30,1 %.

Вторым по количеству случаев осуждения является наказание в виде ограничения свободы, применение которого за последние 10 лет (и особенно с 2009 г.) расширилось. В 2013 г. удельный вес данного вида наказания составил 31,4 %, в 2009 г. – 32,4 %, в 2004 г. – 23,4 %.

В отношении исправительных работ, занимающих третью позицию по числу случаев осуждения за тяжкие преступления, в течение последних 10 лет отмечается тенденция к сокращению применения. В 2004 г. с применением данного вида наказания осуждено 7,1 % лиц, в 2013 г. – 1,8 %.

Удельный вес случаев применения ареста за совершение тяжких преступлений с 2004 по 2013 г. снизился с 0,8 до 0,2 %, штрафа (в качестве основного наказания) с 2,2 до 1,6 %.

Общественные работы и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью применяются в качестве основного наказания за тяжкие преступления в единичных случаях.

Применение отсрочки исполнения наказания с 2010 г. значительно расширилось и в 2013 г. составило 12,2 % к общему числу осужденных за тяжкие преступления. В 2004 г. данный показатель составлял 5,0 %. Условное не применение наказания за тяжкие преступления имеет место в значительно меньшей степени (в 2013 г. – 1,7 %, в 2004 – 2,1 %).

Принудительные меры безопасности и лечения в 2013 г. применялись к 19,2 % осужденным за тяжкие преступления, из которых подавляющее большинство (86,7 %) составляют лица, страдающие хроническим алкоголизмом. В 2007 г. данные показатели составляли 13,4 и 75,7 % соответственно, в 2009 г. – 13,7 и 88,4 % соответственно. Удельный вес лиц, к которым были применены меры безопасности и лечения от алкоголизма, в общем объеме осужденных в 2007 г. составил 10,2 %, в 2009 г. – 12,1 %, в 2011 г. – 12,4 %, в 2013 г. – 16,7 %. Это свидетельствует о расширении практики применения данных мер, так как показатели удельного веса выявленных лиц, совершивших тяжкие преступления в состоянии алкогольного опьянения, за эти годы снижаются и составляют: в 2007 г. – 40,5 %, в 2009 г. – 36,2 %, в 2011 г. – 31,8 %, в 2013 г. – 34,0 %.

По сравнению с 2004 г. ежегодное количество осуждаемых за совершение *особо тяжких преступлений* лиц уменьшилось почти в 2,6 раза (с 3067 до 1189). При этом снижение происходило относительно равномерно (см. табл. 11 в приложении 1). Несмотря на то, что, как было указано выше, в 2007, 2009, 2013 гг. отмечался рост зарегистрированных преступлений данной категории, это незначительно отразилось на статистике осужденных за данные деяния лиц. Показатель удельного веса числа осужденных за особо тяжкие преступления в их общем количественном объеме снизился на 26,2 % (с 4,2 до 3,1).

Лишение свободы является видом наказания, применяемым практически за все совершенные особо тяжкие преступления. За последние 10 лет оно применялось в среднем в 98,4 % случаев осуждения за данные уголовные деяния.

В основном совершившие особо тяжкие преступления лица осуждаются к лишению свободы на срок от 5 до 8 лет. По итогам 2013 г. таких лиц было 48,2 % от всех осужденных к лишению свободы за особо тяжкие преступления. К срокам от 8 до 10 лет осуждено 24,5 %, от 10 до 15 лет – 15,5 %, от 15 до 25 лет – 7,2 %, до 5 лет – 4,7 %. Данные показатели десять лет назад (в 2004 г.) составляли 52,2, 16,2, 12,6, 7,3 и 11,6 % соответственно. Пять лет назад (в 2009 г.) – 54,1, 23,1, 13,1, 5,6 и 4,0 % соответственно (см. рис. 1 в приложении 1). Таким образом, также как и в случае с тяжкими уголовными деяниями, можно говорить об относительно стабильной структуре применяемых мер уголовного наказания в виде лишения свободы за особо тяжкие преступления.

Пожизненное заключение и смертная казнь применяются в последние годы в единичных случаях. За 2009–2013 гг. число осужденных к пожизненному заключению составляло ежегодно в среднем 3 человека, за 2002–2006 гг. –

12 человек. За 2009–2013 гг. к смертной казни осуждалось ежегодно в среднем 2 человека, за 1997–2001 гг. – 23 человека. В 2012 г. исключительная мера наказания не применялась.

Иные виды наказаний за совершение особо тяжких преступлений также применяются в единичных случаях. В 2013 г. ограничение свободы было применено в отношении 9 осужденных за тяжкие преступления лиц, в том числе в 6 случаях без направления в ИУОТ.

Принудительные меры безопасности и лечения в 2013 г. применялись к 33,1 % осужденных за особо тяжкие преступления, из которых 83,9 % составляют лица, страдающие хроническим алкоголизмом.

Удельный вес лиц, к которым были применены меры безопасности и лечения от алкоголизма, в общем объеме осужденных за особо тяжкие преступления в 2007 г. составил 24,2 %, в 2009 г. – 21,6 %, в 2011 г. – 25,4 % в 2013 г. – 27,7 %. В то время как показатели удельного веса выявленных лиц, совершивших особо тяжкие преступления в состоянии алкогольного опьянения, за эти годы составили: 2007 г. – 55,0 %, 2009 г. – 50,0 %, 2011 г. – 56,2 %, 2013 г. – 52,4 %.

Как видно из сравнения судебной статистики и сведений МВД, данные показатели в среднем сопоставимы как 1:2. Это обстоятельство может свидетельствовать в защиту тезиса о том, что как и для тяжких преступлений, для особо тяжких уголовных деяний алкоголизм (как заболевание) не играет решающей роли в процессе их детерминации, а употребление алкоголя при определенных обстоятельствах в большей мере служит ситуативным катализатором противоправных действий, которые, как правило, имеют насильственный характер. В основе таких преступлений лежит комплекс социальных и личностных причин и условий, возникших в результате длительного влияния деструктивных факторов социализации преступников, их взаимодействия с обществом.

Заключительные положения

В уголовном законодательстве Республики Беларусь используется институт четырехуровневой категоризации преступлений, дифференцированных в зависимости от характера и степени общественной опасности деяний, конкретизированных формой вины и величиной санкций в виде максимального срока лишения свободы. Это позволяет надлежащим образом сочетать характеристику социальной опасности преступлений с формальной законодательной и судебной оценкой размеров наказаний за конкретные преступления, а также учитывать соответствующие критерии при конструировании новых уголовно-правовых институтов и норм.

Можно говорить об относительной стабильности используемого института. Изменения в ст. 12 УК, направленные на смещение границ санкций и расширение спектра менее тяжких и тяжких преступлений за счет преступных деяний большей тяжести, вносились только в 2003 г. В то же время данные

изменения повлияли на статистическую картину динамики тяжких и особо тяжких преступлений, за счет чего снижение их ежегодного объема началось с 2004 г., а общей преступности в 2006 г.

Определенная стабилизация социально-экономического развития республики, формирование законодательной базы и осуществление мер профилактики правонарушений, реализация ряда иных организационных и правовых антикриминальных мер (госпрограммы, совершенствование УК, УПК и др.) обеспечили отмечавшуюся в последние годы позитивную динамику снижения количественных показателей преступности. Однако, данная тенденция проявлялась неоднозначно в отношении структуры и иных качественных характеристик преступности.

В период снижения общей преступности в Республике Беларусь, по сравнению с 2006 г., в 2013 г. как общее число совершаемых ежегодно преступлений, так и совокупное количество регистрируемых ежегодно тяжких и особо тяжких сократилось в 2 раза, а их удельный вес остался на прежнем уровне – 9,6 %. В то же время данные изменения произошли за счет относительно равномерного снижения тяжких преступлений (более чем в 2,5 раза за последнее десятилетие). Число особо тяжких преступлений снизилось в 1,6 раза, при этом снижение происходило неравномерно. Показатель удельного веса тяжких преступлений в общем объеме преступности за десять лет снизился на 31,8 %, особо тяжких (с учетом роста их количества в 2013 г.) увеличился на 8,7 %. Это говорит о *диспропорциональности структурных изменений преступности, что в свою очередь позволяет сделать заключение о недостаточной эффективности антикриминальной политики в Республике Беларусь (в плане системного влияния на все детерминанты преступности)*.

По итогам анализа данных статистики в числе *особенностей характера и степени общественной опасности тяжкой и особо тяжкой преступности* в Республике Беларусь можно обозначить следующие.

Тяжкой и особо тяжкой преступности (в том числе в силу структурного состава) присущ в большей мере групповой и организованный (по сравнению с остальной преступностью) характер преступной деятельности, глобальный объем и разноплановость социального (материального, физического экономическое, физического, дезорганизационного, социально-психологического) ущерба.

Наиболее криминально пораженными объектами рассматриваемых преступлений являются собственность, жизнь и здоровье населения. Для Республики Беларусь в основном характерно совершение тяжких преступлений против собственности (гл. 24 УК), особо тяжких – против жизни и здоровья (гл. 19 УК), а также здоровья населения (гл. 29 УК). При этом на фоне общей тенденции относительно равномерного снижения совокупности рассматриваемых преступлений за период последних 7 лет отмечается значительное увеличение количества особо тяжких уголовных деяний, предусмотренных гл. 29 УК. Наиболее нестабильны показатели количества зарегистрированных в различные годы тяжких преступлений против интересов службы.

Материальный ущерб, наносимый тяжкой и особо тяжкой преступностью, в среднем составляет две третьих от совокупного объема всего криминального ущерба, при этом в динамика его количественных показателей нестабильна и склонна к резким изменениям, обусловленным преимущественно увеличением активности правоохранительных органов в сфере противодействия экономической преступности. Процент возмещения ущерба по особо тяжким преступлениям имеет тенденцию к увеличению и, как правило, выше в сравнении тяжкими.

В *структурном составе* особо тяжких уголовных деяний, совершаемых в Республике Беларусь, более 90 % составляет группа корыстных, насильственных и корыстно-насильственных преступлений, в том числе связанных со сбытом наркотиков (чч. 3 и 4 ст. 328 УК), убийств, квалифицированных разбоев и тяжких телесных повреждений, насильственных действий сексуального характера (чч. 2 и 3 ст. 167 УК), динамика большинства из которых в предыдущем и текущем годах в различной степени неблагоприятна. Среди тяжких преступлений преобладают две основные группы деяний, характеризующиеся преимущественно корыстным, антиобщественным и антигосударственным характером преступной мотивации субъектов, а также включающие компоненты личностного насилия и обмана. Наиболее распространенными тяжкими преступлениями (50,2 %) являются: фальшивомонетчество, кражи в крупном и особо крупном размере, тяжкие телесные повреждения, квалифицированные мошенничества, незаконные действия в отношении огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Динамика преступлений данной группы в прошедшем и текущем году (за исключением мошенничеств) в целом позитивна. Ко второй по величине группе тяжких преступлений (37 %) относятся преступления против собственности, предусмотренные ст.ст. 210 (ч. 2-4), 214 (чч. 2 и 3), 218 (чч. 2 и 3) УК, против порядка осуществления экономической деятельности, предусмотренные ст.ст. 223 (ч. 2), 243 (ч. 2) УК, незаконный сбыт наркотиков (ч. 2 ст. 328 УК), особо злостное хулиганство (ч. 3 ст. 339 УК), получение и дача взятки (чч. 1 и 2 ст. 430, чч. 2 и 3 ст. 431 УК). Неблагоприятные тенденции (рост в текущем и в 2013 гг.) отмечаются в отношении составов, предусмотренных ст.ст. 218 (чч. 2 и 3), 223 (ч. 2), 243 (ч. 2), 339 (ч. 3) УК.

В числе наиболее значимых в криминологическом ракурсе *характеристик субъектов тяжких и особо тяжких преступлений* в Республике Беларусь можно выделить следующие.

Данные о динамике демографического состава и социального статуса преступников, совершающих тяжкие и особо тяжкие преступления, в целом демонстрируют *относительно стабильные* показатели полового распределения, гражданско-правового статуса, образовательного уровня и психологических особенностей. Отмечается превалирование мужской преступности граждан Республики Беларусь, распространение в среде преступников установок иждивенческого и корыстного характера, относительно низкий уровень образования, склонность к злоупотреблению алкоголем и наркотиками. Исключе-

ние по двум последним характеристикам составляют лица, совершающие корыстно-служебные преступления. В то же время для всей рассматриваемой социальной группы *возрастные границы смещаются в направлении старения ее наиболее криминально активной части.*

В виктимологическом плане в сравнении с общей картиной преступности для тяжких и особо тяжких преступников характерно нанесение более значительного социального ущерба менее защищенным социальным группам, выражено возрастное несоответствие преступников и их жертв, что показывает на низменность криминальной мотивации правонарушителей.

Удельный вес рецидива тяжких и особо тяжких преступлений различается в зависимости от конкретных видов преступлений, однако в целом (по группе) не имеет выраженной тенденции к снижению. При этом отмечается невысокая эффективность предупредительных мер в отношении данной категории преступников.

Для различных групп тяжких и особо тяжких преступников, выделенных по криминологически значимым признакам способа и мотива совершенных деяний, характерна *различная степень латентности криминального потенциала, ступенчатый характер развития (увеличения) общественной опасности противоправных действий, а также универсальности личностных асоциальных установок.*

Для *корыстно-насильственных* тяжких и особо тяжких преступников в наибольшей степени характерно негативное развитие потенциала общественной опасности совершаемых правонарушителями деяний, при относительно выраженной стабильности характера криминальной мотивации.

В среде *корыстных* преступников отмечается менее значимый регресс социальных установок (т. е. прогресс их социальной опасности), характер криминальной мотивации также достаточно стабилен.

Для *насильственных* преступников при довольно высоких показателях развития потенциала общественной опасности в наибольшей степени проявляется универсальность личностных асоциальных установок, обуславливающих трансформацию *криминальной* мотивации преимущественно из корыстной в насильственную.

В наименьшей мере о степени общественной опасности правонарушителей можно судить при анализе данных об осуждении лиц за *корыстно-служебные* (коррупционные) преступления. В данном случае следует говорить о высокой латентности криминального потенциала субъектов данных преступлений, а также о превалировании ситуационных обстоятельств (условий) в процессе их детерминации.

Уголовно-правовая политика Республики Беларусь в отношении тяжкой и особо тяжкой преступности отличается перманентным характером определения и корректировки ряда общих, специальных и специфических требований к назначению наказаний за данные преступления, а также принятием и реализацией стратегических нормативных мер концептуального характера, направ-

ленных на совершенствование правового регулирования и практики назначения наказаний.

Основным видом наказания, применяемым за *тяжкие преступления*, является лишение свободы. С 2009 г. прослеживается тенденция к снижению случаев применения данного вида наказания. Совершившие тяжкие преступления лица в основном осуждаются к лишению свободы на срок от 3 до 5 лет. Применение наказания в виде ограничения свободы за тяжкие преступления в последние 10 лет расширилось, в виде исправительных работ – сократилось. Лишение свободы применяется практически ко всем совершившим *особо тяжкие преступления* лицам, в среднем половина из которых осуждается к лишению свободы на срок от 5 до 8 лет. Структура мер уголовного наказания в виде лишения свободы (по срокам), применяемых за совершение тяжких и особо тяжких преступлений относительно стабильна.

Оценка вышеизложенного позволяет сделать вывод о том, что при наличии тенденции к количественному снижению тяжкой и особо тяжкой преступности, степень общественной опасности совершающих их лиц изменяется незначительно. Отдельные характеристики рассмотренной социальной группы (старение преступников, стабильность рецидива) могут служить основой для отдаленного по времени оптимистичного прогноза. Ближайший прогноз достаточно негативен и связан, прежде всего, с объективным ростом группы криминального и виктимного риска особо тяжких и тяжких насильственных и корыстно-насильственных преступлений, основными характеристиками которой являются: возраст от 30 и старше; неудовлетворенность собственным экономическим и социальным положением; иждивенчество, неуверенность в будущем, низкий образовательный уровень. Данный рост в значительной мере обусловлен распространением взаимосвязанных с преступностью девиаций (пьянство, наркотики), а также реализацией мер по модернизации социально-экономической сферы белорусского общества, необходимых ввиду реалий современной национальной и мировой экономики.

В этих условиях важными задачами государства являются не только дальнейшее совершенствование мер уголовно-правовой политики, но и создание защитных механизмов, направленных на активизацию, расширение и системную интеграцию мер докриминальной, криминальной и посткриминальной профилактики тяжких и особо тяжких преступлений, формируемых с учетом вышеуказанных особенностей и осуществляемых посредством коррекции правового регулирования и организации предупредительной деятельности.

Приложение: аналитические таблицы

Таблица 1 – Динамика тяжких и особо тяжких преступлений

Годы	Тяжкие		Особо тяжкие		Всего	
	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес
2004	18125	10,7	3606	2,1	21731	12,9
2005	17303	8,9	3356	1,7	20659	10,6
2006	15451	8,1	2930	1,5	18381	9,6
2007	12660	7	3130	1,7	15790	8,8
2008	10949	6,9	2707	1,7	13656	8,6
2009	10946	7,2	2731	1,8	13677	9
2010	10185	7,2	2394	1,7	12579	8,9
2011	9467	7,2	1846	1,4	11313	8,6
2012	6815	6,7	1685	1,6	8500	8,3
2013	7079	7,3	2186	2,3	9265	9,6
Итого	118980	7,8	26571	1,8	145551	9,6
4 мес. 2013	2494	8,3	571	1,9	3065	10,2
4 мес. 2014	2413	8	1140	3,8	3553	11,7

Таблица 2 – Динамика структурных изменений тяжких и особо тяжких преступлений (по объекту преступного посягательства)

Годы	Преступность													
	Гл. 19 УК		Гл. 20 УК		Гл. 22 УК		Гл. 24 УК		Гл. 29 УК		Гл. 30 УК		Гл. 35 УК	
	Т*	ОТ**	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ
2007	1580	1085	291	310	91	34	4101	952	1017	656	992	0	1173	38
2008	1383	970	196	265	44	50	3862	663	756	692	697	0	982	26
2009	1261	845	158	231	63	18	4343	558	580	956	438	5	976	83
2010	1108	756	167	176	31	35	3832	450	616	941	452	2	1127	24
2011	953	663	167	180	16	10	4085	321	475	626	338	2	819	20
2012	861	578	110	247	12	5	2520	259	384	529	210	9	585	41
2013	818	603	115	218	11	15	2625	291	341	1009	252	5	939	32
Итого	7964	5500	1204	1627	268	167	25368	3494	4169	5409	3379	23	6601	264
Уд. вес	11,7	33,0	1,8	9,8	0,4	1	37,3	20,9	6,1	32,4	5	0,1	9,7	1,6

* тяжкие преступления

** особо тяжкие преступления

Таблица 3 – Динамика структурных изменений тяжких и особо тяжких преступлений (по месту совершения, характеру, причиненному ущербу)

Годы	Преступность													
	приготовлений и покушений		в городах и поселках гор. типа		в общест. местах		организованная		воинская		ущерб (млрд.руб.)		возмещ. (млрд.руб.)	
	Т*	ОТ**	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ
2007	Нет данных													
2008														
2009														
2010	353	133	8170	1752	1532	393	281	68	30	0	310,2	19,5	60,9	1,1
2011	304	80	7405	1323	1462	279	415	28	19	0	197,5	20,1	58,4	13,1
2012	215	89	5375	1256	1146	285	87	33	13	0	115,9	3,4	52,4	2,2
2013	310	127	5730	1727	1053	300	139	14	26	0	535,2	65,5	149,2	45,7
Итого	1182	429	26680	6058	5193	1257	922	143	200	0	1158,8	108,5	320,9	62,1

* тяжкие преступления

** особо тяжкие преступления

Таблица 4 – Структурный состав особо тяжких и тяжких преступлений

Статья УК	2012 г.	2013 г.	4 мес. 2013 г.	4 мес. 2014 г.
1	2	3	4	5
Особо тяжкие преступления				
139	380	406	129	137
147 ч. 3	198	197	55	46
157 ч. 3	0	0	0	1
166 ч. 2-3	57	83	22	24
167 ч. 2-3	190	135	22	48
181 ч. 3	0	3	0	0
182 ч. 2	5	12	1	8
206 ч. 4	5	6	1	0
207 ч. 2-3	217	245	71	71
208 ч. 3	16	16	7	9
212 ч. 4	21	24	8	3
221 ч. 2	11	3	0	0
285 ч. 1	2	0	0	0
286	0	0	0	1
294 ч. 4	1	2	2	0
327 ч. 3	4	3	1	0
328 ч. 3-4	525	1009	245	768
343-1 ч. 3	9	5	3	4
356 ч. 1	3	3	0	0
362	0	2	1	1
430 ч. 3	41	32	3	19
Тяжкие преступления				
147 ч. 1-2	857	808	295	257
157 ч. 2	4	6	2	0
166 ч. 1	39	57	15	18
167 ч. 1	24	19	12	10
171 ч. 2	47	36	8	17
171-1 ч. 3; 172 ч. 2-3; 181 ч. 2; 181-1 ч. 2; 182 ч. 1; 183 ч. 2; 187 ч. 3	40	33	12	12

Окончание таблицы 4

1	2	3	4	5
205 ч. 3-4	876	625	158	132
206 ч. 3	12	10	2	4
207 ч. 1	72	66	25	20
208 ч. 2	56	73	24	34
209 ч. 3-4	603	846	223	291
210 ч. 2-4	281	378	186	124
211 ч. 3-4	116	109	50	38
212 ч. 3	14	16	8	6
214 ч. 2-3	287	270	67	84
218 ч. 2-3	203	232	75	84
221 ч. 1	1056	819	309	265
222 ч. 2	0	1	0	1
223 ч. 2	160	250	102	126
228 ч. 2-4	56	73	18	20
233 ч. 3	13	25	15	9
234 ч. 2	36	39	7	16
235 ч. 2-3	19	9	4	2
243 ч. 2	155	164	51	97
288 ч. 2; 291 ч. 2; 294 ч. 1-3	18	18	6	5
295 ч. 2-3	511	459	214	108
327 ч. 2	6	5	1	0
328 ч. 2	366	316	131	125
329 ч. 2; 331 ч. 2; 332 ч. 2; 333 ч. 1	26	25	7	12
339 ч. 3	177	230	62	79
340 ч. 2; 343-1 ч. 2; 344 ч. 2; 350 ч. 2; 351 ч. 2; 371 ч. 3; 371-1 ч. 2; 371-2 ч. 2; 384 ч. 2; 395 ч. 3; 397 ч. 2; 410	86	95	33	45
424 ч. 3	61	76	32	43
425 ч. 3	4	3	0	0
426 ч. 3	50	79	18	39
430 ч. 1-2	253	470	223	198
431 ч. 2-3	210	311	90	84
432 ч. 3; 433 ч. 3; 440 ч. 2; 443 ч. 3; 446 ч. 1; 447 ч. 1; 453 ч. 2; 455 ч. 2-3	13	28	9	7

Таблица 5 – Динамика структурных изменений тяжких и особо тяжких преступлений (по основным характеристикам субъекта преступления)

Годы	Преступность													
	иностран- ных граждан		несовер- шеннолет- них		женщин		групповая		рецидивная		в состоян. алкогольн. опьянения		в состоян. наркотич. возбужд.	
	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ	Т	ОТ
2007	332	113	526	205	Нет дан- ных		1924	771	3912	1804	3135	1753	143	129
2008	282	103	451	171			1856	735	2007	968	2863	1474	73	148
2009	335	108	341	138			1619	640	2182	1068	2287	1282	92	162
2010	421	99	322	70	1528	278	1530	442	2242	1075	1973	1093	85	128
2011	375	105	281	56	1356	178	1452	334	1911	753	1795	924	65	87
2012	207	54	201	54	762	140	911	231	1622	627	1389	722	64	106
2013	287	72	164	56	932	146	978	234	1368	700	1344	804	80	170
Итого	2239	654	2286	750	4578	742	10270	3387	15244	6995	14786	8052	602	930
Уд.вес	3,3	3,9	3,4	4,5	13,6	9,1	15,1	20,3	22,4	41,9	21,7	48,3	0,9	5,6

* тяжкие преступления

** особо тяжкие преступления

Таблица 6 – Выявленные лица, совершившие особо тяжкие преступления

Характеристики лиц, совершивших особо тяжкие преступления	2009		2010		2011		2012		2013	
	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес
14–17 лет	138	5,1	82	3,7	53	3,1	51	4,2	53	3,6
18–29 лет	1370	50,6	1067	48,7	790	46,8	546	44,8	646	44
30 лет и старше	1202	44,4	1040	47,5	846	50,1	622	51,0	770	52,4
Женщины	264	9,7	195	8,9	150	8,9	131	10,7	127	8,6
неработ. и неучащиеся	1849	68,2	1415	64,6	1099	65,1	754	61,9	961	65,4
на социал. обеспечении	Нет данных						50	4,1	65	4,4
рабочие и служащие	542	20,0	517	23,6	397	23,5	314	25,8	338	23
индивидуал. предприним.	Нет данных						9	0,7	12	0,8
учащиеся	145	5,4	90	4,1	83	4,9	64	5,3	65	4,4
Иностранцы	78	2,9	79	3,6	88	5,2	40	3,3	51	3,5
Высшее и сред. спец. обр.	Нет данных						337	27,6	432	29,4
базовое и среднее обр.							866	71,0	1018	69,3
в группе	992	36,6	669	30,6	501	29,7	338	27,7	362	24,6
из них организован.	72	2,7	98	4,5	45	2,7	28	2,3	15	1,0
в сост. алког. опьянения	1356	50,0	1106	50,5	950	56,2	688	56,4	770	52,4
в сост. наркот. возбуждения	117	4,3	95	4,3	69	4,1	70	5,7	122	8,3
имеющие судимость	975	36,0	966	44,1	702	41,6	520	42,7	623	42,4
допустившие рецидив	Нет данных						176	14,4	234 27,4 %	15,9
в т.ч. под профил. наблюдением							27	2,2	64 8,1 %	4,4
в т.ч. под превент. надзором							12	1,0	19	1,3
Всего	2710	3,7	2189	3,0	1689	2,5	1219	2,3	1469	2,9
из них освоб. от уголовной ответств.	85	3,1	77	3,5	94	5,6	52	4,3	64	4,4

Таблица 7 – Выявленные лица, совершившие тяжкие преступления

Характеристики лиц, совершивших тяжкие преступления	2009		2010		2011		2012		2013	
	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес	Кол-во	Уд. вес
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
14-17 лет	312	5,3	300	5,2	294	5,5	211	5,5	149	4,1
18-29 лет	2546	42,9	2423	41,7	2180	41,0	1587	41,5	1374	38,1
30 лет и старше	3079	51,9	3085	53,1	2842	53,5	2023	52,9	2080	57,7
женщины	802	13,5	842	14,5	761	14,3	479	12,5	457	15,2
неработ. и неучащиеся	2912	49,0	2825	48,6	2428	45,7	1874	49,0	1662	46,1
на социал. обеспечении	Нет данных						217	5,7	241	6,7
рабочие и служащие	1943	32,7	1880	32,3	1753	33,0	1206	31,6	1159	32,2
индивидуал. предприним.	Нет данных						56	1,5	50	1,4
учащиеся	358	6,0	313	5,4	343	6,5	235	6,2	160	4,4
иностранцы	211	3,6	219	3,8	183	3,4	139	3,6	106	2,9
Высшее и сред. спец. обр.	Нет данных						1348	35,3	1470	40,8
базовое и среднее обр.							2408	63,0	2105	58,4
в группе	1733	29,2	1658	28,5	1442	27,1	1031	27,0	888	24,6
из них организован.	126	2,1	194	3,3	132	2,5	60	1,6	80	2,2

Окончание таблицы 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
в сост. алког. опьянения	2152	36,2	1881	32,3	1692	31,8	1258	32,9	1226	34,0
в сост. наркот. возбуждения	48	0,8	49	0,8	39	0,7	33	0,9	34	0,9
имеющие судимость	1386	23,3	1656	28,5	1344	25,3	1106	28,9	883	24,5
допустившие рецидив	Нет данных						352	9,2	312	8,7
под профил. наблюдением							71	1,9	56 17,9 %	1,6
под превент. надзором							20	0,5	16 5,1 %	0,4
Всего	5937	8,1	5815	7,8	5316	8,0	3821	7,2	3603	7,2
их них освоб. от уголовной ответств.	522	8,8	615	10,6	1002	18,8	672	17,6	594	16,5

Таблица 8 – Лица, потерпевшие в результате совершения тяжких и особо тяжких преступлений (в % к числу потерпевших соответствующей категории)

Потерпевшие	несовершенно-летние	18–29 лет	30–49 лет	50–69 лет	70 лет и старше	женщины	иностранцы	неработ./неучащ.	в сост. алкогол. опьянен.
от всех преступлений	10,6	26,2	37,1	20,9	5,2	42,3	1,8	34,6	8,4
от особо тяжких	13	18,8	37	24,3	7	41	1,8	46,2	33,2
от тяжких	2,3	30,3	46	18,5	2,8	32,5	2,6	42	16,8
ст. 139 УК	3,1	19,4	39,6	32	5,9	30,8	2,6	57,3	46,7
ст. 143 УК	0	28,6	57,1	14,3	0	0	0	85,7	28,6
ст. 144 УК	3,2	11,3	50	32,3	3,2	16,1	1,6	54,8	37,1
ст. 147 УК	1,5	21,3	51,7	23,1	2,4	22,2	1,2	60,8	54,1
ст. 149 УК	3,2	25,2	38,1	27,8	5,7	34,7	1,8	44	29,6
ст. 166 УК	25,9	38,9	16,7	12	6,5	100	1,9	27,8	18,5
ст. 167 УК	72,5	14,8	7	4,2	1,4	67,6	0,7	23,9	8,5
ст. 206 УК	4,5	24,2	32,4	28,4	10,5	44	1,8	33,3	24,5
ст. 207 УК	3,3	21,7	38,3	23	13,7	43	1,7	29	24
ст. 317 УК	9,3	25,9	31,3	25,1	8,3	38,7	5	43,6	9,1
погибшие	4,3	21,7	37,1	29,1	7,9	30,6	4,1	53,3	27,1
раненные	7,5	23,1	43,1	22,7	3,6	27,5	2,9	47,7	35,9

Таблица 9 – Характеристика осужденных за распространенные тяжкие и особо тяжкие преступления

Статья УК (часть)	Число осуж- денных	Число осуж- денных, име- ющих несня- тую и непога- шенную суди- мость		Из них ранее судимых за преступления:						Число осужденных, совершивших последнее преступление в период отбывания наказания						Число осужденных, совершивших последнее преступление после отбывтия наказания				Число осужденных, со- вершивших последнее преступление в течение 1 года			
		одну	две и более	против жизни и здо- ровья	против соб- ствен- ности	против поря- дка осу- ществ- ления экон. деят.	ху- ли- ган- ство	ли- ше- ния своб.	огра- ни- че- ния сво- боды	ино- го нак- за- ния	от- сроч- ка	условное непри- менение наказа- ния	пол- но- стью	УДО	осво- божд. по ам- нистии и др. основ.	после осво- б.	после отб- тия	после огра- нич. свободы					
насильственные																							
139	334	35	80	28	56	24	7	4	10	13	1	1	59	1	11	29	1	8					
147	951	91	186	64	126	61	14	4	17	39	3	2	167	5	19	65	8	30					
166	61	13	22	6	17	6	1	1	1	3	1		25			11		4					
339 (3)	181	27	41	14	31	13	12	1	3	7	1	2	40	2	3	17	4	9					
корыстные																							
205 (4)	76	10	20	1	24	1			1	7			11		3	6	2	2					
209 (4)	102	14	12	1	20	1		1	2	4			11	3	1	3	2	1					
221	6		2		1				1														
корыстно-насильственные																							
207	281	38	111	11	103	9	6	3	13	18	4	3	85	3	8	49	4	10					
208 (2-3)	55	11	17	2	11		4		6	4	2		13	2		6	2	3					
корыстно-служебные																							
210 (2-4)	82	2	1		2					1			1										
430	54	1	1						1														
431	29	2	5	1	4	1		1	2		1		3			1							
связанные с наркотиками																							
328	2470	315	527	38	306	35	38	3	132	100	40	13	406	17	58	173	38	51					
Все	38479	6603	12895	1031	10268	941	696	157	2548	4815	347	127	8927	263	761	3934	481	2122					

Таблица 10 – Наказание за тяжкие преступления

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Осуждено лиц	7534	7276	6872	6155	5203	4600	4530	3983	2878	2652
% к общ. к-ву осужд..	10,2	9,4	8,8	8,7	7,6	7,4	7,4	7,1	7,1	6,9
Штраф	163	67	66	30	25	35	25	66	77	43
Исправ. работы	534	201	287	112	141	92	91	93	56	47
Арест	58	16	31	30	27	23	30	38	24	6
Огр. свободы	1763	1694	1417	1238	1381	1491	1341	1307	829	833
в т.ч. без напр.в ИУОТ	Нет данных						900	902	613	602
Лишение свободы / уд. вес	4456 59,1 %	4854 66,7 %	4695 68,3 %	4381 71,2 %	3308 63,6 %	2659 57,8 %	2541 56,1 %	1922 49,4 %	1368 47,5 %	1349 50,9 %
До 2 лет	344	233	219	165	161	132	211	155	156	123
От 2 до 3 лет	963	1014	1092	1134	892	669	569	460	334	277
От 3 до 5 лет	1882	2011	1968	1777	1517	1302	1224	975	681	672
Свыше 5 лет	1267	1596	1346	1305	742	555	537	332	197	279
Отсрочка ис- пол.наказ.	380 5,0 %	285 3,9 %	290 4,2 %	236 3,8 %	189 3,6 %	232 5,0 %	417 9,2 %	383 9,6 %	484 16,8 %	323 12,2 %
Усл.неприм.наказ.	155	152	130	97	104	54	52	63	31	46
Без наказания	0	0	0	0	0	1	2	1	0	1
Принудител. меры к алкогол.	574	599	623	629	576	557	599	494	431	442
Принудител. меры к нарком.	169	181	181	168	61	47	64	65	50	56
Принудител. меры без.и леч.	16	15	22	26	17	26	21	11	16	12

Таблица 11 – Наказание за особо тяжкие преступления

	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Осуждено лиц	3067	2975	2846	2509	2485	2277	1875	1419	1080	1189
В % к общему числу осужден.	4,2	3,8	3,6	3,5	3,6	3,7	3,1	2,7	2,8	3,1
Общест. работы	0	0	0	0	0	0	0	1	0	0
Штраф	8	1	1	0	1	0	2	0	1	0
Лишен.права заним.опр. дол.	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Исправ. работы	8	1	2	0	0	1	0	0	0	0
Арест	11	4	1	1	1	0	2	1	1	0
Огр.свободы	50	4	14	15	19	19	11	29	12	9
В т.ч. без напр. в ИУОТ	Нет данных						8	16	11	6
Лишение сво- боды	2971 96,9 %	2958 99,4 %	2805 98,6 %	2479 98,8 %	2457 98,9 %	2253 98,9 %	1856 99 %	1375 96,9 %	1055 97,7 %	1171 98,5 %
До 5 лет	347	179	146	90	127	90	75	77	75	55
От 5 до 8 лет	1550	1659	1583	1404	1337	1219	997	731	558	564
От 8 до 10 лет	484	470	429	426	555	521	466	324	221	287
От 10 до 15 лет	374	451	416	399	325	292	205	152	130	181
От 15 до 25 лет	216	191	224	153	107	126	110	91	71	84
Пожизн. закл.	12	8	7	7	5	5	2	4	4	2
Смертная казнь	2	2	9	4	2	2	2	3	0	2
Принудител. меры к алкогол.	569	613	656	606	463	491	413	361	323	329
Принудител. меры к нарком.	18	24	24	15	95	114	124	53	34	56
Принудител. меры без.и леч.	9	16	9	14	5	8	11	11	14	7

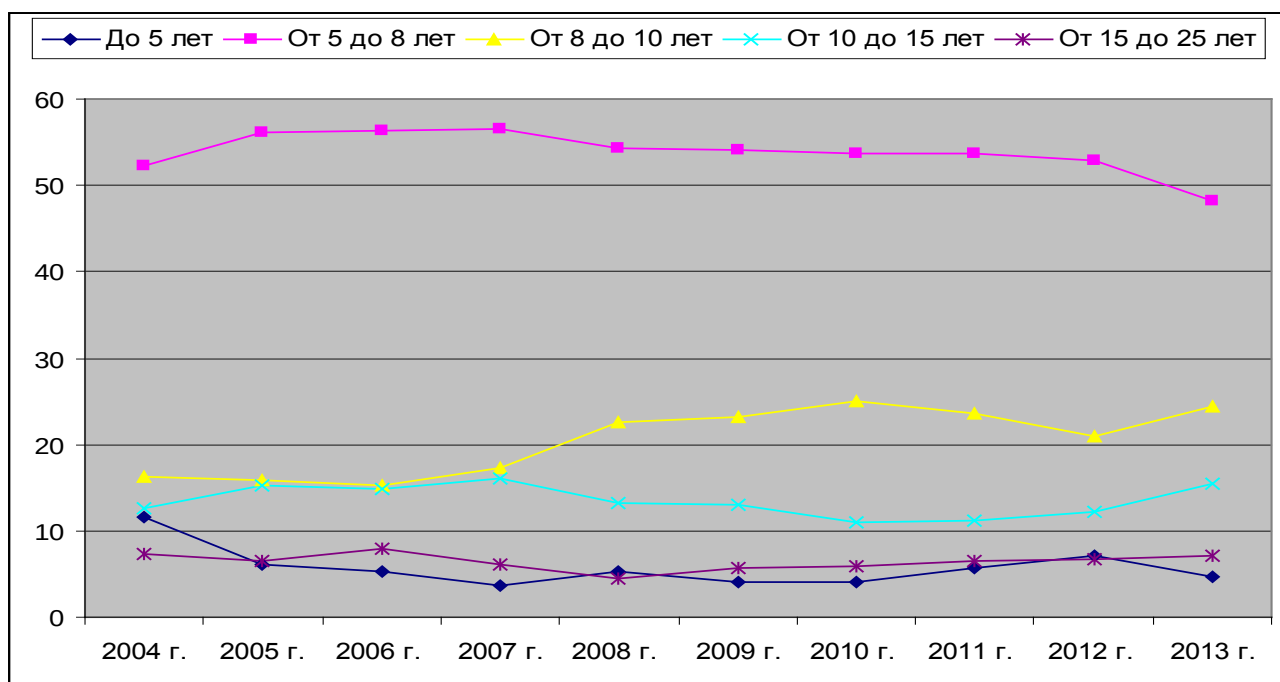

Рисунок 1 – Динамика удельного веса различных сроков лишения свободы при осуждении за особо тяжкие преступления за период 2004–2013 гг.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ЗАКОННОСТЬЮ ОТКАЗА В ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА*

Солтанович А.В.

Общие положения

При осуществлении надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия в стадии возбуждения уголовного дела особое внимание прокурора должно быть уделено законности решения об отказе в возбуждении уголовного дела. Это объясняется многими факторами. Во-первых, незаконный отказ в возбуждении уголовного дела лишает органы уголовного преследования возможности осуществлять любую деятельность по дальнейшему всестороннему исследованию обстоятельств совершенного преступления. Во-вторых, такое решение не только препятствует доступу пострадавших от преступления граждан к правосудию, возможности взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда (ст. 60 Конституции Республики Беларусь), но и делает невозможным защиту общественных и государственных интересов. В третьих, незаконное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, пусть даже впоследствии отмененное, приводит из-за упущенного времени к утрате следов преступления, затруднению или невозможности формирования тех или иных доказательств.

Говоря о постановлениях об отказе в возбуждении уголовного дела, следует отметить, что они, как и все другие решения по материалам и уголовным делам, должны быть не только законными, но и обоснованными и мотивированными.

Обоснованность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела означает, что они должны выноситься на основе всесторонне, полно и объективно исследованных материалов; мотивированность указанных решений выражается в том, что они должны базироваться исключительно на имеющихся фактических данных. Данные требования следует рассматривать как гарантии законности решения. Иными словами, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела является законным, если оно соответствует требованиям материального и процессуального закона, вынесено в установленном УПК порядке и является обоснованным и мотивированным. Требование мотивированности к постановлению повышает ответственность должностного лица или органа, его вынесшего, и служит гарантией от формального подхода к принятию решения. Кроме этого, мотивированность постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела делает их убедительными для всех заинтересованных лиц, тем самым позволяя избежать многочисленных жалоб. Однако

* Публикуется в виде методологических рекомендаций для прокурорских работников, следователей, органов дознания.

в отличие от УПК Российской Федерации, где в ч. 4 ст. 7 прямо закреплено, что определения суда, постановления судьи, прокурора, следователя, дознавателя должны быть законными, обоснованными и мотивированными, в белорусском уголовно-процессуальном законодательстве эти требования вытекают из различных статей УПК (например, из ст.ст. 8, 102, 350).

Наиболее часто встречаемыми на практике нарушениями при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела являются: неполнота проведенной проверки; несоответствие вывода о наличии основания для отказа в возбуждении уголовного дела фактическим данным, содержащимся в сообщении о преступлении, а также в материалах проверки; неправильное применение норм материального и процессуального права.

Предмет прокурорского надзора

В предмет прокурорского надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела входят следующие вопросы: 1) регистрация сообщений о преступлениях, их проверка и продление сроков проверки; 2) отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела; 3) наличие обстоятельств, исключающих возбуждение уголовного дела; 4) наличие полномочий на принятие данного решения у должностных лиц.

Регистрация заявлений и сообщений о преступлениях, их проверка и продление сроков проверки

Устанавливая единый порядок производства по материалам и уголовным делам, УПК налагает на орган уголовного преследования **обязанность принять, зарегистрировать и рассмотреть** заявление или сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении (ч. 1 ст. 172 УПК). Указанная обязанность применительно к регистрации и учету правонарушений детализируется в Законе Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 94-З «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» (в ред. Закона Республики Беларусь от 13.12.2011 № 325-З), а также в ведомственных актах, к которым относятся, например, Инструкция о порядке приема, регистрации, рассмотрения и учета органами внутренних дел заявлений и сообщений о преступлениях, административных правонарушениях и информации о происшествиях, утвержденная Постановлением Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 10.03.2010 № 55; Инструкция о порядке приема, регистрации, учета и рассмотрения в органах пограничной службы Республики Беларусь заявлений и сообщений о преступлениях, утвержденная Постановлением Государственного пограничного комитета от 26.04.2010 № 10; Инструкция о порядке приема, регистрации, рассмотрения и учета в органах государственной безопасности Республики Беларусь заявлений и сообщений о преступлениях, утвержденная Постановлением Комитета государственной безопасности Республики Беларусь от 22.07.2005 № 24 (в ред. постановления

КГБ от 12.05.2009 № 31); Инструкция о порядке приема, регистрации, учета и рассмотрения в Вооруженных Силах Республики Беларусь заявлений и сообщений о преступлениях, утвержденная Постановлением Министерства обороны Республики Беларусь от 20.01.2009 № 5 и др.

В соответствии со ст. 15 приведенного выше Закона «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» надзор за точным и единообразным исполнением законодательства о единой государственной системе регистрации и учета правонарушений осуществляют Генеральный прокурор Республики Беларусь и подчиненные ему прокуроры. В связи с этим нельзя не указать на то, что в соответствии со ст. 8 данного закона регистрации и учету, наряду с другими, подлежат преступления, по которым вынесены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в случаях, предусмотренных пп. 3, 4, 7, 10 ч. 1 ст. 29 УПК, т. е. в том числе за истечением сроков давности и вследствие акта амнистии, что не соответствует уголовно-процессуальному закону, и такое противоречие должно быть устранено.

При осуществлении надзора за законностью приема, регистрации и рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях прокурору следует иметь в виду, что органами уголовного преследования могут допускаться такие нарушения, которые выражаются в том, что пострадавшим отказывают в приеме заявлений о преступлениях; принятые заявления не регистрируются и не рассматриваются; преступления регистрируются как административные проступки; предвидя «бесперспективность» расследования на заявителей оказывается давление с целью убедить, что на самом деле преступление в отношении их не совершалось, а, например, деньги, ценности, вещи были просто утрачены и т. п.

Ч. 4 ст. 38 УПК предусмотрено право начальника органа дознания направлять в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 174 УПК в органы предварительного следствия заявления или сообщения о преступлениях вместе с материалами их проверки **при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления**. Аналогичное право органа дознания закреплено в ч. 1 ст. 186 УПК, однако уголовно-процессуальным законом не регламентирован порядок его реализации. Вместе с тем следует отметить, что заявления и сообщения о преступлениях с материалами их проверки, переданные в порядке ч. 1 ст. 186 УПК, не должны регистрироваться в единую книгу органами предварительного следствия по общему правилу, установленному ст. 172 УПК, наравне с иными заявлениями и сообщениями, предусмотренными ст.ст. 168–172 УПК. Данная позиция основывается на том, что заявления и сообщения о преступлениях должны регистрироваться только один раз при их приеме. Соответственно, если лицо обращается с заявлением или сообщением в орган дознания, то последний и обязан зарегистрировать его в единую книгу. Регистрация следственными подразделениями заявлений или сообщений, направляемых органами дознания в порядке, установленном ст. 172 УПК, приведет к двойному учету одних и тех же заявлений или сообщений. Кроме того, заявление или сообщение передается в орган предвари-

ного следствия после рассмотрения должностным лицом органа дознания вместе с материалами проверки, что также не позволяет рассматривать их в общем порядке. В этой связи представляется, что заявления и сообщения о преступлениях, передаваемые в порядке ч. 1 ст. 186 УПК, должны быть зарегистрированы следственными подразделениями не в единую книгу учета заявлений и сообщений о преступлениях, а в книгу регистрации входящих документов.

Порядок рассмотрения заявления или сообщения о преступлении органами уголовного преследования регламентирован ст.ст. 173 и 174 УПК. Применительно к органам дознания ч. 2 ст. 37 УПК прямо указывает органу дознания на необходимость проведения проверки по заявлению или сообщению о преступлении, принятия по ним решения в соответствии со ст. 174 УПК.

Ч. 2 ст. 173 УПК устанавливает, что до возбуждения уголовного дела могут быть получены объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребованы дополнительные документы, назначена проверка финансово-хозяйственной деятельности, произведены осмотр места происшествия, трупа, местности, предметов, документов, освидетельствование, экспертизы, задержание и личный обыск при задержании, а также может быть проведено извлечение трупа из места захоронения (эксгумация). Данный перечень процессуальных и следственных действий является исчерпывающим. Это означает, что если постановление об отказе в возбуждении уголовного дела базировалось на данных, полученных посредством иных, не входящих в указанный перечень действий, его следует признать незаконным с последующей отменой.

Практика прокурорского надзора свидетельствует, что весьма распространенным нарушением при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях является несоблюдение предписаний закона о продлении сроков проверки.

Ч. 1 ст. 173 УПК устанавливает общий срок для принятия решения по заявлению либо сообщению о преступлении. Чч. 3 и 4 ст. 173 УПК предусматривают, в случае невозможности принятия **решения** по заявлению или сообщению о преступлении в указанные в ч. 1 данной статьи сроки, возможность их продления начальником следственного подразделения и прокурором. Часть же 5 ст. 173 регламентирует порядок установления сроков **дополнительной проверки** при направлении прокурором материалов после отмены постановления о возбуждении либо об отказе в возбуждении уголовного дела, т. е. тогда, когда уже имеется **решение** органа дознания или следователя по заявлению или сообщению о преступлении. Само по себе возвращение материалов на дополнительную проверку говорит о том, что начальник органа дознания или следственного подразделения ненадлежащим образом осуществлял процессуальное руководство, что повлекло вынесение незаконного и необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Исходя из содержания ч. 5 ст. 173 УПК, 10-тидневный срок проверки устанавливается прокурором в целях устранения выявленных при осуществлении надзора нарушений законодательства при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении в короткий период и является максимальным.

Для дополнительного подтверждения данного вывода следует привести положения ст. 190 УПК, регламентирующие сроки предварительного следствия. Указанная статья предусматривает возможность продления сроков предварительного следствия начальником следственного подразделения и прокурором или его заместителем. Ч. 5 ст. 190 УПК регламентирует порядок установления и продления сроков предварительного следствия в случае возвращения, направления прокурором или его заместителем уголовного дела для производства *дополнительно предварительного следствия*, предусматривая, что дальнейшее продление срока следствия производится *на общих основаниях* в порядке, предусмотренном ст. 190 УПК. Ст. 173 УПК относительно сроков проведения дополнительной проверки по заявлениям или сообщениям о преступлениях подобной возможности не предусматривает. Поэтому 10-тидневный срок производства дополнительной проверки, устанавливаемый прокурором в соответствии с ч. 5 данной статьи, **не может** быть продлен начальником следственного подразделения.

Еще один аспект, относящийся к срокам проверки, и который должен быть в поле зрения прокурора, заключается в следующем. Среди сотрудников органов уголовного преследования существует и достаточно настойчиво высказывается мнение, что в случаях необходимости получения заключений экспертиз, актов ревизий, инвентаризаций, ответов на запросы в компетентные органы иностранных государств и других документов для принятия решения по заявлению, сообщению о преступлении, возможно приостановление срока проверки по аналогии с приостановлением предварительного расследования. Однако данный подход в уголовном процессе с точки зрения сущности термина «**приостановление**» неприемлем. Так, ч. 3 ст. 247 УПК устанавливает, что «**производство по уголовному делу, расследование по которому приостановлено, не допускается**». Соответственно, производство следственных и иных процессуальных действий по приостановленной проверке также невозможно, в том числе и проведение экспертизы, так как полученные с ее помощью доказательства признаются недопустимыми и не будут иметь юридической силы. Аналогично решается данный вопрос и в стадии судебного разбирательства. Так, ч. 4 ст. 302 УПК предусматривает, что при необходимости производства экспертизы суд может **отложить** (но не приостановить) судебное разбирательство по уголовному делу на срок ее проведения.

Отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела

Ст. 167 УПК установлено два возможных основания к возбуждению уголовного дела: 1) наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу; 2) исчезновение лица, если в течение десяти суток с момента подачи заявления оперативно-розыскными мероприятиями, проведенными в этот срок, установить местонахождение лица не представляется возможным. В свою очередь, в ч. 1 ст. 178 УПК указывается, что при отсутствии основа-

ний для возбуждения уголовного дела орган дознания, следователь, прокурор выносят мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Из содержания последней нормы может быть сделан неправильный вывод о том, что само по себе отсутствие достаточных данных, указывающих на признаки преступления, может быть самостоятельным основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. Однако это не так. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела (ситуация с исчезновением лица будет рассмотрена ниже) может быть принято лишь при наличии соответствующих, перечисленных в ст. 29 УПК обстоятельств, исключающих производство по уголовному делу. Не случайно данные обстоятельства в литературе и на практике иногда также именуются основаниями для отказа в возбуждении уголовного дела или его прекращения. Основание (обстоятельство) для отказа в возбуждении уголовного дела должно быть установлено достоверно. Поэтому, в каждом случае, когда все допустимые для первой стадии процесса 1) проверочные действия будут выполнены, 2) предусмотренные законом сроки исчерпаны, но 3) ни одно из указанных в ст. 29 УПК обстоятельств не будет установлено как истинное, должно возбуждаться уголовное дело. В каждом из таких случаев будет иметь место та искомая необходимая и достаточная вероятность совершения уголовно наказуемого деяния, которая нужна для законного и обоснованного возбуждения уголовного дела.

При осуществлении надзора прокурору необходимо иметь в виду, что на практике зачастую решения принимаются с точностью до наоборот, т. е. в возбуждении уголовного дела отказывается без достоверного установления соответствующих оснований, по надуманным причинам, оправдывая свое решение отсутствием сведений о совершившем преступление лице, отсутствием судебной перспективы материалов и т. п., что никак не вытекает из уголовно-процессуального закона. Еще одна причина вынесения незаконных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел заключается, как представляется, в том, что многие практические работники, в том числе прокуроры, расценивают сам факт прекращения уголовных дел, особенно за отсутствием события и состава преступления, как следствие их неосновательного возбуждения, как брак в работе. В такой ситуации должностные лица органов уголовного преследования вынуждены любой ценой устанавливать все имеющие значение обстоятельства преступного события, продлевая сроки проверки и прибегая к проведению следственных действий в завуалированных формах. И что самое главное, лица, в отношении которых проводится проверка, длительное время не имеют какого-либо процессуального статуса, кроме как положения лица, дающего объяснения, что никак не соответствует реальному положению дел.

Что касается исчезновения лица, то здесь основанием для отказа в возбуждении уголовного дела будет наличие данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, о том, что исчезновение лица не связано с совершением преступления. Однако и здесь отказывать в возбуждении уголовного дела необходимо со ссылкой на п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК, т. е. в связи с отсутствием события преступления.

Наличие обстоятельств, исключающих возбуждение и производство по уголовному делу

В ст. 29 УПК приводится перечень обстоятельств, при наличии которых уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное подлежит прекращению.

Ч. 1 указанной статьи не разделяет основания для отказа в возбуждении и для прекращения уголовного дела. Такая конструкция вызывает различное толкование по поводу применения того или иного основания и, как следствие, неоднозначные подходы, ошибки и недостатки в деятельности органов уголовного преследования. Для правильного применения ч. 1 ст. 29 УПК необходимо учитывать, что перечисленные в ней обстоятельства можно разделить, с одной стороны, на реабилитирующие и нереабилитирующие, с другой – на материально-правовые и процессуальные. Материально-правовые исключают само основание уголовной ответственности, преступность деяния или его наказуемость (например, отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления). Процессуальными обстоятельствами, исключающими возбуждение уголовного дела, являются такие, наличие которых применительно к уголовному праву не исключает факта преступления и наказания за его, но в силу требования процессуального закона устраняет возможность возбуждения уголовного дела и ведения расследования (например, отсутствие заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению; в случае отказа должностного лица (органа) в даче согласия на возбуждение уголовного дела в отношении лица, указанного в пп. 1, 2, 5 и 6 ст. 468-2 УПК).

Использование приведенной классификации позволяет, в свою очередь, выделить обстоятельства, по которым допускается как отказ в возбуждении уголовного дела, так и прекращение производства по нему (пп. 1, 2, 6, 8, 9, 10, 12, 13 ч. 1 ст. 29 УПК), и обстоятельства, которые могут влечь только прекращение уголовного дела (пп. 3, 4, 5, 7, 11 ч. 1 ст. 29 УПК) (обоснование будет дано ниже по отдельным пунктам, применение которых вызывает наибольшие затруднения на практике), а также уточнить полномочия органов уголовного преследования, в частности органов дознания, по принятию решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Несмотря на то, что методические рекомендации посвящены анализу надзора прокурора за законностью именно отказа в возбуждении уголовного дела, представляется необходимым охарактеризовать те пункты ч. 1 ст. 29 УПК, при применении которых на практике возникают разногласия и вопрос формирования единых подходов остается актуальным.

Отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом, как основание для отказа в возбуждении уголовного дела означает отсутствие действия или бездействия, по поводу которого могло быть начато производство по делу. При этом само событие, которое первоначально воспринималось как преступление, могло иметь место, но если оно не являлось

человеческим деянием, а представляло собой результат воздействия природных сил (возгорание помещения от удара молнии, гибель вследствие падения от порыва ветра дерева и т. п.), диких животных (дорожно-транспортное происшествие из-за внезапного их выхода на дорогу) и т. д. В подобных ситуациях отказ в возбуждении дела производится по рассматриваемому основанию.

Оно же применяется также и тогда, когда не существовало **никакого деяния**, послужившего причиной сообщения о совершении преступления (было сделано заведомо ложное сообщение о преступлении; заявителю показалось, что у него пропали деньги, и т. п.). Если же обнаружится, например, что причиной для подачи заявления лица о краже или угоне принадлежащего ему автомобиля послужили действия члена его семьи, переставившего автомобиль в другое место без ведома владельца, то в этом случае нельзя сделать вывода, что события, содержащего некоторые признаки кражи или угона (в данной ситуации – исчезновения автомобиля), не существовало. Основанием для отказа в возбуждении уголовного дела в этом случае будет другое основание – отсутствие состава преступления в действиях члена семьи.

При осуществлении надзора за законностью решения об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием события преступления основное внимание прокурора должно быть сосредоточено на том, установлено ли отсутствие факта, о котором соответствующие должностные лица и органы уведомлены сообщением о преступлении.

Неустановление (недоказанность) события преступления по общему правилу является основанием лишь для решения о прекращении дела, но не об отказе в его возбуждении, так как для того, чтобы сделать вывод о неустановлении события, прежде надо использовать весь арсенал следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и необходимых для доказывания этого события, что обычно возможно только после возбуждения уголовного дела.

Отсутствие состава преступления означает, что нет хотя бы одного из признаков, характеризующих субъект, субъективную сторону, объект или объективную сторону преступления. Отсутствует состав преступления и в тех случаях, когда деяние имело правомерный характер ввиду наличия обстоятельств, исключающих его преступность (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, обоснованный риск и др. действия, указанные в гл. 6 УК), либо когда деяние не является преступлением в силу малозначительности (ч. 4 ст. 11 УК). Несмотря на то, что в отличие, например, от УПК Российской Федерации (ч. 1 ст. 148), уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь не содержит предписания о том, что отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления допускается лишь в отношении конкретного лица, представляется, что на практике этот вопрос решаться по-иному не может. Это объясняется тем, что если некими действиями неустановленных лиц не причиняется вред общественным отношениям или они не ставятся под угрозу причинения такого вреда (объект преступления), отсут-

ствуется общественно опасное действие или бездействие (объективная сторона состава преступления), то вообще отсутствует общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, и отказывать в возбуждении уголовного дела необходимо по п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК. Отказать же в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием таких элементов состава преступления как субъект и субъективная сторона, а также по обстоятельствам, перечисленным в гл. 6 УК и ч. 4 ст. 11 УК, можно только при наличии конкретного лица (лиц), деяния которых первоначально были восприняты как преступные.

Истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Решение вопроса об истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности возможно при точной квалификации преступного деяния, что позволяет отнести его к соответствующей категории преступлений, указанных в ст. 12 УК, и, таким образом, определить сами сроки давности (ст. 83 УК).

В свою очередь точная квалификация преступления (особенно по смежным составам) может быть дана только на основе доказательств, полученных путем производства следственных и процессуальных действий в рамках уголовного дела. Так, например, кража, совершенная организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 205 УК), относится к категории тяжких преступлений со сроком давности привлечения к уголовной ответственности 10 лет, а грабеж, совершенный организованной группой либо в особо крупном размере (ч. 4 ст. 206 УК), – к особо тяжким преступлениям со сроком давности привлечения к уголовной ответственности 15 лет. Более того, в рамках одного и того же преступного деяния, в зависимости от квалифицирующего признака, сроки давности привлечения к уголовной ответственности довольно часто различаются.

Истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности определяется по сути дела с вынесением постановления о привлечении в качестве обвиняемого, где и дается точная квалификация содеянного. Именно с этого момента в деле появляется обвиняемый, согласие которого (а не просто лица) на прекращение уголовного дела при истечении сроков давности предусматривает ч. 3 ст. 29 УПК. Поэтому после разъяснения обвиняемому прав, ознакомления с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого, орган уголовного преследования обязан сообщить обвиняемому об истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности и испросить согласие на прекращение уголовного дела. При получении такого согласия орган уголовного преследования выносит постановление о прекращении уголовного дела с соблюдением требований ст.ст. 251, 252 УПК и отменой правоограничительных мер. В противном случае производство по делу продолжается в обычном порядке.

Уголовно-процессуальный закон допускает прекращение уголовного дела по рассматриваемому основанию в отношении **подозреваемого**. Однако с учетом вышеизложенного применительно к обвиняемому, следует сделать вывод, что это может иметь место только в случае вынесения **постановления**

о признании подозреваемым, в котором на основе собранных доказательств дается четкая и однозначная квалификация содеянного.

Таким образом, постановления об отказе в возбуждении уголовных дел, вследствие истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, следует признать незаконными.

Наличие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное общественно опасное деяние, а также акта амнистии либо иного акта иностранного государства, если они устраняют применение наказания за общественно опасное деяние, совершенное на его территории лицом, уголовное преследование которого осуществляется на территории Республики Беларусь по просьбе органа иностранного государства.

Согласно ч. 1 ст. 29 УПК уголовное дело не может быть возбуждено, за исключением случаев, предусмотренных пп. 3 и 4 ч. 1 указанной статьи, а по возбужденному делу производство подлежит прекращению, т. е. даже при наличии акта амнистии в период проверки по заявлению или сообщению о преступлении уголовное дело должно возбуждаться. Обусловлено данное обстоятельство тем, что применение акта амнистии как основания освобождения от уголовной ответственности и наказания не может производиться вне возбуждения уголовного преследования в отношении лица, совершившего преступление.

Необходимо отметить, что в ходе проверки по заявлению или сообщению о преступлении возможно установление лишь наличия признаков преступления, в то время как решение вопроса о применении в отношении конкретного лица Закона об амнистии должно осуществляться при точной квалификации преступного деяния, которая может быть дана только на основе доказательств, полученных путем производства следственных и процессуальных действий в рамках уголовного дела. При этом доказательства, подтверждающие наличие преступного деяния, виновность подозреваемого и иные обстоятельства, предусмотренные в ст. 89 УПК, должны быть собраны в полном объеме, надлежащим образом проверены и оформлены процессуально.

Еще одним подтверждением недопустимости отказа в возбуждении уголовного дела вследствие акта амнистии является необходимость получения согласия подозреваемого (обвиняемого) на прекращение уголовного дела (ч. 3 ст. 29 УПК). Лица могут признаваться подозреваемыми либо обвиняемыми лишь после возбуждения уголовного дела, а соответственно, и возможность освобождения их от уголовной ответственности и наказания возникает только с указанного момента и осуществляется посредством прекращения производства по уголовному делу.

Более того, как правило, Законом об амнистии возлагается обязанность его исполнения на органы уголовного преследования применительно к тем лицам, уголовные дела, в отношении которых находятся в их производстве, т. е. на материалы проверок по заявлениям и сообщениям о преступлении действие указанного Закона не распространяется.

Примирение лица, пострадавшего от преступления, с обвиняемым.

Комплексный анализ уголовных и уголовно-процессуальных норм, регулирующих вопросы отказа от уголовного преследования в связи с примирением с обвиняемым лица, пострадавшего от преступления, позволяет сделать однозначный вывод о том, что принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела при наличии данного обстоятельства недопустимо и речь здесь может идти только о прекращении производства по делу. При этом в качестве единственного процессуального основания для принятия такого решения служит императивное указание, содержащееся в ч. 2 ст. 26 УПК, которое относится только к делам частного обвинения и адресовано исключительно **суду**. В свою очередь порядок прекращения таких дел урегулирован ст.ст. 427 и 428 УПК, из содержания которых вытекает, что для принятия решения о прекращении дела необходимо наличие заявлений сторон о примирении. Такое же решение принимается в случае неявки частного обвинителя или его представителя в судебное заседание суда первой инстанции без уважительных причин. Таким образом, принятие рассматриваемого решения связывается в первую очередь с возникшим у потерпевшего намерением не привлекать обвиняемого к уголовной ответственности. Здесь же следует указать, что уголовно-процессуальный закон в таких ситуациях не требует доказывать вину обвиняемого и заглаживать последним какой-либо причиненный вред. Это означает, что обвиняемый полностью реабилитируется.

Рассмотренная регламентация никоим образом не может быть применима к делам частного-публичного и публичного обвинения, что, однако, не исключает прекращения производства по данным категориям дел в связи с примирением с обвиняемым лица, пострадавшего от преступления. Исходной предпосылкой для этого выступает **материально-правовое основание**, сформулированное в ст. 89 УК, в соответствии с которой лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред. С учетом ст. 82 УК, устанавливающей, что лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности лишь в случаях, предусмотренных данным кодексом, можно констатировать, что п. 2 ч. 1 ст. 30 УПК детализирует норму ст. 89 УК указанием на субъектов ее применения. Поэтому прекращение производства по делам частного-публичного и публичного обвинения с освобождением от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим **допускается** при наличии совокупности условий: 1) преступление относится к категории не представляющего большой общественной опасности либо к менее тяжкому, совершенному впервые; 2) в деле должны фигурировать потерпевший и обвиняемый, при этом виновность последнего в совершении конкретного преступления должна быть доказана либо на стадии предварительного следствия, либо в судебном разбирательстве; 3) примирение должно иметь обоюдный характер, а не выражаться лишь в одностороннем желании потерпевшего;

4) обвиняемый должен загладить причиненный преступлением вред; 5) прокурор (следовательно требуется его согласие) или суд с учетом всех обстоятельств дела и личности обвиняемого пришел к выводу о возможности освобождения обвиняемого от уголовной ответственности, т. е. прекратить производство по **нереабилитирующему** основанию. В реализации прокурором или судом указанного права (**не обязанности**) находят выражение так называемые альтернативные формы разрешения уголовно-правовых конфликтов, что стало важной особенностью развития почти всех современных национальных правовых систем, когда принцип неотвратимости уголовной ответственности за каждое совершенное преступление органично сочетается с принципом дискреционного уголовного преследования, т. е. с правом компетентных государственных органов отказаться от уголовного преследования или прекратить его.

Возникшие на практике разногласия по применению п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК объясняются, как представляется, неправильным толкованием изменения, внесенного Законом от 13.12.2011 № 325-З, в соответствии с которым из ч. 4 ст. 26 УПК (применительно к делам частного-публичного обвинения) была исключена фраза: «... но производство по ним за примирением с обвиняемым прекращению не подлежит». При оставлении такого запрета ст. 89 УК невозможно было бы применить по делам частного-публичного обвинения и наоборот для ее применения по делам публичного обвинения препятствий не было, что противоречило здравому смыслу.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что применение п. 5 ч. 1 ст. 29 УПК по делам частного-публичного и публичного обвинения является **незаконным**.

Отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием заявления лица, пострадавшего от преступления, если уголовное дело возбуждается и рассматривается не иначе как по его заявлению.

Отсутствие заявления лица, пострадавшего от преступления, может быть выражено не только физическим отсутствием документа, но и отсутствием в имеющемся заявлении просьбы потерпевшего привлечь лицо, совершившее преступление, к уголовной ответственности. Так, например, показания свидетеля или потерпевшего на допросе по иному уголовному делу о совершении в отношении его преступления, относящегося к категории дел частного или частного-публичного обвинения, не будут являться основанием для возбуждения такого дела.

Отказ в возбуждении уголовного дела в отношении умершего, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего.

Формально из п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК вытекает, что принятие решения об отказе в возбуждении уголовного дела по данному обстоятельству является обязанностью органа уголовного преследования.

Однако при этом должен быть установлен и подтверждаться материалами проверки факт совершения умершим преступления, а также приведены дока-

зательства (которые могут быть собраны уже и на стадии возбуждения уголовного дела с учетом широкого перечня неотложных следственных действий, производство которых допускается в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении) его виновности в совершении инкриминируемого преступного деяния, т. е. на основании материалов проверки должен быть сделан однозначный вывод о совершении преступления именно умершим лицом.

В то же время, если однозначного вывода о виновности лица сделать невозможно, имеются сомнения относительно наличия в деянии состава преступления, виновности умершего, то решение об отказе в возбуждении уголовного дела по п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК приниматься не должно. В подобных случаях должны выноситься решения либо об отказе в возбуждении уголовного дела по соответствующим реабилитирующим основаниям, либо должно проводиться расследование уголовного дела в общем порядке.

Данное решение не должно ставиться в зависимость от согласия или несогласия с ним близких родственников или иных лиц, интересы которых затронуты. Так, если в отношении одного лица его близкими родственниками или иными лицами будет оспорено решение об отказе в возбуждении уголовного дела, а в отношении другого ввиду отсутствия у него указанных лиц этого не произойдет, нельзя говорить о равенстве защиты прав личности. Несогласие близких родственников с решением органа уголовного преследования об отказе в возбуждении уголовного дела должно являться частным случаем продолжения производства по уголовному делу.

Отказ в возбуждении уголовного дела в случае вступления в силу закона, устранивающего наказуемость деяния.

П. 10 ч. 1 ст. 29 УПК в качестве самостоятельного основания для отказа в возбуждении уголовного дела предусмотрено вступление в силу закона, устранивающего наказуемость деяния. Указанное основание является специфическим, поскольку в момент совершения деяния состав преступления имелся. Однако уголовный закон, устранивающий преступность деяния, своей обратной силой декриминализирует его, вследствие чего состав преступления отсутствует лишь после вступления его в законную силу. Такая ситуация, например, имеет место при повышении размера ущерба для признания его крупным или особо крупным (например, в ст.ст. 233 и 243 УК). Поэтому здесь невозможен отказ в возбуждении уголовного дела как по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК, так и по п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК, поскольку, соответственно, и общественно-опасное деяние, и состав преступления присутствовали на момент его совершения. В связи с этим следует сделать вывод, что в случаях, когда при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлениях все существенные обстоятельства последних, в т. ч. размер ущерба, установлены в полном объеме, орган уголовного преследования вправе отказать в возбуждении уголовного дела по п. 10 ч. 1 ст. 29 УПК. В противном случае нужно использовать весь арсенал следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным законом и необходимых для доказывания

наличия состава преступления на момент совершения деяния, что обычно возможно только после возбуждения уголовного дела. В свою очередь, после установления всех существенных обстоятельств дело прекращается по рассматриваемому основанию.

По рассматриваемому основанию также необходимо отказывать в возбуждении уголовного дела или прекращать производство по нему и в тех случаях, когда после совершения преступления изменяется или принимается правовой акт, в том числе подзаконный, устраняющий наказуемость деяния, к которому отсылает статья Особенной части УК, имеющая бланкетный характер. В качестве примера можно привести изменения соответствующих Правил (ст.ст. 223, 269 УК), размера тех или иных платежей и т. п.

Наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК Республики Беларусь.

П. 11 ч. 1 ст. 29 УПК наличие оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК, отнесено к обстоятельствам, исключающим производство по уголовному делу. В связи с этим может быть сделан вывод о том, что если при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении либо при непосредственном обнаружении признаков преступления орган уголовного преследования установит подобного рода обстоятельства, он принимает решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Такой вывод объясняется несогласованностью норм УК и УПК, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным статьями Особенной части УК. Так, как уже указывалось, в ст. 29 УПК предусматриваются как процессуальные, так и материально-правовые основания для отказа в возбуждении уголовного дела и его прекращения. В частности, рассматриваемое основание, предусмотренное п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК, является материально-правовым и условия его применения закреплены в УК.

Нормы Особенной части УК, устанавливающие подобные условия, закреплены в настоящее время в примечаниях к двадцати одной статье УК и устанавливают различные варианты позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступления. То обстоятельство, что имело место именно преступление, предполагает необходимость установления и доказывания самого его факта, виновности лица, а также наличия оснований для освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК.

Кроме того, нормы Особенной части УК, предусматривающие основания для освобождения от уголовной ответственности, могут иметь как императивный характер (например, примечание 2 к ст. 235 УК (лицо, участвовавшее в легализации денежных средств или имущества, приобретенных преступным путем, *освобождается* от уголовной ответственности за эти действия, если оно добровольно заявило о содеянном и способствовало выявлению преступления, примечание к ст. 431 УК (лицо, давшее взятку, *освобождается* от уголовной

ответственности, если в отношении его имело место вымогательство взятки либо если это лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном), так и диспозитивный (примечание 4 к гл. 37 УК (лицо, совершившее предусмотренное настоящей главой деяние (*воинское преступление*), не представляющее большой общественной опасности, при смягчающих обстоятельствах *может быть освобождено* от уголовной ответственности с применением правил Дисциплинарного устава Вооруженных Сил Республики Беларусь).

Поэтому практику освобождения от уголовной ответственности по п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК путем отказа в возбуждении уголовного дела следует признать формально соответствующей уголовно-процессуальному законодательству, однако, в силу вышеизложенного, весьма сомнительной. Ведь, как уже указывалось, прежде чем решать вопрос об освобождении от уголовной ответственности, необходимо доказать вину субъекта, а уже потом решать вопрос об индивидуализации ответственности.

Одним из вариантов решения данной проблемы могло бы стать изъятие рассматриваемой нормы из ст. 29 УПК и включение ее в ст. 30 УПК.

Наличие полномочий на принятие данного решения у должностных лиц

В соответствии с ч. 1 ст. 178 УПК при отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела орган дознания, следователь, прокурор выносят мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Несмотря на то что в указанном перечне органов и должностных лиц отсутствует начальник следственного подразделения, право последнего на принятие данного решения закреплено в ч. 1 ст. 174 УПК. Ч. 2 данной статьи относит к исключительной компетенции **органов предварительного следствия** в соответствии с их подследственностью с учетом особенностей, установленных гл. 49 УПК принятие решений по поступившим заявлениям или сообщениям о преступлениях, связанных со смертью человека; против половой неприкосновенности или половой свободы, предусмотренных ст.ст. 166–170 УК Республики Беларусь; совершенных депутатами Палаты представителей, членами Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, должностными лицами, занимающими ответственное положение, указанными в ч. 5 ст. 4 УК Республики Беларусь; совершенных должностными лицами прокуратуры, Следственного комитета Республики Беларусь, органов внутренних дел, государственной безопасности, финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь в связи с их служебной или профессиональной деятельностью. Это означает, что органы дознания при указанных обстоятельствах принимать решения, в том числе об отказе в возбуждении уголовного дела, не вправе. Исходя из определения понятия органа предварительного следствия, данного в п. 21 ст. 6 УПК, можно, на первый взгляд, сделать вывод о том, что и прокурор не вправе принимать аналогичные решения. Однако такой вывод будет неверным в силу того, что ч. 4

ст. 34 УПК наделяет прокурора правом как возбуждать уголовные дела, так и отказывать в их возбуждении без указания на ограничения в плане подследственности. Более того, именно соответствующий прокурор, согласно ст. 468-2 УПК, выступает в качестве субъекта возбуждения уголовного дела в отношении отдельных категорий лиц. Поэтому отсутствие в ч. 2 ст. 174 УПК указания на прокурора как лица, имеющего права на принятие решения по заявлениям и сообщениям об указанных здесь преступлениях, следует признать в качестве недостатка законодательной техники.

Решения, принимаемые прокурором при осуществлении надзора за законностью отказа в возбуждении уголовного дела

Приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 03.01.2013 № 1 «Об организации прокурорского надзора за исполнением закона органами уголовного преследования» прокурорам предписывается не реже одного раза в 15 дней проверять законность решений, принимаемых органами уголовного преследования по заявлениям и сообщениям о преступлениях; реагировать на нарушения учетно-регистрационной дисциплины (п. 2.1). П. 2.2 данного приказа устанавливается, что после получения копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела надзирающий прокурор должен запрашивать материалы проверки и в 10-дневный срок с момента поступления в прокуратуру проверять законность принятого решения, о чем делать отметку на копии постановления.

Из содержания ст. 179 УПК вытекает, что по результатам проверки отказных материалов прокурор может принять одно из двух возможных решений: 1) отменить постановление органа дознания или следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и направить материалы для проведения дополнительной проверки; 2) отменить постановление органа дознания или следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и возбудить уголовное дело.

1. Основным условием принятия прокурором решения об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и направлении материалов для проведения дополнительной проверки является неполнота проведенных процессуальных и следственных действий, в связи с чем, по мнению прокурора, однозначно не установлено одно из обстоятельств, перечисленных в ст. 29 УПК, послужившее основанием для отказа в возбуждении уголовного дела. В связи с этим в постановлении об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и возвращении материалов для дополнительной проверки прокурором должны быть изложены следующие обстоятельства: анализ фактических данных, характеризующих деяние; характер, результативность и соответствие закону мер, предпринятых по проверке сообщения о преступлении, обоснование вывода о несоответствии принятого по материалу проверки ее результатам и действующему законодательству, а также возможность устранить выявленные нарушения и недостатки в ходе дополнительной проверки. Прокурору также следует указать перечень кон-

кретных мероприятий, подлежащих выполнению в ходе ее проведения, а также силы и средства их осуществления.

2. Постановление об отмене постановления органа дознания или следователя об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждении уголовного дела выносится прокурором в следующих случаях: а) если из материалов проверки усматриваются достаточные данные, свидетельствующие о наличии в деянии признаков преступления, однако по тем или иным причинам им дана неверная оценка и незаконно отказано в возбуждении уголовного дела; б) ни одно из указанных в ст. 29 УПК обстоятельств материалами проверки не установлено как истинное, при этом все допустимые для первой стадии процесса проверочные действия выполнены и предусмотренные законом сроки исчерпаны.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 12.07.2013 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 16 июля 1999 г., № 295-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.07.2012 г. // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации, 18 дек. 2001 г., №: в ред. ФЗ от 21.07.2014 г. // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2014.

4. Об амнистии в связи с 65-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: Закон Респ. Беларусь, 1 июля 2010 г., № 147-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

5. О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам образования Следственного комитета Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 13 дек. 2011 г., № 325-З // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

6. О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений: Закон Респ. Беларусь, 9 янв. 2006 г., №94-З: в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.12.2011 г. // Консультант Плюс. Технология Проф [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2014.

7. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Республики Беларусь / Н.И. Андрейчик [и др.] под науч. ред. М.А. Шостака; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2014. – 1230, [2] с.

8. Скорогод, К. Законодательная неопределенность – не повод к нарушению процессуальных норм / К. Скорогод // Законность и правопорядок. – 2010. – № 4. – С. 39.

9. Панкратов, Д.Е. О сущности оснований для отказа в возбуждении уголовного дела / Д.Е. Панкратов // Российский следователь. – 2008. – № 15. – С. 7–9.

10. Петров, А. Надзор за законностью отказа в возбуждении уголовного дела / А. Петров // Законность. – 2013. – № 7. – С. 16–21.

11. Шарихин, А.Е. Прокурорский надзор за законностью возбуждения уголовного дела: лекция / А.Е. Шарихин // Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2010. – 44 с.

ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ ЧАСТНОГО ПРОТЕСТА В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА*

Хомич В.М., Белокопытов В.В.

Ст. 115 Конституции Республики Беларусь закрепляет право сторон и лиц, участвующих в процессе, обжаловать решения, приговоры и другие судебные постановления.

Прокурор, являясь участником уголовного процесса, в рамках осуществления надзора за соответствием закону судебных решений по уголовным делам принимает предусмотренные законом меры реагирования, направленные на защиту прав и законных интересов граждан и организаций, что в конечном итоге обеспечивает качество уголовного судопроизводства в целом.

Вместе с тем в уголовном судопроизводстве имеют место случаи, когда обжалование и опротестование некоторых судебных решений представляется затруднительным в силу неточности и запутанности конструкций правовых норм, определяющих данную процедуру.

В частности, к таким судебным решениям можно отнести вынесенные судьей (судом) при назначении и подготовке уголовного дела к судебному разбирательству, а также в ходе судебного разбирательства в предусмотренных законом случаях постановления (определения), приостанавливающие производство по уголовному делу.

Организация прокурорского надзора за законностью вынесенных судьями (судами) указанных судебных решений основывается на использовании прокурорами полномочий, предоставленных им Законом Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь», Уголовно-процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – УПК), приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 28 «Об организации поддержания государственного обвинения и осуществлении надзора за соответствием закону судебных решений по уголовным делам» и иными нормативными правовыми актами в сфере прокурорского надзора за соответствием закону судебных решений.

Прокуроры при осуществлении надзора должны тщательно анализировать каждый случай вынесения судебных постановлений, приостанавливающих производство по уголовному делу на предмет законности и обоснованности и принимать предусмотренные законом меры реагирования.

В этой связи прокурорам (государственным обвинителям) необходимо учитывать следующее:

1. По общему правилу, исходя из буквального смысла ч. 1 ст. 377 УПК и системного толкования иных норм УПК (согласно ч. 2 ст. 25 УПК), прокурор

* Статья подготовлена в виде рекомендаций, связанных с правовыми коллизиями функционально-правовой неопределенности частного протеста в системе уголовного судопроизводства Республики Беларусь.

обязан на всех стадиях уголовного процесса (и при рассмотрении уголовного дела судом по первой инстанции) своевременно принимать предусмотренные законом меры по устранению нарушений закона.

Формой прокурорского реагирования на незаконные (необоснованные) определения (постановления) суда (судьи) при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции являются кассационный и частный протесты.

Порядок обжалования и опротестования определений (постановлений) суда первой инстанции установлен ст. 377 УПК, в том числе определения (постановления) о приостановлении производства по уголовному делу.

2. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК определения суда и постановления судьи о приостановлении производства по уголовному делу обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежат.

Правила, установленные относительно порядка рассмотрения кассационных протестов, распространяются на порядок рассмотрения частных протестов.

Ограничение права на судебное обжалование постановлений и определений суда первой инстанции о приостановлении производства по делу подтверждается фактами возвращения судами вышестоящей инстанции частных протестов прокуроров со ссылкой на п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК.

3. Если прокурор, участвующий в деле, считает, что данное процессуальное решение является незаконным, он вправе возражать против необоснованных или представляющихся ему неправильными по другим основаниям действий председательствующего, требовать внесения в протокол судебного заседания возражений на указанные действия и записей об обстоятельствах, которые, по его мнению, должны быть отмечены (ч. 6 ст. 34 УПК).

4. Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2007 г. № 12 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих кассационное производство», если определение суда или постановление судьи, вынесенное во время судебного разбирательства уголовного дела, кассационному обжалованию и опротестованию не подлежит (п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК), а одна из сторон считает, что данное процессуальное решение повлияло на правильность приговора, его законность и обоснованность проверяются судом кассационной инстанции при рассмотрении дела по жалобе или протесту на приговор суда.

Таким образом, проверка законности и обоснованности промежуточных действий и решений суда осуществляется после постановления приговора, принятия иного решения по существу.

5. Изложенный выше порядок действий прокурора, применяемый в настоящее время в судебной практике, основывается на буквальном толковании п. 3 ч. 1 и ч. 3 ст. 377 УПК и не допускает принесение кассационного и частного протестов на рассматриваемые постановления (определения).

Это обусловлено неоднозначным толкованием и применением на практике вследствие процессуальной неточности формулировок, что фактически нивелировало применение института кассационного и частного протеста на опре-

деление (постановление) суда первой инстанции при рассмотрении уголовных дел.

Вместе с тем правовая природа и сущность указанных форм прокурорского реагирования в системе уголовного судопроизводства в научном плане имеет более широкое значение.

6. Так, согласно п. 12 ст. 6 УПК, «кассационный протест – протесты прокурора, государственного обвинителя об отмене или изменении приговора, не вступившего в законную силу». Казалось бы все ясно. Но это далеко не так. Суть и юридическая природа кассационного протеста состоит в том, что:

во-первых, таковой протест адресован вышестоящему суду (суду кассационной инстанции), который должен рассматривать протест и принять по нему решение;

во-вторых, кассационный протест подается на такие решения суда первой инстанции, которые разрешают по существу правосудный вопрос, связанный с фактом совершения преступления или уголовной ответственностью, т. е. когда суд первой инстанции, принявший решение, не должен и не может его отменять по чьей-либо жалобе или протесту. В этом заключается правосудная логика процессуальности и верховенства права в системе судопроизводства.

7. Кассационный протест подается (может и должен подаваться) не только на приговоры, не вступившие в законную силу, но и на иные определения (постановления), которыми уголовное дело в соответствии с нормами уголовного закона рассматривается по существу уголовно-правового конфликта, связанного с реализацией неотвратимости уголовной ответственности, применением принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, совершивших общественно-опасное деяния, досрочного освобождения от наказания и т. п. Так, кассационный протест может быть подан на постановление суда о прекращении производства по уголовному делу в связи с освобождением лица от уголовной ответственности (ст. 30 УПК). Еще одно очень важное замечание – определения (постановления) суда первой инстанции по указанным вопросам вступают (должны вступать) в законную силу по истечении определенного срока на их обжалование (к сожалению, эти вопросы в УПК не решены и поэтому требуют толкования).

8. Теперь по поводу частного протеста. Его правовая природа заключается в том, что:

во-первых, он подается суду, принявшему соответствующее определение (постановление) и разрешается этим же судом;

во-вторых, частный протест может и должен подаваться на определение (постановление) суда по первой инстанции, которые носят оперативно-установочный (промежуточный^{*}) характер в отношении судебного разбира-

^{*} Термин заимствован из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции». См. также п. 53.3 ст. 5 УПК РФ.

тельства и уголовного дела по обеспечению полноты, непосредственности ведения процесса, соблюдения правоохраняемых прав и интересов всех его участников, должной процедуры оценки и получения восполняемых доказательств и т. п. Определения (постановления) суда по первой инстанции, относящиеся к такого рода вопросам процесса, не касаются предметно рассмотрения уголовного дела по существу, вступают в законную силу после их провозглашения и поэтому как таковые кассационному опротестованию не подлежат. Нет процессуальной и правовой необходимости обжаловать (опротестовывать) такие определения в надзорном порядке, хотя о таковой возможности сказано в ст. 147 УПК.

Вместе с тем следует обратить внимание, что игнорирование судом вопросов законности или обоснованности принятия таковых решений по ходу ведения уголовного процесса может повлиять на законность постановленного приговора. Вот почему в таких случаях прокурор должен оперативно пользоваться правом принесения частного протеста.

9. Определенную путаницу в сущность и правовую природу частного протеста (как и частной жалобы) вносит п. 52 ст. 6 УПК, в котором говорится, что «частный протест – протест прокурора на определение суда первой инстанции и постановление судьи, **не вступившие в законную силу**».

Таковую юридическую оговорку в контексте изложенного следует рассматривать как несоответствующую правовым позициям недоразумение дефинитивного характера, поскольку буквально и предметно она (оговорка) фактически и по существу не соответствует гарантиям обеспечения законности ведения процесса по уголовным делам в судах первой инстанции, ограничивает право сторон (обвинения и защиты) оспаривать процессуально-правовые действия суда по ходу рассмотрения уголовного дела.

10. Теперь более конкретно. Суть проблемы состоит в том, позволяет ли ст. 377 УПК подать прокурору (государственному обвинителю) частный протест на определение (постановление) суда (судьи), которым приостанавливается производство по уголовному делу.

Ч. 1 ст. 377 УПК однозначно отвечает на этот вопрос положительно. В чем же тогда вопрос?

Вопрос в методологии правового толкования следующих позиций ст. 377 УПК:

Во-первых, в ч. 1 ст. 377 УПК для ограничения института частной жалобы и частного протеста используется формула «со следующими изъятиями», которая ориентирует на комплексную и системную оценку таковых ограничений с учетом правовой природы частного протеста (частной жалобы) и материально-процессуальной сути самого предмета опротестования (обжалования). Из этого и следует исходить при выяснении содержания пп. 2 и 3 ч. 1 ст. 377 УПК, в которых законодатель попытался сформулировать суть этих **изъятий** (корректность и юридическая технология нами не оценивается).

Первое изъятие (п. 1 ч. 1 ст. 377 УПК) из права на подачу частного протеста и частной жалобы касаются того, что из числа субъектов исключаются

иные участники уголовного процесса, имеющие (по общему правилу) право на подачу частной жалобы относительно определений суда и постановлений судьи, вынесенных в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 33 УПК. Частные протесты (прокурора) на такие постановления могут приноситься.

Второе изъятие (п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК) используется в форме напоминания о различной правовой природе и исходной процедуре принесения частных и кассационных протестов. Оно констатирует то положение, что определения суда и постановления судьи, рассматривающих уголовное дело по первой инстанции, вынесенные в случаях, предусмотренных ст.ст. 273, 274, 278–280, 302, 307, 310, 322, 323, 325, 327, ч. 5 ст. 330, ст.ст. 334, 347, 402 и 403 УПК, обжалованию и опротестованию в кассационном порядке не подлежат, т. е. могут и должны обжаловаться и (или) опротестовываться в порядке подачи частной жалобы или частного протеста. Поэтому никаких препятствий для подачи частного протеста на определение суда первой инстанции о приостановлении производства по уголовному делу (как и в других случаях, указанных в п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК, за некоторым исключением^{*}) уголовно-процессуальный закон в принципе не устанавливает.

Такая логика толкования ст. 377 УПК подтверждается ч. 2 указанной статьи УПК, в которой сказано буквально следующее: «В случаях обжалования или опротестования определения (постановления) суда, которое вынесено во время разбирательства уголовного дела, но решение об обжаловании или опротестовании принято после постановления приговора, то частная жалоба или частный протест разрешается (проверяется) судом кассационной инстанции при рассмотрении дела по жалобе или протесту на приговор суда и в контексте влияния такого определения (постановления) на законность и обоснованность приговора» (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2007 г. № 12 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих кассационное производство»).

Аналогичный порядок, но непосредственно в УПК (ч. 2 ст. 389-2) предусмотрен в Российской Федерации. Следует также иметь в виду, что в российском УПК нет понятия частной жалобы и частного протеста, а введено понятие «жалобы на промежуточные решения суда, рассматривающего уголовное дело по первой инстанции», которые подлежат самостоятельному обжалованию и рассмотрению в апелляционном порядке до вынесения итогового решения по делу (см. постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции»). Более того, постановлением Конституционного суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П определено, что положения ст. 236 УПК РФ,

^{*} По нашему мнению, постановление суда о прекращении производства по уголовному делу, вынесенное при назначении судебного разбирательства в порядке ст. 279 УПК, в части его прекращения по основаниям, указанным в пп. 3, 4, 7 и 11 ст. 29 УПК, касается рассмотрения уголовного дела по существу. Такие решения суда по первой инстанции вступают (должны вступать) в законную силу по истечении срока их кассационного опротестования.

исключающие обжалование постановления суда о приостановлении производства по делу, не имеют юридической силы и не подлежат применению.

11. Определенную неясность относительно частной жалобы и частного протеста вносит ч. 3 ст. 377 УПК, в которой сказано: «Правила, установленные настоящим Кодексом относительно сроков, порядка подачи и рассмотрения кассационных жалоб и кассационных протестов, распространяются на сроки, порядок подачи и рассмотрения частных жалоб и частных протестов».

При сохранении института частной жалобы и частного протеста в правовом формате уголовного судопроизводства и с его стадиями в Республике Беларусь в УПК есть одна норма (ст. 147), которая ориентирует на правила рассмотрения определений и постановлений суда по первой инстанции.

В соответствии с указанной статьей УПК предполагается, что жалобы и протесты на определения (постановления) судьи (судов), которые не вступили в законную силу, подаются (и рассматриваются) в соответствии с правилами гл. 39 УПК, а жалобы и протесты на вступившие в законную силу определения и постановления суда – в соответствии с правилами гл. 42 УПК.

К сожалению, в УПК не решен вопрос, какие определения и постановления суда первой инстанции вступают в законную силу после их провозглашения, а какие – после истечения срока на обжалование. Это относится и к случаям, указанным в п. 3 ч. 1 ст. 377 УПК. В каждом случае этот вопрос должен выясняться на изложенных в настоящей статье подходах.

И все-таки, как быть со сроками рассмотрения судьей (судом) частного протеста или частной жалобы. Относительно таких сроков ничего определенного в УПК не сказано. Однозначно только то, что эти сроки не могут быть идентичны срокам рассмотрения кассационного или надзорного протеста.

Частная жалоба или частный протест – это незамедлительное (оперативное) реагирование прокурора (иных уполномоченных участников уголовного процесса) на определение (постановление) судьи (суда), с которым он не согласен. Такой протест может (и должен) рассматриваться судьей (судом) в разумно короткие сроки – не более чем в трехдневный срок со дня подачи жалобы или протеста. Частный протест может подаваться в устной форме или письменно. Но в любом случае он заносится в протокол судебного заседания (письменный протест, кроме того, приобщается к протоколу судебного заседания). Аналогичным образом выносится и оформляется (процессуально закрепляется) решение судьи (суда) по рассмотрению частного протеста (см. ст. 308 УПК).

Таким образом, правовая природа частного протеста и его сущность дают направление для дальнейшего совершенствования действующего уголовно-процессуального закона.

НАШИ АВТОРЫ

Аккулев Аблайхан Шынтемирович – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Евразийского гуманитарного института, кандидат юридических наук, докторант ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Афонченко Татьяна Петровна – доцент кафедры правоведения Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации, кандидат юридических наук

Бабий Николай Алексеевич – заместитель директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Белокопытов Валерий Викторович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Бурый Виталий Евгеньевич – заместитель начальника факультета милиции по учебной работе УО «Могилевский институт МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук.

Гладкий Петр Александрович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Гречанюк Роксолана Владимировна – ведущий научный сотрудник отдела исследований проблем преступности в сфере служебной деятельности и коррупции НИИ Национальной академии прокуратуры Украины, кандидат юридических наук

Данисевич Анна Николаевна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Дмитренко Денис Иванович – старший преподаватель кафедры криминологии юридического факультета Белорусского государственного университета

Илий Сергей Кириллович – заведующий отделом проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере государственной и муниципальной службы, противодействия коррупции НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.

Карабанова Елена Николаевна – заведующий отделом НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Козьяков Игорь Николаевич – проректор по научной работе Национальной академии прокуратуры Украины, доктор юридических наук, доцент, государственный советник юстиции 3 класса, Заслуженный юрист Украины

Русецкий Олег Валерьевич – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сащико Павел Иванович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Сенько Анатолий Степанович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Сидоренко Татьяна Анатольевна – младший научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Солтанович Андрей Владимирович – начальник отдела ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Сороговец Дмитрий Викторович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Стаценко Владимир Григорьевич – доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент

Талалаев Владимир Алексеевич – начальник кафедры юридических дисциплин факультета внутренних войск УО «Военная академия Республики Беларусь»

Третьяков Григорий Михайлович – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Филиппенков Владимир Михайлович – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Хиревич Марина Леонидовна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Хомич Владимир Михайлович – директор ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь

Цуприк Алина Николаевна – аспирантка кафедры уголовного права Белорусского государственного университета

Чуприна Елена Петровна – доцент кафедры криминалистики Белорусского государственного университета, кандидат юридических наук

Шакель Надежда Валентиновна – помощник директора ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Швед Надежда Александровна – главный специалист ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ СТАТЕЙ

Объем материалов научной статьи, представленной к опубликованию, должен составлять не менее 14 000 и не более 20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и т. д. Материалы научных статей должны быть напечатаны на русском языке в редакторе Microsoft Word, шрифтом Times New Roman, 14 пт, межстрочный интервал 1,5, абзацный отступ 1,25 и включать следующие элементы:

Фамилию и инициалы автора (авторов) статьи, ее название.

Основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии).

Список цитированных источников.

Фамилия и инициалы автора (авторов) и название статьи набираются полужирным шрифтом по центру строки без переноса и без отступа. Название статьи должно отражать основную идею выполненного исследования, быть по возможности кратким, содержать ключевые слова.

Основная часть статьи должна содержать описание методики, объектов исследования и подробно освещать содержание исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть сформулированы с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Цитированные источники приводятся по тексту в квадратных скобках и нумеруются согласно порядку цитирования.

Список цитированных источников оформляется по правилам, указанным в Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации. Список располагается в конце текста и набирается шрифтом Times New Roman размером 12 пт.

Дополнительно представляемые материалы. Вместе со статьей автором (авторами) должны быть представлены:

аннотация на **русском и английском** языках (100–150 слов), которую необходимо изложить так, чтобы она была пригодна для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

сведения об авторе (авторах) статьи: фамилия, имя и отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, контактные данные (телефон, адрес, e-mail);

рецензия доктора или кандидата юридических наук для авторов, не имеющих ученой степени.

Научное издание

**Проблемы укрепления законности
и правопорядка: наука, практика,
тенденции**

Сборник научных трудов

Выпуск 7

Ответственный за выпуск *А. В. Солтанович*

Подписано в печать 15.12.2014. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 13,60. Уч.-изд. л. 14,80. Тираж 100 экз. Заказ 34с.

Издатель и полиграфическое исполнение:
Учреждение образования
«Белорусский государственный университет физической культуры».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/153 от 24.01.2014.
Пр. Победителей, 105, 220020, г. Минск.